

79.03/2
Я 75

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.Д.ЯРМАЧЕНКО

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ТВОРЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
А.С.МАКАРЕНКО

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. Д. ЯРМАЧЕНКО

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ТВОРЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
А. С. МАКАРЕНКО

Книга для учителя

КИЕВ РАДЯНСЬКА ШКОЛА 1989

ББК 74.03(2)
Я75

Рецензенты: чл.-корр. АПН СССР, д-р пед. наук *В. М. Корогов*,
канд. пед. наук *А. М. Кухта*

Редактор *Н. Г. Несын*

Ярмаченко Н. Д.

Я75 Педагогическая деятельность и творческое наследие
А. С. Макаренко: Кн. для учителя.— К.: Рад. шк.,
1989.— 191 с.— (Пед. б-ка).
ISBN 5—330—00641—4.

В книге освещаются актуальные положения педагогического наследия А. С. Макаренко — о коллективе как важнейшем условии и средстве коммунистического воспитания, о соединении обучения и производительного труда как ведущем принципе социалистической школы и многие другие.

Для учителей, работников народного образования, студентов педагогических вузов.

Я $\frac{430200000-243}{M210(04)-89} 214-89$

ББК 74.03(2)

ISBN 5—330—00641—4

© Н. Д. Ярмаченко, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Антон Семенович Макаренко создал высокоэффективную систему коммунистического воспитания. Она была первой и весьма удачной попыткой организовать подлинно социалистическую школу, создающую тип нового человека с коммунистическим сознанием и моралью, принципиально новым явлением в педагогической теории и практике.

Педагогический опыт А. С. Макаренко не стоит особняком, а представляет органическую часть единого развития советской педагогической теории и практики. В его основе лежат коренные принципиальные положения марксистско-ленинской науки о воспитании нового человека.

В колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского наиболее правильно и ярко были реализованы марксистско-ленинские педагогические принципы и наиболее эффективно использовано все богатейшее воспитывающее содержание, какое дает в руки педагога наша советская действительность. Вся жизнь и деятельность детей в этих учреждениях была организована как коммунистически воспитывающая жизнь, и это обеспечило им поразительный успех и невиданные в истории педагогической практики достижения.

А. М. Горький пазывал коммуны им. Ф. Э. Дзержинского прообразом построения бесклассового общества и поразительно удачным экспериментом, имеющим мировое значение. Такую же высокую оценку макаренковской системе воспитания давали и многие другие ученые, писатели, общественные деятели, многочисленные советские и зарубежные делегации, посещавшие коммуны в конце 20-х и в начале 30-х годов.

Весьма примечательно, что английская делегация, посетившая коммуны в 1931 г., предлагала дать ей название «Высшая школа социализма»¹.

В 1932 г. коммуны посетила французская делегация, возглавляемая президентом страны Эдуардом Эррио. Коммунары торжественно встретили гостей. Оркестр исполнил для них марш из оперы Ж. Бизе «Кармен» и отрывки из опер «Мадам Батерфляй» Дж. Пуччини и «Риголетто» Дж. Верди. Сыграны были также «Интернационал» и «Марсельеза». После этого Эдуард Эррио сказал: «Я потрясен... Я видел сегодня настоящее чудо... чудо, в которое я бы никогда не поверил, если бы не увидел его собственными глазами»².

Педагогическая система А. С. Макаренко являлась настолько новой и оригинальной, что она не сразу была принята, не сразу вошла в жизнь, а даже наоборот — подвергалась острой критике. Например, М. Бочачер в 1935 г. опубликовала рецензию на «Педагогическую поэму» под весьма выразительным названием «Антипедагогическая поэма»³, а некоторые оппоненты, как очень удачно заметила еще в 1937 г. один из первых критиков «Педагогической поэмы» Н. Четунова, не могли ее понять «без переводчика», без дополнительных разъяснений и толкований⁴. Такой же резкой критикой встретили некоторые рецензенты и его «Книгу для родителей»⁵.

Жизнь коммуны, а особенно ее результат — воспитание коммунаров — были настолько поразительны и необычны для педагогических представлений того времени, что, когда в 1938 г. вышла в свет повесть «Флаги на башнях», отдельные ученые-педагоги и литературные критики обвиняли А. С. Макаренко в искажении действительности. Новая ра-

¹ См.: Народное образование. — 1963. — № 3. — С. 20.

² См.: А. С. Макаренко: Книга четвертая. — Львов: изд-во Львов. ун-та, 1959. — С. 163—164.

³ См.: Книга и пролетарская революция. — 1935. — № 3. — С. 62—64.

⁴ Четунова Н. Педагогическая поэма // Лит. критик. — 1937. — № 10—11. — С. 256—280.

⁵ См.: Стороженко Н. П. Вредные советы родителям о воспитании // Совет, педагогика. — 1938. — № 3. — С. 124—128.

бота писателя-педагога называлась сусальной сказкой о том, чего не могло быть, нет и не будет. Литературный критик Ф. Левин обрушился на повесть с разгромной рецензией, в которой обвинял автора в том, что он якобы описал колонию «не чернилами, а розовой водой, размешанной на сахарине»¹.

И все же поваторская педагогика А. С. Макаренко уже при его жизни получила не только широкую известность, но и практическое внедрение. А. С. Макаренко неоднократно выступал на различных педагогических совещаниях и конференциях Полтавской и Харьковской областей и республики в целом. Он искренне делился своим опытом коммунистического воспитания детей и молодежи. Его выступления по радио, в периодической печати, в частности в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета» способствовали становлению и развитию методики коммунистического воспитания в нашей стране.

17 марта 1940 г. «Правда» опубликовала статью М. Кропачевой «Неиспользованное наследство», посвященную А. С. Макаренко. В статье указывались первоочередные задачи коммунистического воспитания и говорилось о значении педагогического наследия выдающегося советского педагога для выполнения этих задач.

Внедрению в широкую практику идей А. С. Макаренко способствовала дискуссия об актуальных проблемах воспитания, проведенная «Учительской газетой» летом 1940 г. В конце этой дискуссии газета «Правда» дала высокую оценку последнему выдающегося педагога. Распространению педагогического опыта выдающегося педагога способствовали также Украинская республиканская и Всесоюзная научная конференции по педагогическим наукам, состоявшиеся в Киеве (1940 г.) и Москве (1941 г.).

Педагогическое наследие А. С. Макаренко постепенно стало широко изучаться в средних и высших педагогических учебных заведениях, на курсах переподготовки педагогических кадров и в системе самообразовательной деятельности учителей. Его педагогические идеи всесторонне освещались на педагогических чтениях (от местных до всесоюзных), на различных научных и научно-практических конференциях и семинарах. И если в самом начале отмечалось всеобщее увлечение его произведениями и стремление непосредственно копировать его отдельные методы, приемы и формы воспита-

¹ Левин Ф. Четвертая повесть А. Макаренко // Лит. критик.— 1938.— № 12.— С. 144.

вия (ученические «советы командиров», «дежурство с ружьем» у школьного знамени, искусственно придуманные специальные школьные церемониалы и т. п.), то со временем творчески работающие педагоги стали проникать в сущность макаренковской системы в целом, постигать его «педагогическую логику». Передовые педагоги были увлечены идеей «перспективности», «завтрашней радости» в воспитательной системе А. С. Макаренко. Они стремились реализовать в конкретных условиях школы макаренковское учение о коллективе и закономерностях его полноценного функционирования. Многие из них добивались заметных результатов в коммунистическом воспитании школьников. Появилось ряд статей и докладов в журналах, на «Педагогических чтениях», в которых раскрывалось то новое, интересное и ценное, что им удалось внести в свою практику под влиянием идей выдающегося советского педагога.

К сожалению, это не получило своевременной поддержки в педагогической теории. Некоторые ученые, «признав» Макаренко под давлением общественного мнения, ограничились только цитированием его отдельных высказываний и положений. Как указывалось в передовой статье журнала «Народное образование» (1963 г.— № 3.), такое «плоское истолкование его системы в теоретических трудах, цитатнический подход к ней, игнорирование требований «педагогической логики» не могли не сказаться отрицательно на самой школьной практике» (с. 7).

Весьма интенсивно разрабатывалось наследие А. С. Макаренко в 50-е годы. Однако основное внимание уделялось вопросам организации и сплочения коллектива, школьному самоуправлению, школьной дисциплине, методике предъявления педагогических требований и др. Исследования методологических проблем фактически не было, да оно и не могло быть продуктивным в то время.

Внедрению теоретического наследия А. С. Макаренко в широкую педагогическую практику благоприятствовало издание его произведений. В 1946 г. вышел первый сборник его Избранных педагогических произведений (М.: Учпедгиз, 1946.— 303 с.). В 1948 г. была издана книга Педагогических сочинений А. С. Макаренко, в которую вошли неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений (М.: Учпедгиз, 1948.— 304 с.). В 1949 г. вышли Избранные педагогические сочинения А. С. Макаренко в 4-х книгах (Кн. 1: Лекции о воспитании детей.— 163 с.; Кн. 2: Книга для родителей.— 347 с.; Кн. 3: Флаги на башнях.— 475 с.; Кн. 4: Педагогические произведения.— 592 с.). В 1950—1952 гг.

Академией педагогических наук РСФСР под редакцией И. А. Каирова, Г. С. Макаренко, Е. И. Медынского были изданы Сочинения А. С. Макаренко в 7-ми томах. С некоторыми дополнениями и изменениями этот семитомник был переиздан в 1957 — 1958 гг.

Значительной активизации работы по овладению педагогическим наследием А. С. Макаренко способствовало принятие в 1958 г. Закона о школе, наделивавшего школу на соединение обучения с производительным трудом учащихся. Производительный труд в цехах, на полях, на стройках, разнообразная общественно полезная работа учащихся наполняли каждый школьный коллектив дыханием жизни, труда. У школьных работников заметно возрос интерес к педагогическим идеям А. С. Макаренко. В его учении о коллективе и блестящем опыте трудового воспитания педагоги находили ответы на многие вопросы школьной практики, стремились проникнуть в самую природу явлений обучения и воспитания, постичь их внутреннюю «педагогическую логику» и найти новые решения волнующих их проблем.

Накануне Всероссийского съезда учителей в «Литературной газете» (1960.— 11 июня) было опубликовано открытое письмо писателей, педагогов, артистов и воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского под заглавием «Пусть в каждую школу войдет Макаренко». В письме говорилось о необходимости некоторых организационных мер, направленных на изучение и практическое использование педагогического наследия А. С. Макаренко. В частности, отмечалась важность глубокого изучения будущими учителями еще на студенческой скамье трудов замечательного педагога. Для этого предлагалось устраивать в педагогических институтах специальные курсы и семинары. Указывалось также на необходимость пропаганды макаренковской системы воспитания среди учителей школ и родительской общественности. Кроме того, было высказано пожелание проводить ежегодные «Педагогические чтения», посвященные научной разработке и практическому применению системы Макаренко, а также учредить медаль А. С. Макаренко за выдающиеся достижения в области воспитательной работы.

Письмо вызвало многочисленные отклики как отдельных читателей, так и целых коллективов: родителей, учащихся, студентов, педагогов, постановлений ученых советов и кафедр педагогики педагогических институтов. На эти письма ответили министр просвещения РСФСР Е. И. Афанасенко (Литературная газета.— 1960.— 26 мая) и вице-президент Академии педагогических наук РСФСР Н. К. Гон-

чаров (Литературная газета.— 1961.— 11 февр.). В этих ответах говорилось о необходимости широко и разными путями пропагандировать педагогические идеи А. С. Макаренко.

Одним из самых ярких пропагандистов педагогического наследия А. С. Макаренко в 50 — 60-е годы был В. А. Сухомлинский. Не только в своих многочисленных публикациях, но и в личной педагогической практике он последовательно боролся за подлинно советскую педагогику Антона Семеновича Макаренко, способствовал ее внедрению и распространению. В. А. Сухомлинский писал, что он всю жизнь стремился осмыслить теоретические выводы А. С. Макаренко, восхищался его страстной нетерпимостью к педагогическому рутинерству, смелостью педагогического дерзания. Он его любил за подлинную, требовательную гуманность, за глубокую веру в человека.

За несколько дней до смерти В. А. Сухомлинский писал: «Нет другого педагога-практика, которого бы я любил и уважал так, как А. С. Макаренко. Тридцать два года я работаю в школе и тридцать два года стремлюсь осмыслить теоретические выводы из его практики. Для меня он не какой-то недостижимый образец, а друг, соратник в борьбе за человека, которая, начавшись с залпом «Авроры», идет вот уже более полувека.

Я искал в его книгах истины, в которых чрезвычайно нуждался. Весь мой скромный педагогический опыт — результат этих исканий»¹.

В. А. Сухомлинский постоянно опирался на идеи и опыт А. С. Макаренко, которые он не только использовал, но и стремился развивать в новых конкретно-исторических условиях. Его интерпретация ведущих положений педагогики Н. С. Макаренко представляет несомненный интерес, хотя и не всегда является бесспорной².

В. А. Сухомлинский считал, что самая опасная «тактика» — это замалчивание творческого наследия, равнодушие к великому педагогу, попытка «превратить Макаренко в музейную икону»³. Он подвергал резкой критике и тех учителей, которые пытаются механически перенести отдельные приемы из макаренковской практики в сегодняшнюю школьную жизнь. Из-за низкой педагогической культуры такие учителя не получают ожидаемых результатов, и тогда раз-

¹ Сухомлинский В. А. Педагог — коллектив — личность // Лит. газ.— 1970.— 28 окт.

² См. подробно: Нар. образование.— 1989.— № 8.— С. 70—78.

³ Неизвестные письма В. А. Сухомлинского: Письмо к М. П. Павловой от 15. XI. 1963 г. // Комс. правда.— 1972.— 16 нояб.

водят руками: что же, Макаренко, мол, устарел, время сейчас не то... Следует признать весьма обоснованным вывод В. А. Сухомлинского о том, что «творческое использование богатейшего опыта Макаренко — это прежде всего воплощение его идей в новые формы работы, соответствующие духу нашего времени»¹. Сам он очень редко цитировал Макаренко, однако во всех своих трудах показывал, как в практической работе 50—60-х годов воплощались идеи великого педагога.

В. А. Сухомлинского очень беспокоило то, что о Макаренко много говорят и пишут, но очень мало что делают в школах для практического внедрения его идей и системы. Он писал: «Присмотритесь к школам — как мало людей, которые по-настоящему, творчески применяли бы его идеи, развивали его учение в новых условиях. Как это ни странно, но мне кажется, еще мало есть учителей, которые знали бы по-настоящему Макаренко»¹. Беспокоило и даже возмущало его то, что многие «ученые» «проходят» через творчество А. С. Макаренко, как через мостик для достижения степеней и званий, а потом забывают и о школе, и о Макаренко¹.

В. А. Сухомлинский был глубоко убежден в том, что «все живое и творческое, что есть в нашей школе, — это детище А. С. Макаренко»¹. Он неоднократно указывал на необходимость творческого подхода к наследию А. С. Макаренко, не копируя слепо, механически отдельные его приемы и способы. Например, он говорил, что пользоваться методом выражения доверия и недоверия немислимо без глубокого знания индивидуальности каждого питомца, без глубокой веры в добро. Этот острейший инструмент полезен лишь при условии тончайшего, безошибочного его применения. Если педагог, зная понаслышке о блестящих результатах проявления доверия в воспитательной системе А. С. Макаренко, решает сделать также, авось что-нибудь получится, — то ученик почувствует, что воспитатель делает из него игрушку. Такое «доверие» оборачивается для педагога самым неожиданным результатом: «воспитанник становится замкнутым, пастороженым, недоверчивым и озлобленным, он болезненно воспринимает доброе слово»².

В макаренковском духе звучит и требование В. А. Сухомлинского, чтобы воспитатель выражал своим доверием прежде

¹ Неизвестные письма В. А. Сухомлинского: Письмо к М. П. Павловой от 15.XI.1963 г.

² Сухомлинский В. А. Этюды о коммунистическом воспитании // Нар. образование. — 1967. — № 12. — С. 42.

всего оценку доброго начала в человеке, как бы «забывая» одновременно о зле. Признак дремучего педагогического педантизма — когда воспитатель, оказывая доверие воспитаннику, одновременно напоминает ему: за тобой числятся много грешков, я об этом помню, но вот, видишь, доверяю тебе; значит, я добрый человек, так будь же и ты хорошим. Доверие и оправдание его не должно выступать предметом специального усиленного внимания со стороны воспитателя и ученического коллектива.

В. А. Сухомлинийский не только разделял и пропагандировал идеи А. С. Макаренко, но и считал своей задачей отыскать пути их реализации в практической работе школы. Развитие педагогической теории Антона Семеновича, по его мнению, должно состоять в том, чтобы рассматривать в свете этой теории новые явления, возникающие в современных условиях.

На значительные трудности внедрения педагогики А. С. Макаренко в широкую учебно-воспитательную практику указывал один из его воспитанников и продолжатель его дела С. А. Калабакин. Он писал: «На всех педагогических перекрестках Макаренко громко хвалят и превозносят, но если прислушаться, то недоброжелательных голосов найдется немало в учительском мире:

— Макаренко устарел,— это говорится безапелляционно, с небрежным, отбрасывающим жестом.

— Да, да, его педагогическое чудо непревзойдено, но что Вы хотите? Талант, дар божий. Все зависит от учителя. Есть учителя любимые, есть бездарности и посредственности. Закон природы.

— Вот, говорят, Макаренко, Макаренко. А я попробовал ввести аресты: ничего не вышло. И Макаренко не бог, тоже ошибался. Нельзя все брать у него.

— Макаренко был хорош для воспитания «уголовников» и беспризорных. Для нормальной школы он не годится»¹.

Доказывая полную несостоятельность таких подходов к педагогическому наследию выдающегося советского педагога, С. А. Калабакин призывал к широкому использованию его в решении задач по коммунистическому воспитанию детей и молодежи.

Очень удачно реализуются педагогические идеи А. С. Макаренко в Сахновской средней школе Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, возглавляемой талантлив-

¹ Калабакин С. А. Вперед вместе с Макаренко! // Нар. образование.— 1963.— № 3.— С. 60.

вым педагогом, народным учителем СССР, членом-корреспондентом АПН СССР Александром Антоновичем Захаренко. Он не по форме, а по существу во всей своей деятельности последовательно руководствуется макаренковскими педагогическими установками. В центре его внимания стоит учебно-воспитательное самоуправление. Особое внимание уделяется организации производительного труда учащихся. В 4 — 5-х классах они работают не менее одного часа в день в течение учебного года и до трех часов летом. В 6 — 8-х классах учащиеся трудятся по полтора часа в день, а летом — до четырех часов. С 6-го класса каждый ученик получает трудовую книжку, в которой ведется учет общественно полезной деятельности детей.

Систематическое участие в производительном труде позволяет школьникам постепенно осмыслить и осознать значимость общественного производства в жизни современного человека. Работая плечом к плечу со старшими в качестве помощников комбайнеров, трактористов, на ремонте сельскохозяйственной техники, операторами машинного доения, учащиеся берут пример с передовиков, учатся добросовестно трудиться, овладевают разнообразными практическими умениями и навыками.

Двери школы открыты до позднего вечера (как правило, до 23 часов). В кабинетах и мастерских дети под руководством наставников трудятся, учатся, расширяют свои познания. По образцу макаренковских сводных отрядов в школе создано 20 бригад. Руководят ими учащиеся и наставники-шефы. В состав бригад входят ученики 1 — 10-х классов, учителя, родители, бывшие выпускники школы. Для каждой бригады составлен график работы (день, время и порма) так, что ежедневно после уроков при непосредственном участии директора школы члены каждой из них трудятся по два часа. Во время каникул бригады работают посменно, на протяжении светового дня. Десятиклассники составляют производственную бригаду, работающую на полном самоуправлении. Важнейшим органом самоуправления в школе является совет бригадиров, возглавляемый одним из членов комитета комсомола школы.

В Сахновской школе ребята живут насыщенно и интересно. Они хорошо трудятся, так же хорошо учатся и умеют красиво отдыхать. Школа имеет известный на всю округу духовой оркестр, вокально-инструментальный ансамбль, кукольный театр, балетную студию, художественную школу и т. п. Школа действительно стала центром культурной жизни села. Здесь с большой изобретательностью прово-

дятся вечера отдыха, отчетные концерты, школьные праздники.

Принципиально важно, что А. А. Захаренко не слепо копирует А. С. Макаренку, а, руководствуясь его «педагогической логикой», стремится максимально учитывать особенности своего села и роли школы в нем, запросы и интересы сегодняшних школьников, хорошо программирует и определяет перспективные пути каждого из них в большую жизнь. В школе уже много лет нет правонарушителей и нет неуспевающих.

Исключительно интересно и удачно внедряется макаренковская педагогика в Среднеберезовской средней школе Косовского района Ивано-Франковской области, которой 15 лет руководил известный на Прикарпатье педагог Василий Иванович Белавич.

Среднеберезовские школьники, как и в Сахновке, также вовлекаются в систематический производительный труд. С помощью взрослых они построили свою новую прекрасную школу. Удачно используя элементы хозрасчета, учащиеся развивают и укрепляют свое подсобное хозяйство, в результате чего школа ежегодно получает около 30 тысяч рублей прибыли. Это позволяет ей укреплять материальную базу для учебно-воспитательной работы, улучшать питание учащихся, социально-бытовое и культурное их обслуживание.

В школе есть 10 хорошо оборудованных кабинетов трудового обучения: мастерская по дереву, металлу, кузница, класс токарного дела, класс правил уличного движения и техники безопасности, монтажно-демонтажная мастерская, класс агротехники, кабинет обслуживающего труда и отдельные рабочие кабинеты. Кроме станочного оборудования, школа имеет восемь тракторов, комбайн, различное навесное и прицепное оборудование к ним, свою животноводческую ферму с несколькими хорошими молочными коровами, с десятками свиней, овец и домашней птицы, которая обеспечивает свежим молоком, мясом и яйцами школьную столовую.

Здесь очень интересно проводятся школьные олимпиады по трудовому обучению, конкурсы по профессиям. Принципиально важным является то, что школа, добиваясь высокой производительности труда, является образцом и для местного колхоза, пропагандистом передовой агрономической мысли среди сельского населения.

Однако не только трудом славится Среднеберезовская школа. В ней на высоком уровне поставлена и учебная работа, которая органически увязывается с трудовой деятельностью

ребят, с чрезвычайно богатым местным краеведческим материалом. Ежегодно 20—30 выпускников школы поступают в высшие и средние специальные заведения.

В Среднеберезовской школе четко функционирует ученическое самоуправление. Ученическая производственная бригада объединяет около 250 учащихся 4—10-х классов. Она состоит из земледельцев, свекловодов, картофелеводов — 7 звеньев (свыше 100 человек), овощеводов — 1 звено (15 человек), садоводов — 4 звена (60 человек), механизаторов — 1 звено (15 человек), животноводов — 2 звена (30 человек), по заготовке кормов — 1 звено (15 человек). За бригадой закреплено 70 га земли, где выращивают картофель, кормовую свеклу, ухаживают за садом, работают на сенокосе.

В Среднеберезовской школе учатся ребята из семи сел, расположенных на расстоянии от 3 до 10 километров. На занятия и обратно домой учащихся возят четырьмя автобусами, которые содержатся за счет спецсредств, поступающих от учебно-производственного комплекса школы.

Большое внимание в школе уделяется эстетическому воспитанию учащихся. Работают студии народных и балльных танцев, школьный кинотеатр (2 бесплатных сеанса в неделю с обязательным обсуждением просмотренных фильмов). На всю область известен школьный ансамбль песни и пляски «Веселка». В школе имеется три хоровых коллектива, три танцевальных (для учеников младших и старших классов), музыкальная студия. Много внимания уделяется спортивно-массовой работе. Систематически проводятся соревнования на первенство школы по гандболу, баскетболу, волейболу, футболу. Работают и разнообразные научно-технические кружки: авиамодельный, радиотехнический, моделирования сельскохозяйственных машин, одежды, мебели и другие.

Среднеберезовская школа является центром воспитательной работы для нескольких сел своего района. Она активно влияет на укрепление местного колхоза им. Ярослава Галана. Абсолютное большинство сельской интеллигенции — недавние выпускники школы.

Около 20 лет успешно используется педагогическая система А. С. Макаренко и в Мамлютской санаторной школе-интернате Северо-Казахстанской области Казахской ССР, которой до 1988 г. руководил талантливый педагог, народный учитель СССР Кубраков Григорий Максимович¹.

¹ Об опыте работы Г. М. Кубракова см.: Кубраков Г. М. По пути Макаренко. — Алма-Ата: Мектеп, 1982. — 87 с.; Кубраков Г. М. По заветам Макаренко: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1987. — 118 с.

Аналогичных примеров можно привести много. В каждой области есть педагогические коллективы, которые глубоко осознали макаренковскую педагогику, последовательно ее внедряют и добиваются блестящих результатов в обучении и коммунистическом воспитании учащейся молодежи. И все же научно-теоретические и методические работы выдающегося педагога еще не стали всеобщим достоянием. Многие учителя, руководители школ, работники органов народного образования весьма поверхностно их знают. Они практически не могут извлечь из них необходимую пользу. Именно потому глубокое овладение наследием А. С. Макаренко и сегодня остается одной из актуальнейших задач советских педагогов.

Перед школой, всей системой народного образования партия ставит огромные задачи. Революционная перестройка в стране немыслима без коренных преобразований жизни и деятельности общеобразовательной школы, значительного совершенствования системы коммунистического воспитания подрастающего поколения. Поэтому и сегодня мы ощущаем и осознаем величие педагогики А. С. Макаренко как «огромнейшего значения и поразительно удачный эксперимент»¹.

¹ [Письмо А. М. Горького от 3х.01. 1933 г] — Цит. по: Макаренко А. С. Педагогические сочинения; В 8-ми т.— М.: Педагогика, 1983—1986.— Т. 1.— С. 255.

В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться только фамилией автора; Макаренко.

ЖИЗНЬ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. МАКАРЕНКО

Родился А. С. Макаренко 13 марта 1888 г. в небольшом городке Белополье Сумского уезда Харьковской губернии (в настоящее время Сумской области) в семье маляра-полировщика железнодорожных мастерских. В 1896 г. он поступил в местное двухклассное железнодорожное училище с пятилетним курсом обучения. В 1901 г. семья Семена Григорьевича Макаренко переезжает в г. Крюков, в то время пригород г. Кременчуга Полтавской губернии (теперь Полтавской области). А. С. Макаренко блестяще сдает экзамены и поступает во второй класс Кременчугского городского четырехклассного училища (с шестилетним сроком обучения). В 1904 г. он с отличным аттестатом заканчивает это учебное заведение и поступает на одногодичные педагогические курсы, существовавшие при этом же училище.

Один из преподавателей А. С. Макаренко П. П. Кампский писал: «Я хорошо помню Антона Семеновича и учеником и курсантом. Учился он действительно прекрасно, обладая исключительными способностями и удивительной для юноши выдержкой. Пробные уроки всегда проходили у него отлично»¹.

В 1905 г. с оценкой «очень хорошо» Антон Семенович заканчивает курсы и получает свидетельство, в котором указывалось: «...удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства народного просвещения».

С 1 сентября 1905 г. А. С. Макаренко учительствует. Вначале он был назначен помощником учителя двухклассного железнодорожного училища в г. Крюкове, а затем преподавал в нем русский язык, рисование и черчение. Вспоминая об этих годах, А. С. Макаренко в статье «Максим

¹ Цит. по: Медынский Е. Н. Антон Семенович Макаренко: Жизнь и педагогическое творчество.— М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949.— С. 14.

Горький в моей жизни» (впервые опубликована в альманахе: Год XIX.—1936.—Кн. 10.) писал: «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» * боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков»¹.

В это время формируется идейно-политический облик юного Антона Семеновича, закладываются прочные основы его мировоззрения. Сам он по этому поводу писал: «Ударил вдруг по нашей земле целым скопом раздирающих молний 1905 год. Очень много интересных вещей полетело вдруг к черту в этой грозе; полетели «обожаемые государи» и «верные наши подданные», могильный покой и затхлость многих медвежьих углов, графы Салюасы и князья Волконские. Как туман, начало расплываться и исчезать квалифицированное невежество Гаврил. Пыльный занавес дворянского великолепия тоже заходил под ветром, и мы увидели, что есть большая человеческая культура и большая история. Мы уже не рылись в библиотечном шкафу, теперь новые книги каким-то чудом научились находить нас, настоящие новые книги, которые звали к борьбе и не боялись бури»².

Революционная волна увлекла А. С. Макаренко. М. Г. Компанцев, работавший в то время директором Крюковского железнодорожного училища, в своих воспоминаниях писал о том, как в конце 1905 г. А. С. Макаренко с радостью приехал на станцию Люботин для участия в съезде учителей Харьковско-Николаевской железной дороги. Он «всегда умел убеждать, и благодаря этому весь учительский коллектив до единого двинулся на съезд. Речи, резолюции, споры, разговоры. Антон Семенович в своей атмосфере: деятельно пишет резолюции»³.

М. Г. Компанцев и А. С. Макаренко выписывали в 1905 г. первую легальную большевистскую газету «Новая жизнь» и были постоянными ее читателями. Здесь А. С. Макаренко мог прочитать ряд статей В. И. Ленина, в том числе и статью

* «Союз русского народа» — массовая черносотенная организация в России, возникшая в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Этот Союз объединял реакционных представителей мелкой буржуазии города, помещиков, часть интеллигенции, духовенства, деклассированные городские элементы, часть кулачества, некоторую часть малоземельных крестьян. Союзу покровительствовал царь Николай II.

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 11.

² Там же.— С. 10.

³ Начальная школа.— 1944.— № 5—6.— С. 4—5.

«Партийная организация и партийная литература», а также «Заметки о мещанстве» М. Горького, написанную в духе марксистско-ленинской методологии.

По свидетельству Е. Ф. Григорович, после революции 1905 г. каждую зиму шесть-семь учителей во главе с Антоном Семеновичем составляли кружок и изучали глубоко и досконально отдельные труды по истории и философии¹.

Очень сильное влияние на молодого А. С. Макаренко оказало творчество и личность Алексея Максимовича Горького. Впервые он прочитал «Песню о Буревестнике», «Челкаш» и некоторые другие произведения еще в 1903 г. После революции 1905 г. деятельность, книги и сама жизнь писателя стали для него мощным источником юношеских размышлений и работы над собой. Пример Максима Горького в культурном и нравственном росте А. С. Макаренко, по его же словам, «определил все». «Максим Горький,— писал он,— сделался для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем», и в моей работе нельзя было обойтись без Максима Горького.<...>

И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»². Жизнь человека и писателя А. М. Горького стала для Антопа Семеновича и его учеников образцом.

Учительская деятельность А. С. Макаренко с самого начала была довольно успешной. Он проявлял много инициативы в организации разнообразной воспитательной работы среди школьников. О его педагогическом мастерстве очень убедительно рассказали одна из первых его учениц, в последствии кандидат исторических наук Е. И. Депутатова, М. Г. Компанцев, учительница Н. Е. Кислова³.

В воспитательную работу с учащимися директор училища и некоторые учителя, в том числе и А. С. Макаренко, во-

¹ См.: Проценко В. Крюковские встречи // Нар. образование.— 1963.— № 3.— С. 94.

² Макаренко.— Т. 4.— С. 11—12.

³ См.: Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы.— К.: Рад. шк., 1976.— С. 11; Начальная школа.— 1944.— № 5—6.— С. 4; Воспоминания о Макаренко: Сб.— Л.: Ленвиздат, 1960.— С. 96—97.

влекали и местное население: был создан родительский комитет, в состав которого вошли передовые рабочие, организован ученический лагерь, устраивались школьные праздники. В школе рабочие собирались не только по делам родительского комитета, но и для революционной деятельности.

Официальные власти не могли мириться с создавшимся положением. М. Г. Компанцев в 1909 г. был переведен в железнодорожную школу станции Долинская Херсонской губернии (теперь Кировоградской области). Новый директор «павел порядок» в Крюковском училище. Практически всякая революционная деятельность была прекращена. В школе воцарилась строгая формально-бюрократическая система обучения с решительным пресечением какого бы то ни было вольнодумства. «В частых письмах мне, — вспоминал М. Г. Компанцев, — Антош Семенович жаловался на бюрократизм нового руководителя, непонимание живого педагогического дела, на мертвечину, которой он окутал школу. В слово «Кузьма» (так звали зава) Антон Семенович вкладывал глубокую ненависть к учителю-бюрократу»¹. В его письмах звучали также нотки отчаяния и просьба взять его в школу на станции Долинская.

Наконец в 1911 г. был оформлен перевод А. С. Макаренко и его друга учителя Орлова в эту школу. Оба они стали «славными помощниками» директора М. Г. Компанцева. Кроме учительских обязанностей, они за дополнительное вознаграждение по 10 рублей в месяц были «надзирателями» в общежитии учеников, родители которых жили на линии. Жили они в одной маленькой комнатухе общежития и занимались воспитанием ребят.

«В Долинской, как и в Крюкове, Антон Семенович вскоре стал любимцем всей станицы и поселка. Появление его в школе внесло свежую струю в воспитательный процесс. В школе начали устраивать ученические костюмированные вечера, спектакли, елки. Организовали духовой ученический оркестр, руководимый слесарем депо И. С. Терновым, бывшим полковым музыкантом. Оркестр этот весьма оживлял ученические вечера»¹.

А. С. Макаренко уже в этот период зарекомендовал себя хорошим организатором и руководителем внеклассной работы. Особенно много внимания уделял он внеклассному чтению своих воспитанников, литературно-драматическому кружку, художественному воспитанию учащихся. Он широко привлекал к воспитательной работе родителей своих учеников.

В 1914 г. в Полтаве открылся учительский институт.

¹ Начальная школа. — 1944. — № 5—6. — С. 5.

А. С. Макаренко, имея уже девятилетний опыт учительской деятельности, блестяще сдал вступительные экзамены по всем общеобразовательным предметам. Но по «Закону божьему» первоначально получил неудовлетворительную оценку. Несмотря на это, учитывая его опыт работы и глубокие знания по основным наукам, ему исправили оценку на «удовлетворительно» и приняли в институт.

В ноябре того же года его зачислили казенным стипендиатом. Как и все казенные стипендиаты, он подписал обязательство, что прослужит «по окончании курса за казенную стипендию не менее шести лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства»¹.

А. К. Волнин, первый ректор Полтавского учительского института, в воспоминаниях писал, что Антон Семенович был наиболее активным и требовательным читателем книг институтской и других библиотек. На педагогических конференциях в институте он был одним из активнейших участников².

В. Н. Тарасов, преподававший историю в Полтавском учительском институте в период, когда учился там А. С. Макаренко, также указывал на то, что «у Макаренко было большое стремление к углубленному усвоению изучаемых дисциплин. Он основательно изучал рекомендуемую литературу; читал много книг и работал по первоисточникам; вообще чтение для Антона Семеновича было жизненной потребностью»³. Прочитывая труды по истории, он делал из них выписки, иногда сопровождая последние своими замечаниями.

За время учебы в институте Антон Семенович, как он писал впоследствии в приложении к заявлению в Центральный институт организаторов народного просвещения (1922 г.), получил хорошую подготовку по природоведению («совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений»), общей биологии («несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [проявлениями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое»), географии («знаю прекрасно в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих

¹ См.: Нежвинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы.— С. 13—14.

² Волнин А. К. Антон Семенович Макаренко в учительском институте // Воспоминания о Макаренко: Сб.— С. 38.

³ Тарасов В. Н. В Полтавском учительском институте // Там же.— С. 43.

форм)), социологии, политической экономии и истории социализма («штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения... знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслово, Ленина»), логике, психологии («читал все, что имеется на русском языке»). Самым любимым его предметом была история («почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского»), много читал по русской и зарубежной истории, педагогике, любил и хорошо знал художественную литературу.

Уже во время учебы в институте Антон Семенович отличался самостоятельностью и оригинальностью мышления. Так он написал большое сочинение «Кризис современной педагогики», за которое получил золотую медаль.

20 сентября 1916 г. А. С. Макаренко был призван в армию и по апрель 1917 г. прослужил ратником 127-й пехей Воронежской дружины. Возвратившись из армии, Антон Семенович в июне 1917 г. успешно закончил институт. Педагогический совет дал ему следующую характеристику: «Макаренко А. — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку»¹.

Учительские институты царской России не давали общего среднего образования и права поступления в высшие учебные заведения. Они выпускали преимущественно учителей-практиков, которые хорошо знали только то, что им необходимо было для преподавания в школе.

Окончив учительский институт с золотой медалью, А. С. Макаренко просил ректорат разрешить ему сдавать вступительные экзамены в Московский университет. Однако такого разрешения он не получил. Многие из тех, кто хорошо знал Антона Семеновича, отмечали, что он неоднократно высказывал в беседах свои сожаления по поводу того, что ему так и не удалось получить более полного и законченного образования.

Осенью 1917 г. А. С. Макаренко некоторое время (сентябрь — октябрь) работал учителем образцового училища при Полтавском учительском институте. Здесь он и встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, от-

¹ Цит по: Макаренко. — Т. 8. — С. 118.

крывшую перед ним огромные перспективы и создавшую необходимые условия для расцвета его педагогики, по своему духу находящейся в полном соответствии с великими идеями пролетарской революции.

Впоследствии он писал: «...после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях»¹.

В начале декабря 1917 г. А. С. Макаренко прибыл в Крюков. С января 1918 г. по май 1919 г. он работал инспектором (директором) Крюковского высшего начального железнодорожного училища *. Условия для работы училища были весьма сложные, однако уже и в этот период достаточно ярко проявились организаторские способности и педагогический талант Антона Семеновича. В педагогической работе он старался находить всегда что-то новое, оригинальное. В качестве учителей он приглашал в школу людей, которые шли работать с детьми по призванию, всячески поддерживал их стремление стать учителями-профессионалами. В школе активно работал родительский комитет, в который входили и рабочие-большевики.

Весной 1919 г. А. С. Макаренко в запущенном фруктовом саду и на прилегающей к нему заброшенной земле организовал производительный труд воспитанников училища. Ученики по территориальному признаку (с одной улицы или из одного дома) были разделены на отряды садоводов, огородников и цветоводов. Командирами отрядов и их заместителями были педагоги. Функционировало самоуправление учащихся. В воспитательной работе использовались некоторые элементы военизации (строй, барабанщики, горнисты, салют и т. п.).

В этот же период А. С. Макаренко открывает вечерние курсы для рабочих, на которых преподавал русский язык и историю, занимался политическим и культурным просвещением. Из числа учителей, старших учащихся и родителей при школе был создан драматический коллектив, который ставил пьесы «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Женитьба» Н. В. Гоголя.

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 12.

* Высшие начальные училища в России возникли по положению 25 июня 1912 г. взамен 3- и 4-классных городских училищ. Они состояли из 4 классов с годичным курсом в каждом. Существовали мужские, женские и небольшое число смешанных училищ, в которые принимались дети в возрасте 10—13 лет. Обучаться в них могли дети средних слоев городского населения, окончившие начальную школу. Выпускники высших начальных училищ обычно поступали в учительские семинарии или технические училища.

В мае 1919 г., в связи с нашествием григорьевских контрреволюционных банд, а затем деникинщины, Крюковское училище фактически прекратило свое существование, и А. С. Макаренко переехал в Полтаву, где с сентября 1919 г. в течение года заведовал 2-м городским начальным училищем.

Коллега А. С. Макаренко Т. Гайдамакина, характеризуя педагогическое мастерство Антона Семеновича, писала о том, что, когда она бывала у него на уроках, ее «удивляло спокойное, ровное, деловитое настроение класса. Дети занимались арифметикой, чтением, письмом так же просто, серьезно, как взрослые делают свою очередную работу. О нарушении дисциплины говорить не приходилось... Антон Семенович так быстро приучил класс к самостоятельной работе, что никому из других учителей не приходилось наводить порядок в его классе, когда он по служебным или общественным делам оставял класс, дав ученикам самостоятельное задание. Об его отсутствии мы узнавали только на перемене, когда сходились и беседовали по текущим делам»¹.

Т. Гайдамакина говорила о чрезвычайно сильном влиянии личности А. С. Макаренко на своих учеников. Они стремились подражать своему учителю во всем. Некоторые из них даже «стали ходить такой же спокойной, слегка замедленной походкой, какая была у Антона Семеновича, так же сидеть подтянуто на парте, как всегда сидел Антон Семенович на стуле, так же внимательно вслушиваться в слова обращающегося к ним, чуть-чуть наклонив голову, и даже некоторые из них сделали такого же покроя рубашки-косоворотки, какие носил Антон Семенович. Шутя мы их называли «маленькими Макаренками»².

После разгрома и изгнания деникинцев А. С. Макаренко принимал активное участие в организации профсоюза работников просвещения. Так, с декабря 1919 г. по июнь 1920 г. был членом губернского правления профсоюза учителей русских школ. В это же время он работал в аппарате Полтавского губернского отдела народного образования.

С сентября 1920 г. А. С. Макаренко по предложению Полтавского губназдора начал работу по организации колонии для беспризорных ребят. В полуразрушенном здании бывшей колонии для малолетних преступников в шести километрах от Полтавы началась новая его жизнь и деятельность, увенчавшаяся выдающимися достижениями в практической rea-

¹ Г а й д а м а к и н а Т. Яркий пример творческого горения // Воспоминания о Макаренко: Сб.— С. 54.

² Там же.— С. 56.

лизации и научно-теоретическом обосновании принципиально новой педагогики социалистического общества.

Первые шесть воспитанников прибыли в колонию 4 декабря 1920 г. Постепенно количество воспитанников и педагогов в колонии росло. Начальный период в жизни колонии был весьма трудным и в материальном, и в кадровом ее обеспечении. Дело осложнялось и тем, что старый опыт организации подобных заведений использовать фактически не представлялось возможным, а нового еще не было. Не было ни книг, ни соответствующих пособий, по которым бы можно было обучать и воспитывать подрастающее поколение в коммунистическом духе. И хотя Антон Семенович имел уже почти 16-летний опыт успешной учительской деятельности и хорошо знал педагогическую теорию, все же этого оказалось явно недостаточно для решения возникших педагогических проблем.

А. С. Макаренко стал тщательно изучать педагогическую литературу, но не находил ответа на поставленные жизнью вопросы. «Главным результатом этого чтения,— писал он,— была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я все равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие»¹.

А. С. Макаренко глубоко изучал теоретическое наследие В. И. Ленина и в практической деятельности неотступно руководствовался им. По свидетельству его коллег, чрезвычайно большое влияние на становление макаренковской системы воспитания имела речь Владимира Ильича на III Всероссийском съезде РКСМ (1920 г.), которую он знал почти наизусть.

Выступая перед рабочими и инженерно-техническими работниками Первого московского шарикоподшипникового завода (октябрь 1936 г.), А. С. Макаренко говорил о том, что он выписал из сочинений Ленина от первой до последней строчки все места, имеющие отношение к вопросам воспитания, в том числе и такие, которые сначала, казалось бы, никакого отношения и не имеют к воспитанию. Он высказывал убеждение в том, что на основе трудов Маркса и Ленина необходимо создать новую педагогику².

На становление А. С. Макаренко как педагога и в этот период большое влияние оказывал А. М. Горький, благодаря

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 15.

² Там же.— Т. 4.— С. 32.

которому он сумел «проникнуть в тайны и секреты новой, советской педагогики», находящейся «в горьковском русле оптимистического реализма»¹. Аптон Семепович свято придерживался принципов горьковского оптимизма, восхищался его умением «проектировать лучшее в человеке». В одном из писем к Алексею Максимовичу он отмечал, что его «исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе», вдохновляла коллектив колонии на творчество и самоотверженность; «эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает»².

В январе 1921 г. в распоряжение колонии было передано разрушенное имение братьев Трепке. Полтавский губисполком отпустил небольшие средства для ремонта этого имения, и это позволило уже к концу лета 1921 г. поселить там шесть воспитанников. В течение пяти лет колония производила капитальный ремонт имения и в ноябре 1924 г. полностью закончила его.

28 марта 1921 г. колонии было присвоено имя Максима Горького, что стало в последующем одним из важнейших воспитательных факторов. А. М. Горький в свою очередь с огромным вниманием следил за развитием макаренковской воспитательной системы и высоко ценил ее.

Принципиально важным являлось и то, что А. С. Макаренко, как на это справедливо указывал И. А. Соколянский*, пришел в колонию уже сформировавшимся педагогом «в смысле оценок решающих факторов в организации и перестройке детской жизни»³. Опираясь на свой опыт, он искал новые формы учебы, труда и культурно-массовой работы. Ему удалось осуществить высокоэффективную систему воспитания, позволившую из беспризорных детей и правонарушителей воспитать сотни передовых советских граждан с коммунистическим сознанием и моралью.

30 июня 1923 г. А. С. Макаренко в докладе о состоянии работы колонии им. М. Горького указывал, что успех колонии «настолько явный, что я могу, не стесняясь, говорить о нем, не ожидая суждений со стороны»⁴. Чисто воспитатель-

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 20.

² Там же.— Т. 1.— С. 217.

* Заведующий отделом «дефективного детства» в Наркомпросе Украины.

³ См.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко: Учеб. пособие / Подгот. А. А. Фролов.— Горький, 1976.— С. 11.

⁴ Макаренко.— Т. 1.— С. 26.

ным достижениям к тому времени он дал следующую характеристику:

«1. Воспитанники и воспитатели колонии к настоящему дню представляют тесную рабочую семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг к другу, почти без всяких исключений. Только десятка полтора недавно прибывших воспитанников держатся еще выжидательно, но через месяц-другой и они станут настоящими колонистами.

2. В области общинного труда воспитанники колонии являются убежденными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда.

3. Все больше и больше хозяйство колонии и хранение материальных ценностей переходит в руки воспитанников. Во всяком случае, для воспитательского коллектива уже прошло время, когда нужно было всегда ощущать заботу о замках и запорах. Большинство ключей в настоящее время на руках у воспитанников.

4. В то же время удалось не обратить воспитанников в маленьких стариков. Они всегда веселы и активны, всегда способны шутить и смеяться. Это обстоятельство я считал особенно важным, так как организация трудовой общины всегда в самой себе несет опасность нарушения прекрасного детского радостного тона.

5. Совместное воспитание в колонии девочек и мальчиков до сих пор не имело дурных последствий. Никаких более или менее заметных случаев обострения в области половых отношений не было. Напротив, нужно констатировать несколько печальное пренебрежение мальчиков к девочкам, хотя и не ко всем. Этот вопрос составляет в настоящее время очередную задачу колонии.

6. Наиболее тяжелые формы нравственной запущенности колонии удалось обратить в постепенный и верный процесс образования нормального нравственного опыта»¹.

Организация образовательной работы в колонии требовала от педагогического коллектива особых усилий и педагогического мастерства. В колонию прибывали в большинстве случаев неграмотные или полуграмотные дети. Они почти не умели считать, принципиально не признавали учения. В то же время они поражали педагогов знаниями жизни, «ибо видели *пол-России*, ездили и в поездах и на пароходах, воевали во всех армиях и на всех фронтах, работали или служили то на фабрике, то в типографии, то в кондитерской, то просто

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 26.

«у одного человека»¹. Предложить таким учащимся систематическую программу классной работы было невозможно. Поэтому педагоги колонии учебно-воспитательный процесс организовали таким образом, чтобы чисто дидактические требования не являлись решающими в определении форм образовательного процесса, а основной задачей стало преодоление пездорового социально-нравственного опыта прошлого. В колонии отказались от учебных планов, деления на предметы, расписания, учебников, от измерения труда учащихся часами и минутами. Содержание образовательной работы в этот период определялось детским интересом. Время от времени учащимся предлагалась анкета, заключающая в себе только один вопрос: «О чем я хочу узнать в ближайшее время?» Колонисты очень охотно и не стесняясь отвечали на этот вопрос («Я хочу знать, как живет слон». «Про политику РСФСР». «Как нужно вести правильную жизнь». «Про сельское хозяйство» и т. п.). О детских интересах можно было узнать и из так называемых «дежурных журналов», в которых ежедневно отмечались «злоба дня» и темы интересных разговоров².

В обучении большое место отводилось самостоятельной работе воспитанников. Штудирование книг, брошюр, сбор сведений у хозяйственников и у делопроизводителя, иногда у соседей захватывали широкие колонийские круги, возбуждали интерес и споры.

Такая работа имела колоссальное развивающее значение. Однако ее недостатком являлось то, что она не позволяла уделять должное внимание изучению грамматики, алгебры и других наук.

Развитие воспитательной системы в колонии совершалось от авторитарно-требовательного тона к рабочему самоуправлению.

В противовес традиционно используемому в школах США и Западной Европы самоуправлению, построенному по образцу буржуазно-демократической республики, А. С. Макаренко считал, что «вся система самоуправления должна быть построена по типу не демократического народоправства ... а демократического централизма, как можно с более широким развитием метода полномочий и поручений и с наименьшим употреблением действий и решений «толпового типа»³. Поэтому в колонии часть хозяйственной и административной работ находилась в руках воспитанников. В августе

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 18.

² Там же.— С. 20.

³ Там же.— С. 43.

1923 г. даже само заведование хозяйством педагогический совет пашел возможным передать воспитаннику. С середины лета этого же года в качестве высшего хозяйственного органа начал функционировать совет командиров. Большое значение приобрели заседания товарищеского суда, окончательно получившие форму кафедры по теории поступков. Последнее А. С. Макаренко считал совершенно необходимым в колониях такого типа. Наказания в колонии в этот период фактически почти были забыты, даже выговоры и замечания стали редкостью.

А. С. Макаренко выдвинул и обосновал принципиально важное положение о том, что «только организация школы как хозяйства делает ее социалистической»¹. Хозяйственную работу он рассматривал в качестве элементарного объекта воспитания, ибо только переживание хозяйственной заботы может дать мощный толчок, с одной стороны, для воспитания нужных качеств коллектива, с другой — для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. Хозяйственная забота стала отправной точкой процесса воспитания в колонии. Все формы ее жизни выводились из хозяйства и хозяйствования, в том числе хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организация хозяйственно-активных отрядов, точная дисциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узкоиндивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру, что и обеспечивало блестящие результаты в деятельности колонии.

Многие педагоги, посещающие колонию, задавали А. С. Макаренко такой «убийственный вопрос»: «Почему ваши воспитатели несут так много хозяйственных обязанностей, ведь у них не остается времени для воспитательной работы?» Отвечая на этот вопрос, Антон Семенович указывал, что «воспитывает не сам воспитатель, а среда», которая в колонии, «благодаря усилиям направляющего педколлектива, организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта — процесса хозяйствования»².

Такой же логический подход применялся и к воспитаннику. Причиной его в колонию, ему прежде всего предъявляли общинно-хозяйственные требования. Антон Семенович полагал, что «педагогическая поза, даже в самой малой степени, не должна... быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрятано в кабинете орга-

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 11.

² Там же.— С. 47.

низатора. В живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновения точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предъявляются к нему со стороны нашего быта»¹.

Свобода от педагогической нарочитости позволяла всему коллективу развиваться в одной плоскости, что препятствовало обособлению и расхождению детского и педагогического коллективов. Кроме того, это определяло в самочувствии воспитанников необходимую свободу, позволяющую им более просто и радостно переживать свое детство. Это обстоятельство оказалось особенно важным, ибо им обуславливались часто совершенно неожиданные и интересные эффекты в области тона, дисциплины и работы.

Одним из важнейших институтов «механического» (незаметного) влияния являлся в колонии быт воспитательского персонала, к которому предъявлялись соответствующие требования и условия при самом определении на службу. Этот быт характеризовался более глубоким сближением жизни воспитателей с общей жизнью коммуны, сокращением частнохозяйственных явлений в среде персонала, сокращением числа семейных образований узкодомашнего типа.

Существенным недостатком большинства учреждений интернатного типа того времени являлась очень большая текучесть и случайный подбор кадров. Колония им. М. Горького оказалась исключением в этом отношении: ее основной состав (заведующий и три воспитателя) фактически работал постоянно. Это позволило, по словам А. С. Макаренко, «тщательно проверить и пересмотреть детали» и «приобрести почти механические навыки, позволяющие нам совершать довольно большую работу без особенного вреда для наших нервов»².

Существенно важным являлось и то, что в колонии им. М. Горького совершенно искренне и без всяких усилий игнорировали «вчерашний день» воспитанников, не интересовались «делами» и в итоге просто ничего не знали о их прошлом. Даже среди воспитанников колонии совершенно отсутствовали разговоры о прошлом.

Основной организационной формой колонии являлся отряд, состоящий из командира, помощника командира и 8—12 рядовых членов отряда. Он представлял основную и главную единицу коллектива колонии. У него была своя спальня, свой стол в столовой, своя одежда. Поручения воспитанникам

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 48.

² Там же.— С. 45.

давались только через отряды, то есть задание давалось отряду, а уже отряд выделял конкретных исполнителей его. Служащие колонии и гости также довольствовались по отрядам.

Все командиры отрядов составляли совет командиров, который собирался каждую субботу в половине третьего дня. При необходимости он мог собираться и чаще по сигналу «сбор командиров». Председательствовал на заседании совета командиров заведующий колонией. Главными функциями совета командиров являлись: распределение работ между отрядами, назначение командиров отрядов, назначение других должностных лиц (кладовщика, огородника, коменданта, завхоза и др.), разрешение отпусков, распределение одежды, организационные вопросы.

Работы распределялись на неделю вперед. Обычно работа поручалась целому отряду, по очень часто из остатков отрядов составлялись и сводные отряды с временным командиром. Это позволяло пропускать через командные функции значительное число колонистов. К вечеру каждого дня командир готовил рапорт о дневной работе отряда и докладывал его общему собранию, а если его почему-либо не было, то — заведующему колонией.

Общее управление работой колонии в течение дня возлагалось на дежурных по колонии — одного воспитателя и одного воспитанника. Эти пары подбирались по взаимной симпатии. Дежурные наблюдали за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свинарни и пр. Они же вели учет дневного прихода колонии (денежного, материального и продуктового) и расхода. Ни один документ без подписи одного из дежурных не был действительным.

Все воспитатели либо принимали участие в работе одного из отрядов, либо в вечерние часы участвовали в клубной работе и подчинялись дежурным по колонии.

Такая организационная система колонии была очень подвижной. Она позволяла легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течение 2—3 минут. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии как исполнительному органу все отряды связывались в единый коллектив.

Значительных результатов добилась колония им. М. Горького в воспитании сознательной дисциплины. Этого она достигла только благодаря последовательной реализации принципа, в соответствии с которым «всякая здоровая дисциплина строится исключительно по системе полномочий, передаваемых более широкими организациями более узким»¹. Прежде

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 52.

всего была создана конституция колонии. Затем были установлены такие формы дисциплины, которые меньше всего допускали бы произвол одного лица. Наконец, в колонии старались достигнуть точного соответствия между приказанием и исполнением. Все это достигалось благодаря функционированию четкой системы полномочий. Следует указать и на то, что дисциплина, как и все в колонии, направлялась логикой хозяйствования.

А. С. Макаренко уже с самого начала работы в колонии им. М. Горького стремился обеспечить максимальную интенсификацию педагогического труда, обеспечивающую наиболее высокую результативность воспитательного процесса. Он стремился к наиболее рациональной расстановке педагогических кадров в колонии, полагая, что большое количество воспитателей не позволяет развернуть надлежащим образом самоуправление воспитанников. Показательной в этом отношении является его докладная записка областному инспектору учреждений Харьковской области (датируется сентябрем — октябрем 1923 г.), в которой он писал: «По проекту штатов Главсоцвоса общее число воспитательского персонала, считая и заведующего, установлено в 21 лицо. Такое большое число воспитателей не вызывается необходимостью. Обеспечить при таком числе хорошее качество воспитательского персонала совершенно невозможно, наконец, увеличение числа воспитателей уменьшит приближение каждого из них к обществу воспитанников, создаст толпу воспитателей»¹. Он предлагал почти вдвое уменьшить количество воспитательского персонала, а вместо этого добавить количество инструкторского и технического персонала, а также повысить заработную плату воспитателям и другим служащим колонии.

Несколько позже (30 марта 1924 г.) А. С. Макаренко в письме областному инспектору Харьковской области опять ставил вопрос о целесообразности значительно сократить штат технического персонала колонии, передавая некоторые хозяйственные функции воспитанникам. Экономию же средств, образующуюся от сокращения штатов колонии, он полагал уместным выдавать как карманные деньги тем воспитанникам, которые уже приближаются к выпуску из колонии².

В конце 1927 г. А. С. Макаренко опять возвращается к этому вопросу. В президиум Харьковского окрплана он представил «особое мнение», в котором, в частности, сообщалось: «Колония объединяет в руках одного и того же педагогического состава как школьную, так и воспитательную работу,

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 28.

² Там же. — С. 32.

т. е. организует единство педагогического процесса, что является основным принципом практической укладки колонии им. Горького.

Колонии избегает толпы воспитателей, когда не только воспитанники не знают своих воспитателей, но и сами воспитатели не знают друг друга»¹.

Проблема состава и постоянства педагогического коллектива находилась в центре внимания А. С. Макаренко и в дальнейшем, в частности при организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Решая эти вопросы, он твердо придерживался того положения, что «нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать»². Он называл это той самой самодеятельностью, о которой давно уже наговорено много хороших слов, но мало что делается практически.

Педагогическая наука, по мнению А. С. Макаренко, ничем так не была заинтересована, как секретом самодеятельности. Передовые педагоги столько наговорили об этой самодеятельности, она уже всем так приелась, что даже отсталые педагоги в нее уверовали. На практике же проводить эту самодеятельность было прямо геройским подвигом. Педагогическая опытность «выпирала из педагога» без всякого его намерения, и остановить ее было очень трудно. Даже если педагог и не давит своим авторитетом на ребят непосредственно, если он позволяет им что-то самим решать, если он специально проектирует ученическую самодеятельность, желаемых результатов в большинстве случаев он не достигает. В конечном итоге «педагогическая опытность не только не стимулирует желания действовать у воспитанников, но, напротив, задерживает подобные желания... Методические ухищрения для развития самодеятельности не могут к ней привести как раз потому, что они — ухищрения»³.

Самостоятельно действовать воспитанник сможет только в том случае, когда на него будет возложена ответственность. Но «если на человеке не лежит реальная ответственность, никакая сила не подвинет его на почин и на работу»⁴.

Свой подход к проблеме правонарушителей и беспризорных А. С. Макаренко изложил в приложении к ходатайству к Всеукраинскому Правлению союза работников просвещения⁵ (педагог просил взять шефство над колонией

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 63.

² Там же. — С. 107.

³ Там же. — С. 108.

⁴ Там же. — С. 109.

⁵ Ц Г А О Р У С С Р, Ф. 2717, оп. 1, д. 157, л. 1—7.

им. М. Горького) и в статье-очерке «Через труд и самоорганизацию — к новой жизни», опубликованной в журнале «Робітник освіти».

Статья занимает особое место в творческой жизни А. С. Макаренко. Прежде всего это было первое дельное описание жизни и деятельности колонии им. М. Горького. В других его публикациях о колонии, появившихся до этого, освещались лишь отдельные стороны ее жизни и деятельности. К тому же публикация имеет характер очерка, а не строго научного или делового изложения. Если учесть, что именно в этот период А. С. Макаренко уже собирал материал для будущего крупного произведения, каковым оказалась в последующем «Педагогическая поэма», то можно предположить, что данный очерк, по-видимому, сыграл определенную роль в формировании Антона Семеновича как писателя.

Автор статьи-очерка акцентирует внимание общественности на проблеме малолетних правонарушителей, призывает «всмотреться в души молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески», попытаться привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая ее им, а убеждая их в том, что она проистекает из самой неизбежности живой, творческой жизни в советском обществе. Именно так и построена вся жизнь колонии. В ней нет специфического подхода к детям как к бывшим преступникам. Здесь не стремятся влиять на них, систематически указывая на их недостатки и плохие склонности. Здесь стремятся с помощью высокой трудовой дисциплины и самоуправления создать из них этически и социально здоровых людей. «Труд и самообслуживание в коллективе, необходимость улучшать этот труд на основе усваиваемых знаний, потребность дать выход здоровой юношеской энергии в такой же здоровой игре — вот логика этой системы и фундамент для самоорганизации всего коллектива»¹.

Большое воспитательное значение имела переписка А. С. Макаренко и воспитанников колонии с великим пролетарским писателем А. М. Горьким, начавшаяся в 1925 г.

В конце 1925 г. вопрос о деятельности интернатных учреждений заметно обострился. Уровень работы большинства детских домов республики не удовлетворял запросам жизни. Многие из них не готовили своих воспитанников к конкретной работе в той или иной отрасли народного хозяйства. Школьное обучение в них проводилось на низком уровне. Возникали трудности с трудоустройством бывших воспитанников

¹ Робітник освіти.— 1925.— № 3—4 (5—6).— С.54.— (На укр. яз.).

детских домов. Остро стоял вопрос об увеличении количества воспитывающихся в детских домах, поскольку беспризорных детей все еще оставалось много. Анализируя сложившееся положение, А. С. Макаренко предлагал провести принципиальную реорганизацию всей системы детских домов и воспитательных колоний, в процессе которой «мелкие воспитательные предприятия должны постепенно отживать и заменяться мощными очагами воспитания, «капиталистически» организованными* и основанными на экономном и точном расходовании личных и материальных сил в условиях крупного производства и сложного коммунального быта»¹.

Идея организации крупного воспитательного предприятия была не нова. Почины были в этой области, но они оказывались не продуманными до конца и совершенно не выдержаны как почины педагогические. В них, как правило, превалировало хозяйство, а не педагогика. А. С. Макаренко предлагал для сохранения чистоты педагогического подхода «крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех — как воспитывающий импульс»². Финансовое благополучие воспитательного учреждения он предлагал понимать не как наименьшую стоимость содержания одного воспитанника, а как наименьшую стоимость содержания воспитанника ко времени окончания им колонии удовлетворительным образом. Организация чисто педагогической системы хозяйства, создание воспитательного учреждения в условиях хозяйства, разумеется, требуют огромной энергии и творческих сил. Принципиально важным является то, чтобы все детали организации такого хозяйства рассматривались прежде всего с точки зрения превалирования педагогических целей.

А. С. Макаренко предложил Главсоцвосу свой проект, по которому все перевоспитание правонарушителей на Украине или, по крайней мере, в Харьковской области сосредоточивалось бы в одной трудовой колонии, расположенной вблизи столицы республики. Это должно быть крупное сельское и промышленное хозяйство, охватывающее несколько тысяч воспитанников. Цель колонии — не ремесленная или иная специальная выучка, а узко ограниченная «санитарно-социальная» работа, направленная на перевоспитание правонару-

* Имелись в виду свойственные крупному производству промышленная организация труда и концентрация производства, обеспечивающие более высокую производительность труда по сравнению с хозяйствами мелкотоварных производителей, ремесленников.

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 41.

² Там же.

шителей. Колония должна была принять формы производственной коммуны с полным самоуправлением и с наибольшим формальным равенством положений воспитателей и воспитанников. В то же время она должна была отличаться железной дисциплиной и подтянутостью. Педагогический совет; как высший наблюдающий орган, должен был иметь характер научпедкома* с правом оценки и выпуска воспитанников, а также оценки работы воспитателей. В организации учебно-воспитательной работы предлагалось широко использовать формы и методы, хорошо апробированные в опыте колонии им. М. Горького (самоуправление, логика параллельного педагогического действия, система воспитывающих влияний и др.). Одним из принципиально важных условий выдвигалось уничтожение системы твердых штатов, то есть разрешение руководителю колонии по своему усмотрению вводить те или иные штатные должности и устанавливать уровни зарплаты в пределах общего финансирования.

А. С. Макаренко просил Главсоцвос доверить ему и коллективу воспитателей и воспитанников колонии им. М. Горького приступить к организации такой колонии. При этом он указывал, что подыскивание соответствующего имения и процесс сведения нескольких колоний в одну представляют технические трудности, разрешение которых не должно никого останавливать.

Первоначально этот проект в Наркомпросе УССР получил поддержку. 24 ноября 1925 г. А. С. Макаренко сообщал А. М. Горькому, что уже имеется «постановление о преобразовании нашей колонии в центральную для Украины» и что предложили им бывшее имение Попова в 30 верстах от Александровска (теперь Запорожье), в котором имелось 1200 десятин пахотной земли и прекрасный дом-замок¹. Однако с практическим решением вопроса о переезде колонии им. М. Горького на новое место вначале возникла заминка, волокита, а затем и совсем отпал вопрос (Запорожский окрисполком отнесся к этому решению отрицательно).

Весной 1926 г. в Наркомпросе УССР возникло новое предложение: Полтавскую колонию им. М. Горького слить с Куряжской колонией, находившейся в ведении Харьковской комиссии помощи детям. Куряж был настоящим притоном всевозможных воровских шпак, состоящих из беспризорников разного возраста. В дневные часы большая часть «воспитан-

* По аналогии с Научно-педагогическим комитетом, существовавшим в то время в Наркомпросе УССР.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 226.

ников» находилась «на работе» — на харьковских рынках, вокзалах, в трамваях или лазила по дворам и квартирам обывателей. Только к вечеру или поздно ночью возвращались колонисты в Куряж для ночевки. Заведующий колонией и воспитатели (а их было около сорока человек) были совершенно беспомощны. Положение стало настолько нетерпимым, что Паркомпрос Украины под давлением общественности Харькова должен был, наконец, обратить серьезное внимание на эту колонию. Кем-то было высказано мнение, что только Макаренко смог бы навести там порядок. Так возник проект перевода Полтавской колонии им. М. Горького в Куряж¹.

С другой стороны, и колония им. М. Горького, оставаясь в Ковалевке, не имела перспектив для дальнейшего роста. Больше всего беспокоила Антона Семеновича удаленность колонии от заводов, крупных сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений. И как ни тяжело было оставлять хорошо обжитое место с налаженным сельским хозяйством, все же А. С. Макаренко удалось убедить коллектив горьковцев в целесообразности переезда в Куряж.

Началось постепенное завоевание Куряжа. Вначале сюда переехали А. С. Макаренко, 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. В течение двух недель этот «десант» готовил почву для переселения остальных горьковцев.

28—29 мая 1926 г. колония им. М. Горького окончательно переехала в Куряж. Под Полтавой она оставила блестяще организованное хозяйство, постройки в хорошем состоянии, которые были переданы колонии им. В. Г. Короленко. Но самое главное, колонисты оставили о себе добрую память как о культурных тружениках и хороших общественниках, оказывающих сильное положительное влияние на окружающую их среду, в частности, в соседних селах.

В Куряж из колонии им. М. Горького переехало 130 воспитанников и служащих, в числе которых было 70 комсомольцев (в Куряже почти на 300 воспитанников было только 10 комсомольцев). Сюда были переведены также инвентарь, коровы, свиньи и т. др. В нескольких ящиках были драгоценнейшие материалы горьковского музея, включающие в себя письма колонистов А. М. Горькому, его книги, портреты, гравюры, альбомы и другие памятки, присланные им колонистам.

«Жизнь начинается интересная и страшно напряженная, — писал А. С. Макаренко в Италию. — Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев.

¹ См.: Фере Н. Э. Мой учитель // Воспоминания о Макаренко: Сб.— С. 133.

Но всему они подходят с единственным вопросом: пельзя ли потрeбить? Очень любят лечиться: приблизительно 30 % больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы»¹.

Возрождение Куряжа началось с создания крепкого, сознательного ядра коллектива, основу которого составили «старые» горьковцы. Вовлечение всех воспитанников в конкретный и совершенно реальный и необходимый труд, точное соблюдение созданных правил и традиций, четкое и всем понятное самоуправление способствовали очень быстрому оздоровлению всей атмосферы в Куряже. Важным воспитательным фактором стала и переписка с Алексеем Максимовичем Горьким.

По утверждению А. С. Макаренко, поворотным пунктом в истории борьбы с куряжской разрухой стало письмо великого писателя, в котором он сердечно поздравил колонистов с переездом на новое место и пожелал им новых сил, душевной бодрости и веры в свое дело. В частности, он писал: «Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избородили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полуживы, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще большими чудесами»².

Вокруг письма была организована огромная воспитательная работа. В воскресенье 13 июня в колонии был проведен день Алексея Максимовича Горького. Начался он докладом А. С. Макаренко о великом писателе и человеке. Докладчик был в ударе и в течение двух с половиной часов чрезвычайно увлекательно рассказывал о необычной жизни и деятельности дорогого и близкого всем человека. Было зачитано и указанное выше письмо писателя. Воспитанники много задавали вопросов, каждый хотел поддержать письмо в своих руках. Потом они целый день толпились у портрета Алексея Максимовича, который был выставлен на самом почетном месте только утром этого дня. Вечером все писали письма А. М. Горькому.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 232.

² Цит. по: Там же.— С. 233.

В понедельник в колонии началась совершенно новая жизнь. Ребята работали и жили с большой радостью и энергией. А. С. Макаренко, вспоминая об этом, писал: «Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой»¹. Он сообщал А. М. Горькому: «Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное — хорошо строить — Вы ударили нас по самому человеческому месту»¹.

А. М. Горький очень внимательно и с большой искренностью и серьезностью относился к своим контактам с воспитанниками колонии. «Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человек и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и между нами»².

Значительным событием, способствующим сплочению коллектива новой колонии, явились подготовка и проведение праздника первого снопа. И хотя праздник проводился с 1921 г., но в 1926 г. он имел особый смысл и значение. Назначен он был на 11 июля. В различные организации Харькова были разосланы приглашения следующего содержания: «Колония имени Горького просит Вас начать с нами жатву — прибыть на праздник «первого снопа» в воскресенье 11 июля в 11 часов дня (с. Куряж)». Праздник прошел очень хорошо. Он явился второй важной победой после переезда в Куряж.

В 1926/27 учебном году колония им. М. Горького напряженно трудилась: ремонтировала здания и организовывала эффективное производство, совершенствовала систему коммунистического воспитания и учебный процесс. Школа колонии являлась уже полной семилеткой. Под руководством и при непосредственном участии А. С. Макаренко были составлены новые программы, детально разработаны планы занятий, введена должность завуча, которую заняла Е. Ф. Григорович. По предложению А. С. Макаренко начали проводить взаимопосещения учителями уроков. Заседания педагогического совета становились глубоко продуманными семинарами по важнейшим вопросам педагогики, в частности, по теории обучения. Во время обсуждения наиболее актуальных вопросов школьной жизни Антон Семенович выступал с особым

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 234.

² Цит. по: Там же.— С. 235.

воодушевлением и всегда освещал их и просто и в то же время как-то по-своему, оригинально. Он всегда был в курсе важнейших событий и внимательно следил, чтобы воспитатели и учителя не отставали от жизни, постоянно повышали уровень своих знаний.

В период с августа 1926 г. по декабрь 1927 г. колонию им. М. Горького посетили 32 иностранные делегации, в том числе 10 немецких, 4 американских, 4 итальянских, 3 английских, 3 французских, 2 бельгийских. Все они восхищались ее достижениями. В 1928 г. в Нью-Йорке вышла книга Л. Вилсон «Новая школа в новой России», где с большим одобрением описывалась педагогическая практика горьковской колонии. Эта книга была известна А. С. Макаренку.

В хозяйственном и материальном отношении зима 1927 г. для колонии была весьма тяжелой. Осенью колонии недодали 11 тысяч рублей, от чего она долго не могла оправиться. К тому же усилились нападки со стороны официальных органов Наркомпроса. Об этом свидетельствует письмо А. С. Макаренко Н. Ф. Остроменцкой* от 2 февраля 1927 г. Так, в нем писалось: «На нашу колонию ведется целая война со всех сторон. Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас. Мне выгоднее в таком случае отмалчиваться и делать свое дело»¹.

Несколько позже, 14 марта 1927 г., А. С. Макаренко жаловался А. М. Горькому на то, что «невероятно трудно разбить толщу общего безразличия, волокиты и нечестной работы, защищенную ворохами бумажных правил и переписки. Кажется, у нас командует жизнью бывший коллежский регистратор, где-то тайно организованный, везде имеющий своих незаметных агентов и везде убивающий всякое здоровое движение»².

Но колония в этот период являлась уже мощным, хорошо организованным коллективом. Она умела красиво выходить из сложных ситуаций. Настроение у всех 350 ребят было не только превосходное, но даже удивляющее всех, в том числе и Антона Семеновича. Об этом он также сообщал А. М. Горькому. «Страшно любопытно видеть,— писал он,— как они об-

* Н. Ф. Остроменцкая летом 1926 г. работала в колонии им. М. Горького клубным работником, затем воспитателем-учителем. Впоследствии украинская детская писательница.

¹ Макаренко.— Т. 8.— С. 28—29.

² Там же.— Т. 1.— С. 238.

рабатывают каждого новенького. К нам теперь стараются присылать исключительно тяжелых, в конце расхулиганившихся подростков, вшивых матерщинников, лодырей, убежденных противников всякого авторитета и дисциплины. Но в течение двух дней их сопротивление коллективу рушится бессильно. На каждом шагу они натываются на острый, меткий, веселый взгляд, короткое энергичное слово, а в крайнем случае и на ряд кулаков, готовых разбить нос при первом антиобщественном движении. За это меня регулярно едят наши педагогические мудрецы»¹.

А. С. Макаренко продолжал разрабатывать идею укрупнения учреждений системы соцвоса республики. Об этом он говорил, в частности, в докладе на Первой Всеукраинской конференции детских городков, проводимой Главсоцвосом Наркомпроса УССР в г. Одессе с 30 сентября по 5 октября 1926 г. на базе крупнейшего на Украине Первого одесского детского городка им. III Интернационала, в котором воспитывалось 2250 ребят.

Некоторые из них выражали сомнения по поводу информации о жизни колонии им. М. Горького, предвзято относились к новаторскому опыту Антона Семеновича. Однако приезд Антона Семеновича и его воспитанников у многих развеяли эти сомнения.

На них очень сильное впечатление произвела сплоченность колонистов и то, что воспитанникам никто никогда не напоминал о их прошлом.

Горьковцы были одеты в парадную форму (белые кители и брюки у мальчиков, белые блузки и юбки — у девочек). Четким строем они прошли по центральной улице города и территории городка. Одесса сердечно встречала гостей. В их распоряжение был предоставлен большой флигель на территории детского дома им. Г. И. Петровского. Готовясь к приезду, хозяева городка заблаговременно приукрасили домики. Они планировали после торжественной линейки показать новым знакомым свой город, побывать с ними на пляже в Аркадии (этот курорт был отдан детскому городку). Однако колонисты, переодевшись в рабочую форму, сразу же начали традиционные «авральные работы»: до блеска вымыли двери, пол, принарядили стены, фасад дома и территорию вокруг него, расчистили и усыпали песком дорожки в саду. На клумбах посадили цветы. Каждое утро гости одесситов под звуки оркестра проводили физическую зарядку, в которой принимали участие и педагоги.

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 238—239.

Четырехчасовой доклад А. С. Макаренко построил исключительно на опыте своей колонии. Вначале он подверг резкой критике существовавшую типологию трудного детства, которая в своей сущности являлась антинаучной педологической типологией. Он решительно выступил против биологизаторских концепций в определении понятия дефективности личности.

Антон Семенович дал глубоко научное обоснование причин конфликтов между личностью и обществом. По его мнению, они «всегда лежат в обществе», но «представляются относящимися к личности, поскольку общество не склонно ревизовать свои требования»¹. Задача воспитателя состоит в восстановлении нормального отношения между личностью и обществом, в возбуждении новой системы мотивации, новых рефлексов.

А. С. Макаренко убедительно доказывал, что решающее значение в перевоспитании играет труд, определяемый хозяйством.

Особое внимание докладчик уделил проблеме дисциплины, которая должна опираться на волю и интерес коммуны. Этим объясняется право коммуны карать. Наказание должно разрешать конфликт и быть прерогативой преимущественно коллектива, а не личности.

Огромное значение в воспитательной работе А. С. Макаренко отводил романтике, различным символам и игровым моментам. Все это должно было вызывать пафос и гордость за свой коллектив.

Выступление А. С. Макаренко было настолько интересным, что по требованию аудитории ему несколько раз продолжали регламент. Его ответы на реплики поражали всех своей глубиной, остроумием и находчивостью. Когда из зала спросили, почему утренние зарядки они проводят столь торжественно, докладчик шутя ответил, что если бы это от него зависело, то он бы всю нашу страну поднимал бы в семь часов утра и торжественно, в сопровождении оркестра, проводил бы зарядку, поскольку это настраивает людей на определенный тон, поднимает их настроение на весь день.

В одном из писем к А. М. Горькому А. С. Макаренко писал: «...нам много аплодировали и вообще качали, но практические предложения наши вызвали у всех страх: мы оказались слишком решительными. Я предлагал организацию всеукраинской детской трудовой армии, с широким активным самоуправлением, но с горячей дисциплиной»².

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 54.

² Там же.— С. 236.

Детальная информация по данному вопросу содержится в письме А. С. Макаренко к Н. Ф. Остроменцкой (от 9 октября 1926 г.). В нем указывался даже состав одной планировавшейся «армии»: 7 корпусов, 21 дивизия, 63 полка по одной тысяче воспитанников. В этом же письме он указывал, что создание первого детского корпуса в Харьковском округе было предложено Наркомпросом УССР в порядке опыта на основе его идеи об организации «Всеукраинской детской трудовой армии», в деятельности которой мог бы получить развитие опыт колонии им. М. Горького¹.

Об этом же он писал 4 мая 1927 г. в письме к Г. С. Салько, возглавлявшей в то время комиссию по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома. В нем шла речь о конкретных условиях, на которых можно было бы организовать такое объединение². Предложения А. С. Макаренко были приняты только частично, что отрицательно сказалось на осуществлении данного проекта.

Лето и осень 1927 г. оказались очень напряженными и даже тяжелыми для А. С. Макаренко. В июле и августе развал детских колоний и городков республики достиг высшей точки. Почти все колонии были отягчены актами прокуратуры и РКИ.

В это время А. С. Макаренко предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. В связи с этим Антоном Семеновичем был разработан и представлен в Главсоцвос Наркомпроса УССР детальный «Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа»³. Предлагалось все колонии округа объединить в трудкорпус. Каждое его отделение должно было организовываться по системе колонии им. М. Горького. Из всех учреждений корпуса выделялось три колонии специального назначения: а) первичная колония, принимающая детей с улицы или от Комиссии по делам несовершеннолетних и подготовляющая их для отправки в другие колонии; б) выпускная колония, из которой дети или подростки отправляются на производство или в учебные заведения; в) реформаториум, в который помещаются дети, нуждающиеся в принудительном воспитании. Из реформаториума дети вновь поступают в первичную колонию и в исключительных только случаях — в обычную колонию. Трудкорпусу предоставлялось право организовать коммунал-жилком для бывших воспитанников, работающих на производстве. Положение предполагалось ввести в силу с 1 октября 1927 г.

¹ См.: Макаренко.— Т. 8.— С. 27.

² См.: Там же.— Т. 1.— С. 55.

³ См.: Там же.— С. 55—59.

В дополнение к Проекту А. С. Макаренко подготовил «Проект Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями»¹. Документ преследовал цель согласования с Главсоцвосом и Харьковским окрисполкомом основных материально-финансовых условий функционирования Управления детскими трудовыми школьными колониями. На заседании 4 и 6 октября 1927 г. финотдел Харьковского окрисполкома не согласился с финансовым обоснованием данного документа и составленным А. С. Макаренко проектом положения об отпуске средств на содержание детских школьно-трудовых колоний.

В письме к А. М. Горькому от 25 февраля 1928 г. А. С. Макаренко писал по этому поводу: «Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами»¹. А. С. Макаренко отказывается от Проекта Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями. 11 ноября 1927 г. Харьковским окрисполкомом было принято компромиссное решение: колонии им. М. Горького была поручена организация детского коллектива коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко выделил в новую коммуну 62 лучших воспитанника и пятерых воспитателей. Еще раньше в другие колонии были переведены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю 1927 г. горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в тяжелом положении. Рассыпавшись по округу, горьковцы разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападков на Антопа Семеновича.

Ситуация в горьковской колонии все более обострялась. Смета ее на 1927/28 учебный год была значительно урезана. Ветхость монастырских построек, суровая зима, отсутствие средств — все это далеко выходило «за пределы какой угодно педагогики»². Нельзя не учитывать и того, что и руководство колонией несколько ослабло. А. С. Макаренко бывал в колонии только три раза в неделю. Основную же работу в ней проводили его помощники, которые не выдерживали создавшегося напряжения больше месяца. Меньше чем за полгода их переменялось четверо. 25 февраля 1928 г. А. С. Макаренко

¹ См.: Макаренко.— Т. 1.— С. 60—63.

² Там же.— С. 241.

сообщал А. М. Горькому, что «в результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь»¹.

К весне 1928 г. обстановка в колонии им. М. Горького постепенно стабилизировалась. Уже 18 апреля 1928 г. А. С. Макаренко писал А. М. Горькому: «Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то что в нем 75 % новых. И все же меня сейчас едят. Едят только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладкам, той куче предрассудков, которые почему-то слывут у нас под видом педагогики...

...меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть — за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов»².

Систему А. С. Макаренко украинский Наркомпрос фактически запретил, а ему самому предложил перейти на «исполкомовскую» систему.

Однако и в этот период в жизни колонии им. М. Горького было много радостных событий. Коллектив горьковцев жил полнокровной жизнью. Самым примечательным фактом была подготовка к встрече, а затем и сама встреча с Алексеем Максимовичем Горьким. Об этой встрече колонисты мечтали давно, о чем они и Антон Семенович не раз писали в своих письмах к великому писателю.

«Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть»³, — писал А. С. Макаренко от имени всей колонии А. М. Горькому 8 июня 1928 г.

По предложению колониста Петра Дроздюка колонисты решили подарить Алексею Максимовичу альбом с биографиями, который назвали: «Наши жизни — Горькому — горьковцы». Было напечатано 264 биографии колонистов-горьковцев. Предисловие к альбому написал А. С. Макаренко.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 241.

² Там же.— С. 243—244.

³ Там же.— С. 246.

Еще накануне приезда А. М. Горького в колонию Наркомпрос республики поставил перед А. С. Макаренко ультиматум: или он откажется от своей системы воспитания, в частности, от так называемой военизации, или его придется уволить с должности заведующего. 10 мая 1928 г. А. С. Макаренко подал заявление об уходе из колонии. В Харьковской окружной инспектуре народного образования его попросили остаться до приезда А. М. Горького, но 27 июня в республиканской газете «Вісті» появилась заметка, в которой сообщалось, что по докладу представителя Наркомпроса УССР об ужасных методах воспитания в колонии Макаренко А. С. снят с работы.

А. С. Макаренко направил в Наркомпрос УССР В. П. Затонскому и в печать заявления о том, что представитель Наркомпроса докладывал неправду, что никакой научной системы наказаний он не выдумывал и битье детей тем более не могло быть частью никакой системы, а «информация» о выбрасывании детей на улицу, да еще раздетыми, посылание детей в лес за палками — просто анекдот. Решение об освобождении А. С. Макаренко было отсрочено. Однако заведующий управления Главсоцвоса Арнауты В. А. повторно поставил перед педагогом ультиматум. 13 июля 1928 г. Центральное бюро детского движения (пионеров) Украины, заслушав информацию о пребывании А. М. Горького в колонии и заключение, что система воспитания в колонии «идеологически вредная», — постановило: довести до сведения НКРКИ, что его постановление о снятии А. С. Макаренко с заведования колонией выполняется слабо; «систему» тов. Макаренко ломать не сразу, а постепенно». Протокол заседания был разослан во все заинтересованные центральные и окружные организации Украины¹.

В этот же период А. С. Макаренко в письме к заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР писал, что «независимо от того, какие меры могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации»², и дальше изложил десять основных моментов воспитательной системы в колонии им. М. Горького:

«1. Организация первичных коллективов по производственному принципу (отряды, а не школьные группы).

2. Самоуправление, основанное не только на выборности, но и на назначении. К этому приводит наличие серьезно-дело-

¹ См.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко.— С. 81.

² Макаренко.— Т. 1.— С. 92.

вого трудового процесса, в котором должны принять участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы.

3. Это сложное выборно-назначенное самоуправление (назначенное не заведующим, а органом самоуправления) должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых (как в Ахтырке), а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: по линии действия коллективного органа и по линии действия в качестве уполномоченных этого органа отдельных организаторов-колонистов в первичном коллективе (командир).

4. Воспитание не только трудовых, но и организационных навыков, для чего все работы, не требующие специальной инструментальной квалификации, исполняются временными отрядами с временными командирами, меняющимися как можно чаще (система сводных отрядов).

5. Открытое признание права коллектива как общего, так и первичного на принуждение, а как следствие этого — существование института наказаний. Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания.

6. Дисциплина, основанная на принуждении от имени коллектива, в то же время должна быть связана с уважением к воспитаннику и к его работе. Это уважение должно быть проявлено на каждом шагу и заключаться не только в явлениях личной вежливости, но и в создании специальных форм внутриколлективных отношений (основные формы назначения на работу, отчета и контроля, специальные выражения доверия и полномочия).

7. Я считаю совершенно необходимыми организационные оформления эстетического порядка, подчеркивающие значение общеколлективных движений, то, что по отношению к колонии им. Горького почему-то называется военизацией (салют, знамена, оркестр).

8. В работе самоуправления и всего коллектива мы опираемся на комсомол, как это естественно вытекает из более взрослого среднего возраста. Политическое воспитание (именно воспитание, а не политическое образование) заключается в организации постоянных связей между колонией и окружающим миром. Эту связь можно представить в виде двух путей: связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительскими и распределительными организациями.

9. Воспитание классового чувства я представляю себе исключительно как результат приведенных выше начальных

моментов. Жизнь детской коммуны, пропитанная действиями хозяина и рабочего и освещенная экономической связью с производственной жизнью республики, и является единственным путем к воспитанию сознательного члена рабочего общества.

10. Переходная ступень преданности своему коллективу не вредна, если коллектив не обособлен в своем успехе и в своей стройности»¹.

Эти десять пунктов представляли предмет педагогической веры А. С. Макаренко. В них отразились самые существенные моменты разработанной им и апробированной в течение нескольких лет системы по коммунистическому воспитанию детей и подростков.

После отъезда А. М. Горького из Харькова А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького фактически не работал. С вокзала он вместе с дзержинцами, провожавшими великого писателя, возвратился в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, где и продолжал свою педагогическую деятельность.

«Перестройка» колонии им. М. Горького (а по существу ее разгром) произошла сравнительно быстро. В акте комиссии по обследованию колонии от 27 мая 1930 г. и в приказе Харьковской окружной инспектуры народного образования отмечалось: «Хозяйство колонии ведется бессистемно, без соответствующего учета прибылей от него, в результате чего возможны злоупотребления... Нет системы в отношении учебно-воспитательной работы» и т. п.².

5 октября 1932 г. А. С. Макаренко сообщал А. М. Горькому, что колония «пережила много тяжелых дней». В ней несколько раз менялись заведующие. Еще хуже было то, что «наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макаренковщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побеги, воровство, пьянство, об этом писались целые страпиды в харьковских газетах»³.

Причины развала колонии им. М. Горького предельно четко и обоснованно раскрыл А. С. Макаренко и в письме к Т. А. Миллер (в связи с ее отзывом на «Педагогическую поэму»). Он писал: «Колония Горького должна была развалиться не потому, что я ушел, а потому, что в ней были заведены новые порядки. Вы же прекрасно понимаете, что выметали не только меня, а решительно все, что было в коло-

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 92—93.

² См.: Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы.— С. 71.

³ Макаренко.— Т. 1.— С. 251.

нии сделано: организацию, стиль, традиции, людей, выметали «макаренковщину». Какой же смысл было оставлять ядро — это могло привести только к бунту: мое ядро без боя не уступило бы позиций, а бой заведомо неравный. И я не оглянулся не потому, что мне не было больно, а потому, что оглядываться было нельзя: надо было скорее забыть, чтобы дальше работать. Нет, обвинять меня в развале колонии можно только при большом пристрастии. Я сделал все, чтобы моему преемнику было легче работать. Моя фигура и фигуры моих друзей могли только мешать. Впрочем, Вы не правы и по существу — в самой колонии все осталось для того, чтобы она могла работать, остался прекрасный коллектив и остались воспитатели — их, правда, потом разогнали»¹.

В марте 1932 г. «старые горьковцы», и живущие в коммуне, и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, ставили вопрос о возрождении колонии. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев. Намечалось объединение двух колоний, как указывал А. С. Макаренко, «на началах федерации» под его общим руководством. К этому времени в наробразе уже не работали старые противники системы А. С. Макаренко. Достижения коммуны им. Ф. Э. Дзержинского являлись общепризнанными, и возражений со стороны системы народного образования против такого объединения не было. Однако против него выступили органы НКВД, в системе которых находилась коммуна им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко вынужден был также «отказаться от продолжения горьковской истории»².

Весьма примечательна история создания коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. 9 апреля 1927 г. коллегия ГПУ УССР в связи с приближающимся 10-летием Великого Октября и на ознаменование памяти Ф. Э. Дзержинского решила создать необычный памятник рыцарю и стражу революции, верному соратнику В. И. Ленина — построить колонию для беспризорных детей. В этом решении как нельзя лучше отражался подлинный гуманизм величайшей в истории человечества революции.

Весной 1927 г. вблизи Харькова на добровольные отчисления чекистов республики (по 0,5 процента ежемесячного заработка) началось строительство здания будущей коммуны. Работники Государственного политического управления республики, хорошо знавшие старый Кураж со всеми

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 8.

² Там же.— Т. 1.— С.252.

его ужасами и наблюдавшие его стремительное возрождение, в середине лета пригласили А. С. Макаренко посмотреть новостройку и высказать свои пожелания. Так Антон Семенович стал педагогическим консультантом строительства, а в июне 1927 г. ему официально предложили заведовать будущей детской коммуной. Это предложение было принято, и уже в августе он принимал самое активное участие в рас- планировке внутренних помещений строящегося здания.

Место для строительства было выбрано весьма удачно. Новая коммуна строилась очень быстро и качественно. Уже к осени здание было хорошо отделано, прекрасно меблиро- вано и оборудовано. По этому поводу А. С. Макаренко писал: «В доме — паркетные полы, разрисованные стены, ванны, души. Специальный основательно продуманный и проверен- ный план позволил рационально разместить все помещения, сделать их светлыми и удобными»¹. Было много зеркал, что, по мнению Антона Семеновича, необходимо в детском учреж- дении, ибо правильная организация поведения человека тре- бует, чтобы он представлял себя в пространстве. Зеркала являлись своеобразным тормозом изменений жестикюляции, как бы напоминали воспитанникам, да и воспитателям, о на- стоятельном требовании подтянутости, внешней опрятности.

Уже 20 октября 1927 г. был назначен первый персонал коммуны: заведующий коммуной А. С. Макаренко, воспита- тель Т. Д. Татаринев, завхоз и повар, а 25 декабря в комму- ну прибыла первая партия коммунаров из колонии им. М. Горького — 50 мальчиков и 10 девочек. Новые коммунары в количестве 40 человек, взятые непосредственно с улицы, были приняты 11 января из коллектора. Торжественное от- крытие коммуны и вручение коммунарского знамени комму- нарам от коллегии ГПУ УССР было приурочено к 10-летию органов ВЧК — ОГПУ и состоялось 29 декабря 1927 г. В чис- ле гостей были чекисты, руководители Компартии Украины и члены правительства республики: Г. И. Петровский, В. Я. Чубарь, В. П. Затонский, П. П. Постышев, представи- тели общественности Харькова. В книге отзывов председа- тель президиума ВУЦИКа Г. И. Петровский записал: «Со- циалистическое строительство имеет еще одну позицию пере- воспитания молодого поколения».

С самого начала существования коммуны в ней был уста- новлен весьма рациональный, хотя и довольно строгий режим. А. С. Макаренко писал, что «воспитание нового человека ком- муна производит не в уединенных от жизни оранжереях, а в

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 144.

каждодневной борьбе за свой промфинплан и за свою новую культуру. В этой борьбе для коммунаров особенно дорога помощь старших товарищей, харьковских рабочих, харьковской советской общественности»¹.

По инициативе правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 13 марта 1928 г. в Украинский научно-исследовательский институт педагогики был представлен проект основных принципов, которые предлагалось положить в основу работы коммуны (это был «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского»), и в развитие этих принципов — внутреннюю конституцию («Конституция трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского»). В «Операционном плане...» материал излагался по таким разделам: I. Цель воспитания (четко определялись 10 основных качеств и навыков, которые желательно воспитать в каждом юноше и девушке). II. Единство коллектива (единый коллектив воспитанников и воспитателей; 12 требований к функционированию единого коллектива). III. Диктатура коллектива (дисциплина, принуждение и наказание). IV. Первичный коллектив (производственный отряд). V. Самоуправление. VI. Интерес или долг (эмоции долга, правовая эмоция). VII. Общий тон (покрой одежды, манера говорить со стороны медперсонала, правила вежливости, отношение посторонних, военная игра). VIII. Заключение (чего мы достигнем в результате применения этой системы). В 100 параграфах конституции трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского регулировались вся внутренняя жизнь коммуны, права и обязанности воспитанников, основные законы и положения функционирования коллектива.

Сотрудники института высказали ряд замечаний, указали на наличие в них неопределенных мест. 14 марта 1928 г. состоялось заседание секции социального воспитания института. В нем принимали участие члены правления коммуны, представители Главсоцвоса Наркомпроса УССР и научные сотрудники. С докладом об основных положениях организации воспитания в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского выступил А. С. Макаренко.

В процессе обсуждения многие из выступавших неверно восприняли назначение и характер плана и конституции коммуны. Его упрекали в том, что в материалах отсутствовали общие положения, характеризующие систему коммунистического воспитания в целом, что в них не было детализации отдельных положений, отсутствовала идеологическая выдер-

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 199.

жанность классовой установки и т. п. Высказывалось даже суждение о противоречии данного проекта «основным принципам соцвоса». Острота обсуждения в значительной мере объяснялась принципиальной позицией Антона Семеновича в вопросе о воспитании сознательной дисциплины и об использовании наказаний. Он занимал позицию открытого несогласия с официальной установкой Наркомпроса, исключающей применение каких-либо мер наказания и принуждения.

А. С. Макаренко высказывал убеждение в том, что «элементы принуждения не могут быть отброшены в воспитании», что и от «правовых эмоций» отказаться также нельзя. У некоторых воспитанников «переживания нужды переходят в переживания... правовые» (если они не имеют сапог, то они это воспринимают как право украсть сапоги). Понятие долга Антон Семенович понимал как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу, «переживание своей принадлежности к классу». Далее он показал, что в коммунае фактически никакой военизации нет (нет военного строя, военной науки не проходят, с ружьями не возятся), что в ней используются лишь некоторые игровые элементы, по форме напоминающие воинское дело (салют, сигнал трубы, оркестр, четкость распоряжений, использование в ответ слова «есть» и т. д.).

В целом доклад А. С. Макаренко и его заключительное слово произвели на участников заседания хорошее впечатление своей аргументацией, тактом, выдержкой. В заключительном слове директор института А. И. Попов назвал его признанным виртуозом в области педагогической техники. Собрание создало комиссию в составе И. А. Соколянского, представлявшего Главсоцвос, А. И. Попова и А. С. Макаренко для выработки резолюции, отражающей мнение института.

В «Педагогической поэме» А. С. Макаренко указывал, что данное совещание приняло решение: «Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская»¹. Правление трудкоммуны с этим постановлением не согласилось, и в основу организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были положены педагогические принципы А. С. Макаренко.

В 1927 г. Институт методов школьной работы (г. Москва), являвшийся в 20-е годы ведущим научным центром по педагогике в стране (руководил им известный педагог В. Н. Шульгин), начал издавать сборники «Проблемы научной педагогики» и тем самым положил начало большой дискуссии по наиболее важным проблемам педагогики, продолжавшейся

¹ Макаренко.— 1. 3.— С. 443.

вплоть до 1931 г. Одновременно проблемные статьи по вопросам педагогики публиковались в периодических изданиях, активно обсуждались на конференциях и совещаниях педагогов и, в частности, 3 декабря 1928 г. на специальном расширенном заседании коллегии Наркомпроса РСФСР под председательством Наркома просвещения РСФСР А. В. Лупачарского.

9 декабря 1928 г. на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР было принято решение по вопросу о дискутируемых проблемах научной педагогики. В этом решении указывалось на необходимость разработки ряда научных проблем в области педагогики, разрешение которых может подвести прочную научно-марксистскую базу под воспитательную работу школы. Одной из них выдвигалась проблема изучения среды, всего уклада современной жизни, но с обязательным изучением воспитательного воздействия школы на среду.

А. С. Макаренко в этот период также тщательно анализировал актуальные проблемы педагогической теории и практики, в частности, состояние и пути дальнейшего развития социального воспитания. Свидетельством тому является его неоконченная статья «О некоторых проблемах теории и практики воспитания»¹, написанная им в период между ноябрем 1927 г. и июнем 1928 г. В ней отразилась острота его полемики с представителями официальной педагогической науки 20-х годов.

А. С. Макаренко решительно выступал против традиционной тенденции сводить всю воспитательную работу лишь к учебному процессу. Он с сожалением писал о том, что в огромном большинстве случаев проверяющие учебно-воспитательные заведения, привыкшие «танцевать от школы», ничего не способны видеть, кроме школьных установок, а все то, что выходит за границы класса, все то, что составляет самую сущность детского дома, ими просто не замечается. В социалистическом же обществе, по мнению А. С. Макаренко, решающую, ведущую роль играет общественное воспитание². Только детский дом, наполненный здоровым детством, не лишенным ласки матери и заботы отца, будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и семья, и ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив. Такой детский дом должен представлять

¹ См.: Макаренко. — Т. 1. — С. 80—90. (Заглавие дано составителями 1-го тома Л. Ю. Гординым и А. А. Фроловым).

² Там же. — С. 80.

сёбой производственную организацию: будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе.

Педагог отмечает, что в разработке педагогических вопросов и по отношению к детскому дому, да и вообще по отношению к воспитанию происходит много неладного. «Схоластическая удаленность нашей науки от педагогической практики, отсутствие определенного научного метода, гипотетичность большинства теоретических положений, преобладание формы проповеди, крайняя дедуктивность самой логики научной работы и, наконец, целое море удивительно живучих предрассудков — все это приводит к тому, что в настоящее время у нас в практике нет ни одного совершенно бесспорного положения»¹. В педагогике очень часто борьба мнений решается вовсе не при помощи аргументов, а исключительно благодаря давлению идей и принципов, стоящих вне логики и даже открыто отрицающих право логики на вмешательство. В педагогике преобладают априорность, вера в какие-то непогрешимые истины, чистое «убеждение» и т. п. Беда заключается в том, что практическая воспитательная работа фактически не признается педагогической проблемой. Получается так, что в педагогике главный ее вопрос не является «ни главным, ни второстепенным, вообще никаким в педагогической «теории»². К сожалению, многие из этих недостатков характерны и для современной педагогической науки.

А. С. Макаренко высказал три просьбы к педагогической науке и педагогической литературе: 1) различные вопросы жизни воспитательного коллектива считать педагогическими вопросами и присвоить им звание почетных педагогических проблем; 2) считать педагогику наукой нужной для практических работников, чтобы комплекс существовал для учителей, а не ученики для комплекса; 3) чтобы то, что называется педагогической наукой, «стояло в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации»³.

Считая себя подвижником соцвоса, а советский соцвос «одной из самых прекрасных мыслей человечества», А. С. Макаренко требовал, чтобы это был соцвос, а не разговоры о соцвосе, не спекуляция на соцвосе⁴.

Во второй части статьи, посвященной воспитателю, обращается внимание на то, что воспитательская проблема в пе-

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 82—83.

² Там же. — С. 83.

³ Там же. — С. 84.

⁴ См.: Там же. — С. 84—85.

дагогике разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику, то есть в пределах так называемой парной педагогики. Анализируя книгу Н. Н. Иорданского «Основы и практика социального воспитания», А. С. Макаренко убедительно показывает всю несостоятельность педагогической науки 20-х годов в проблеме воспитания.

Традиционная педагогика рассматривала воспитателя как уединенную личность, как человека, «главным инструментом которого является его собственная человечность. Только орудя своими живыми нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребенка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребенка или в душах нескольких детей»¹. Все это очень далеко стоит от стихии коллективного воспитания. Фактически сердце воспитателя объявляется единственным регулятором его работы: подвижничество сердца делается основанием воспитательского труда.

В социалистическом обществе, считал А. С. Макаренко, главной проблемой является не отдельный воспитатель, а воспитательский коллектив. Советское воспитание может быть делом только коллектива воспитателей. Антон Семенович полагал, что «мы имеем право подойти к нашему делу, как к производству, и посмотреть на воспитателя, как на рабочего, которому вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же посильная задача... не лишаящая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость»².

А. С. Макаренко полагал, что воспитатели детского дома должны иметь конкретные знания в области какого-то производства, должны разбираться в вопросах организации труда. Они должны иметь также определенные знания о клубной работе среди детей. Иначе они опускаются на обыкновенное и не очень храброе надзирательство, которое зачастую просто мешает ребятам заниматься своими делами.

Подводя итог сказанному, А. С. Макаренко делает весьма мрачный вывод, но, к сожалению, четко и правильно отражающий существующее положение дел в области советской педагогики конца 20-х годов: «советского воспитательского коллектива у нас нет, мы не знаем, каким он должен быть, и мы не имеем никакого понятия, откуда он у нас возьмется и на чьей обязанности лежит его спроектировать»³.

¹ См.: Макаренко.— Т. 1.— С. 85.

² Там же.— С. 88.

³ Там же.— С. 90.

Уже в первые месяцы существования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского очень активно обсуждался вопрос о соотношении школы и производства. Некоторые члены правления коммуны полагали, что ведущим началом должен быть производственный труд, позволяющий осуществить в пей полную самокупаемость. При этом, как правило, ссылались на Большевскую коммуну под Москвой*, где школы фактически не было и юноши в возрасте от 18 до 25 лет трудились по 8 часов в день на производстве. Однако А. С. Макаренко считал, что «вопрос о школе является у нас центральным не только с точки зрения образовательного процесса, но и с точки зрения производства»¹, и в то же время решительно не соглашался с тем, что в большинстве детских учреждений доминировала школа, детское самоуправление отходило от школьного первичного коллектива, а хозяйство существовало только для некоторых подработок.

Опираясь на положительный опыт колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко разработал следующие основные тезисы, определяющие наиболее рациональное построение детского учебно-воспитательного заведения (в данном случае коммуны):

1. Одновременное и гармоническое развитие ребенка в следующих направлениях:

а) к полной совершенной грамотности в чтении, письме, счете, черчении;

б) к достаточной квалификации в определенном материале и к знанию коммерческой и организационной стороны данного производства;

в) к полному и крепкому комплексу коллективных навыков, к сознательному положению в серьезном производственном коллективе;

г) к самому глубокому воспитанию классового самосознания, выражающемуся не только в знании политграмоты, но и главным образом в наличии основной уверенности в крепости своего класса и отдельных его идей;

2. Параллельное с развитием коммунара развитие производства коммуны в направлении к возможно большей его организованности, доходности, общественной значимости и в то же время к полному соответствию с интересами детей, их здоровья и воспитания;

* В 1924 г. в Большеве (Подмосковье) по инициативе Ф. Э. Дзержинского была открыта трудкоммуна для бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1. Она работала довольно успешно.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 97.

3. Организация обеспеченного для каждого воспитанника патронирования его коммуной после выхода в самостоятельную жизнь до полного отрыва его от коммуны¹.

Планируя общее развитие коммуны по указанному плану, А. С. Макаренко считал обязательным проектирование в ее составе школы. Однако положение воспитателя в ней, по его мнению, не должно определяться только школьной работой. Он полагал, что в деятельности каждого воспитателя должны органически сочетаться его учебная и воспитательная работа. «Как раз в учреждении интерпатного типа,— писал педагог,— возможно достигнуть полной гармонии между школой, производством, отдыхом, культурной работой, политработой, общественной работой, можно достигнуть того, что называется единым педагогическим процессом. Живым объединителем этих отдельных элементов единого педагогического процесса и должен явиться воспитатель. Но для этого он должен прежде всего принять участие и в школе, и в производстве, и в отдыхе, и во всем остальном. Только в таком случае его участие в жизни коммуны будет действительно определяющим.

...Производство, например,— продолжает А. С. Макаренко далее,— может занимать главную экономическую позицию в коммуне. Оно может действительно определять почти полную самокупаемость коммуны, но с точки зрения воспитательного процесса оно все же должно исходить из задач воспитателя и в значительной мере иметь своей базой как раз школу»². Достижение только одного производственного эффекта является отказом от воспитательной работы, а потому оно неприемлемо. Допуская значительную самокупаемость, Антон Семенович высказывал пожелание, чтобы она была результатом прежде всего педагогических достижений, а не следствием прямого нажима на производство. «Только достижение такой гармонии может быть нашей целью»².

Увлечение положительными сторонами труда должно быть обязательно ограничено. «Сколько-нибудь избыточный труд в детстве, особенно труд механический, однообразный, связанный с длительным повторением физического усилия, не оправданный постоянным присутствием живого интереса, не дающий выхода естественному стремлению каждого мускула подрастающего человека к движению, не дающий выхода естественному стремлению к игре,— чрезвычайно вредно отражается прежде всего на умственном состоянии воспитанника»³.

¹ См.: Макаренко.— Т. 1.— С. 98.

² Там же.— С. 99.

³ Там же.— С. 100—101.

В решении вопроса А. С. Макаренко исходил из диалектического единства следующего противоречия: с одной стороны, увлечение производственно-трудовым воспитанием не должно доходить до идеи использования детей как производительной силы, а, с другой — только труд, приносящий ценности, только производство неубыточное может рассматриваться как положительное воспитательное средство.

Говоря о распределении времени на труд и на школу, А. С. Макаренко строго придерживался той позиции, что при восьмичасовом рабочем дне воспитанников школа должна занимать не меньше четырех часов в день (возможно и варьирование в этой задаче, но не дальше комбинации три плюс пять). Окончательно же этот вопрос должен решаться в зависимости от типа школы.

Таким образом, А. С. Макаренко настаивал на сохранении чисто воспитательного характера коммуны, и прежде всего на полном сохранении работы школы в коммуне. Это было его первым и самым главным условием развития коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

По представлению ГПУ УССР 7 июня 1928 г. Совнарком республики принял постановление об утверждении организации трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Она объявлялась самостоятельной организацией, действующей на началах хозрасчета, обладала правами юридического лица и существовала на средства от своих мастерских и производства совхоза «Красные зори», который был передан решением Малого президиума ВУЦИКа в её распоряжение еще 17 января 1928 г. Предприятия коммуны были освобождены от общегосударственных, республиканских и местных налогов и сборов. В постановлении предлагалось ГПУ совместно с Наркомпросом разработать и утвердить устав коммуны, обеспечивая руководство Наркомпроса делом воспитания в этом учреждении.

Значительным событием в жизни коммунаров явилась встреча с Алексеем Максимовичем Горьким. 9 июля 1928 г. А. М. Горький посетил коммуну им. Ф. Э. Дзержинского. По свидетельству А. С. Макаренко, для встречи почетного гостя коммунары выстроились с большими интервалами по всей дороге, но не выдержали парадных поз и вслед за машиной просто побежали в коммуну. Алексей Максимович с любовью осмотрел коммуну и, обращаясь к ребятам, назвал ее «окном в коммунизм»¹. Это была не только величай-

¹ Цит. по: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 4 кн. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. — Кн. 3. — С. 5.

шая оценка реального конкретного труда педагогического коллектива, по и указание на большую перспективность макарпковской системы коммунистического воспитания.

В начале сентября 1928 г. в коммуну приехали непосредственно с улицы и из детских домов 50 новых коммунаров, в том числе 20 девочек. Беспризорных ребят, снятых с поезда на Харьковском вокзале, встречали 500 человек в парадной форме, оркестр в 60 человек, физкультурный строй повзводно, серебряные трубы и знамена, и затем баня, парикмахер и сжигание остатков прошлого. Все это чрезвычайно успешно революционизировало сознание непризорных ребят, способствовало очень быстрому их перерождению.

В дальнейшем коммуна им. Ф. Э. Дзержинского развивалась весьма успешно, хотя и не одинаково ровно. Вначале топтало на месте производство. Вручную делали какие-то шкафы, которые выходили дорого и давали убыток. Слесарная мастерская практически не знала, что ей делать. Несколько улучшил положение солидный заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове: получили несколько тысяч рублей наличными и смогли рассчитаться с главными долгами и выделить деньги для поездки в Москву.

Именно в это время после посещения детской коммуны в Большеве родилась мечта о настоящем производстве. А. С. Макаренко и его воспитанники решают по примеру большевцев создать у себя завод, и уже в начале марта 1930 г. коммуна приобрела три стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, стандартную мебель, тысячами шили трусики. Построив из всяких отходов (дикта, обрезок, тряпок и земли) сборный цех деревообделочной мастерской, коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев. Ежедневный выпуск продукции достиг трех тысяч рублей.

Коммунары почувствовали себя в силах зарабатывать средства на содержание коммуны. В результате разделения труда и введения зарплаты воспитанникам значительно повысилась ответственность в работе, выросла производительность труда. Материальные дела коммуны пошли настолько хорошо, что мечта о заводе стала реальностью. Появилась группа инженеров. Взвесив все обстоятельства, было решено строить завод электроинструментов. На многих заседаниях правления коммуны и совета командиров обсуждались всевозможные детали будущего предприятия, материальные и кадровые возможности, был утвержден проект строительства нового завода, общежития, клуба и гаража.

В начале мая в торжественной обстановке состоялась за-

кладка корпуса новых спален и завода. Коммунары выстроились со знаменем и оркестром, и самый молодой коммунар Ленька Алексюк заложил первый камень. Жизнь в коммуне закипела с новой силой, и 7 января 1932 г. состоялся пуск первого в стране завода электросверлилок. На этом торжестве присутствовал председатель ВУЦИКа Г. И. Петровский. Завод рос, росли и прибыли. Это позволило коммунарам начать проектирование производства фотоаппарата типа «Лейка» (ФЭД). Вскоре, а именно к концу декабря 1932 г., завод был готов. 28 декабря была выпущена первая в СССР серия плечных фотоаппаратов типа ФЭД.

Работая на заводе, коммунары получали зарплату по подрядному расчету. Коммунар в месяц зарабатывал от 20 до 200 рублей. Из своего заработка он оплачивал свое содержание в прошлом месяце (примерно 60—70 рублей). Если заработка не хватало, недостаток покрывался производственной прибылью. Содержание школы и культурных учреждений коммуны также шло за счет дохода от производства.

Оставшаяся часть зарплаты делилась на две равных части. Одна вносилась на сберегательную книжку коммунара, и он ее не мог получить до выхода из коммуны, другая — выдавалась ему на руки, и на эти деньги он мог купить, что хочет (кроме одежды и спиртных напитков).

Работа на заводе являлась мощным усилителем воспитательного процесса. Много внимания в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского уделялось и учебной работе. Уничтожение пропасти между физическим и умственным трудом являлось самым крупным достижением коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Оно позволяло наиболее рационально решать воспитательные, познавательные и развивающие задачи в их взаимодействии. Эти задачи не противопоставлялись одна другой, а, наоборот, решение одной способствовало решению двух других задач, которые, в свою очередь, благотворно влияли на общее совершенствование личности.

Вначале в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского воспитанники обучались по учебным планам и программам семилетней украинской школы. Правда, педагогический коллектив под руководством А. С. Макаренко в ряде случаев вносил некоторые изменения в соответствии с особенностями коммуны, организационно сочетающей обучение с конкретным производительным трудом учащихся.

В 1929/30 учебном году вместо трудовой школы в коммуне была открыта кустпромшкола. Эта попытка сблизить школу с производством оказалась неудачной, так как не отвечала требованиям и задачам, которые ставились А. С. Макаренко

перед коммунной. Он всегда говорил о необходимости систематических знаний, в том числе и в период господства комплексно-проектных программ. Именно потому, что кулпромпшкола не обеспечивала учащих систематическими знаниями, Антон Семенович отвергал ее как непригодную. Об этом весьма четко было заявлено в докладе и резолюции правления детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского о ее состоянии за 1929—1930 гг.¹ Кулпромпшкола просуществовала в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского только один год.

В сентябре 1930 г. в коммуне на базе школы-семилетки был открыт рабфак как филиал Харьковского машиностроительного института. У коммунаров появилась возможность получить среднее образование и даже поступить во втуз. Рабфак пользовался большими симпатиями коммунаров и развивался весьма успешно. Так, если в 1930 г. на рабфак было зачислено 65 слушателей (на I курс — 39 человек и на II курс — 26 человек), то уже в 1932 г. на нем обучалось 207 человек.

В октябре 1933 г. на заседании педсовета был поставлен вопрос о преобразовании рабфака в техникум с двумя факультетами (оптико-механическим и электроэнергетическим), которые соответствовали двум видам производства коммуны (завод фотоаппаратов и завод электросверлилок). Предполагалось лучше осуществлять политехническое образование и готовить квалифицированных специалистов для самой коммуны. Однако техникум просуществовал только один год.

Согласно постановлению СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (15 мая 1934 г.), которым устанавливались общие для всего СССР типы общеобразовательной школы: начальная школа (1—4-е классы), неполная средняя школа (1—7-е классы) и средняя школа (1—10-е классы), с 1935 г. в коммуне начала функционировать школа-десятилетка.

В начале 30-х годов, помимо рабфака и семилетки, в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского существовали и группы по повышению грамотности, целью которых было выравнивание объема и повышение качества знаний коммунаров, только что пришедших в коммуну, подготовка их для поступления в тот или иной класс семилетки (группы были ликвидированы лишь в июне 1936 г.).

Необходимость существования таких групп объяснялась тем, что коммуна пополнялась воспитанниками во всякое

¹ См.: Виноградова М. Д. Вопросы организации общего образования в школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского // Известия АПН РСФСР.— 1959.— Вып. 102.— С. 230—231.

время учебного года, многие из новых коммунаров имели 2—3 года перерыва в школьных занятиях и знания многих из них были не систематичны, отрывочны.

Педагогический коллектив коммуны был очень дружный и высококвалифицированный. Сам А. С. Макаренко преподавал некоторое время на рабфаке экономическую географию и черчение, а также заменял преподавателей по разным предметам, преимущественно по русскому языку. Его уроки были яркими и запоминающимися. Он был очень строг, даже несколько суров, о чем и сам говорил впоследствии. О требовательности А. С. Макаренко говорили его бывшие сослуживцы и воспитанники в своих воспоминаниях.

Много внимания в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского уделялось внеклассному чтению, занятиям в кружках. Кружки посещали все коммунары, но посещать более двух кружков не разрешалось.

Большой популярностью среди воспитанников пользовались литературные, музыкальный, драматический, технические кружки, различные спортивные секции.

На высоком уровне в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского велась клубная работа. А. С. Макаренко рекомендовал педагогам с самого начала не навязывать учащимся своих убеждений и мнений, а, наоборот, предоставить как можно большую возможность для полной инициативы. Преподаватель должен стремиться быть образцовым и авторитетным товарищем и помощником каждого члена кружка. Задания учащимся следует давать по способностям и никогда не бояться перегрузки¹.

Клубная работа проводилась в основном в мастерских, в частности, в так называемой свободной мастерской, которая являлась одним из интереснейших изобретений А. С. Макаренко.

В мастерской были сосредоточены материалы и первичные инструменты для работы по дереву, металлу, с кожей, гипсом, картоном и пр. Цель мастерской — подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии и обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности. Не имея никакого производственного уклона, она давала возможность изготавливать интересные вещи. По свидетельству В. Н. Терского, тут чинили и делали новые клюшки для хоккея, лыжи, технические игрушки, детали по

¹ См.: Макаренко.— Т. 1.— С. 64—67.

чертежам, которые творили тут же на двух столах в эскизном виде¹.

Уже в первые годы существования коммуна достигла значительных успехов во всех направлениях жизни и деятельности. В день пятилетия коммуны, 29 декабря 1932 г., А. С. Макаренко был торжественно премирован коллегией ГПУ УССР грамотой и именными золотыми часами, правлением трудкоммуны — грамотой, значком и званием лучшего ударника, а Наркомпросом УССР — почетной грамотой.

А. С. Макаренко и в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского работе отдавался целиком. В докладной записке члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, написанной в ноябре 1930 г. в связи с высказанными на заседании правления коммуны критическими замечаниями о ее деятельности, он указывал, что за десять лет работы с беспризорными (а это больше 50 тысяч часов, проведенных непосредственно в детском коллективе) он много передумал, перепробовал, сам видел чужой опыт. Это позволяет ему критически относиться к состоянию современной ему педагогики, быть глубоко убежденным в правильности своей методики.

А. С. Макаренко считал, что «плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к Советской власти, ни просто к здравому смыслу»². Соцвосовская, или, как он еще ее называл, «интеллигентская» педагогика, по его мнению, характеризовалась «совершенно тупой» верой в действенность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений (полезность и высокая моральная ценность бесплатности труда, помощь бедному, милостыня, непротивление «злому», спасительность душевных разговоров, какое-то особое значение «любимого» учителя, сверхъестественное значение интереса и так называемую доминанту)².

Антон Семенович был решительным противником пропаганды новых путей воспитания путем навязывания методов и средств, которые хорошими и революционными кажутся только потому, что наскоро и совершенно по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий.

¹ Терский В. Черчение в практике А. С. Макаренко // Нар. образование.— 1964.— № 3.— С. 39—40.

² Макаренко, — Т. 1, — С. 120.

А. С. Макаренко полагал, что представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий просто неграмотно, а разговоры о том, что в этом случае нужно поступить обязательно так, а в этом — иначе, являются просто безобразиями. Его (Макаренко) работа «состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытий. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня (А. С. Макаренко. — *Н. Я.*), и коллектив воспитателей, потому что «амортизация» педагогического коллектива — самое ответственное дело, какое у нас есть, и вообще к этому вопросу нужно относиться чрезвычайно осторожно»¹. Кроме этих главных целей, в каждой операции присутствуют и второстепенные, к которым относилось сохранение материальных ценностей, удешевление воспитательного процесса, влияние на окружающую среду, доброе имя коммуны.

Идеально проведенной операцией, продолжает педагог, может считаться только та, при которой все указанные цели достигаются в наиболее оптимальном виде. Однако на практике в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно решать, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, приходится переживать колоссальное напряжение. Задача требует от педагога «прямо какой-то сверхъестественной изворотливости и мудрости, требует широкого развертывания приема и иногда сложной игры с детским коллективом, настоящей сцепической игры»².

В 1934 г. к коммунарским делам для А. С. Макаренко прибавилось еще одно, «увлекательное до высшей степени» дело, связанное с разработкой планов открытия новых детских трудовых коммун. В Харькове был организован соответствующий комитет, в состав которого был включен и Антон Семенович. В письме к А. М. Горькому от 14 июня этого

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 122.

² Там же. — С. 123.

же года А. С. Макаренко сообщал: «Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуны на 12 000 детей на берегу Днепра недалеко от Черкасс или при впадении Сейма в Десну. Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле и настоящих энтузиастов*. План деловой и точный. Я прошу 33 миллиона выдать в течение 3 лет. Обязуюсь потом возвратить эти деньги в течение десяти лет, а сверх того ежегодно увеличивать коммуны на 2 000 человек. Вообще, начиная с четвертого года, коммуна должна быть на хозрасчете»¹.

В мае — июне 1934 г. А. С. Макаренко составил проект крупной коммуны, в котором наметил основные направления дальнейшего развития опыта коллектива дзержинцев.

Прежде всего А. С. Макаренко обращал внимание на существенные изменения в самом явлении беспризорности, происшедшие за годы существования Советской власти. Если раньше беспризорный являлся сыном уголовного общества и воспитывался им, то есть являлся продуктом классового распада, то теперь — это прежде всего ребенок, потерявший семью. Затем А. С. Макаренко обращает внимание на то, что вокруг беспризорных нагородили всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до свободного воспитания. Самым тяжелым и неприятным следствием такой педагогики являлось массовое бегство детей из детских домов. Именно потому А. С. Макаренко предлагал организовать детские дома так, чтобы дети из них не убегали. При этом А. С. Макаренко не настаивал, чтобы 12 тысяч детей собрать в одном месте. Наоборот, в воспитательном отношении безразлично, будет ли организовано 12 колоний на расстоянии нескольких сот километров одна от другой или на расстоянии полукилометра. Принципиально важно, что «в одном коллективе не должно быть больше тысячи детей. Здесь критерием является контактность коллектива: необходимо, чтобы члены одного коллектива друг друга знали, чтобы они могли вместе собраться на общее собрание, чтобы они знали своих руководителей и все свои дела. И поэтому, на каком бы расстоянии ни были расположены колонии одна от другой, каждая из них должна быть самостоятельной единицей, управляемой в порядке единоначалия и в порядке единства коллектива

* Попытка создать крупное учебно-воспитательное учреждение на базе колоний и коммун для беспризорных детей и малолетних правонарушителей предпринималась по инициативе руководства НКВД УССР. А. С. Макаренко был введен в состав комитета Совнаркома УССР, разработавшего план развития и объединения трудовых коммун.

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 258.

и его интересов, на отдельном хозяйственном, с отдельным финансовым планом. Это совершенно необходимо»¹.

Связи между отдельными колониями, по мнению А. С. Макаренко, должны быть организованы в одном федеративном союзе на базе участия в одном производственном, бытовом и культурном комбинате. Признак «свой» должен определяться не интернатом, а общим делом. В этом состоит единственно правильный классовый подход к воспитанию.

Проект не был осуществлен по ряду причин, в том числе и в связи с переездом Совпаркома УССР в Киев, куда была перенесена в 1934 г. столица республики.

В начале 30-х годов А. С. Макаренко много внимания уделял и своей творческой деятельности в области литературы. За два месяца 1930 г. он написал книгу «Марш 30-го года», в которой рассказал о жизни коллектива дзержинцев в течение первых трех лет существования коммуны. В 1932 г. опять в течение двух отпускных месяцев была написана повесть «ФД-1». Причем вначале Антон Семенович писал ее как продолжение «Педагогической поэмы», но затем, по совету А. М. Горького, отказался от этого замысла, и «ФД-1» стало самостоятельным произведением, близко примыкающим по стилю к «Педагогической поэме», над которой он также продолжал усиленно работать.

И хотя его литературные произведения неотделимы от педагогики, все же они требовали значительного времени и физических усилий. Работал Антон Семенович преимущественно ночью, когда жизнь в коммуне замирала. Бывшие воспитанники коммуны вспоминали, что в его комнате ежедневно горел свет далеко за полночь.

Литературное творчество А. С. Макаренко было надлежаще оценено: 4 июня 1934 г. он был принят в члены Союза советских писателей.

Торжественно отпраздновала свое семилетие коммуна 29 декабря 1934 г. Одна из воинских частей во время праздника подарила коммунарам самолет. Этот подарок увеличил интерес коммунаров к авиации. Многие из них, как известно, посвятили свою жизнь авиационному делу и доблестно защищали Родину в годы Великой Отечественной войны.

К 1935 г. коммуна им. Ф. Э. Дзержинского достигла зенита. Число воспитанников в ней увеличилось до 600 человек. Успешно работала общеобразовательная средняя школа, развешивалась и укреплялась вся система внешкольной работы. Заводы достигли полной производственной мощности. Среди

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 209.

коммунаров появилось много ударников, значительно перевыполнявших свои производственные задания, и рационализаторов.

Коммуна стала одним из ведущих педагогических учреждений страны, хорошо известным не только в СССР, но и в Европе, Америке и на других континентах мира. Свыше 200 делегаций Германии, Франции, Америки, Китая, Австралии и многих других стран посетило коммуны. Все они единодушны в высокой оценке достижений коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹ от 31 мая 1935 г. В нем предусматривались конкретные меры по улучшению состояния детских домов и трудовых колоний, по предупреждению детской беспризорности, по организации борьбы с хулиганством детей на улицах, по усилению ответственности родителей в борьбе с правонарушениями малолетних, по усилению наблюдения за детской литературой и кинофильмами. Были четко определены типы детских учреждений и закреплены за соответствующими ведомствами (наркомпросом, наркомздравом, наркомсобесом, наркомвнуделом). Требовалось установить во всех детских домах и колониях, в соответствии с возрастом, трудовой режим, обеспечивающий привитие детям трудовых навыков и овладение определенной профессией ко времени выхода из детского дома или колонии, путем организации мастерских при детском доме или колонии, а также прохождения производственной практики на предприятиях. Признано было необходимым материальное поощрение наиболее отличившихся в работе и изучении профессии.

Всем детским домам, в первую очередь в сельских местностях и небольших городах, отводились земельные участки для обработки их самими воспитанниками (разведение огородов, садов, ягодников, посевы продовольственных культур) и обеспечивалось развитие животноводческого хозяйства. Все хозяйственные операции детских домов, трудовых колоний и приемников освобождались от обложения всеми видами налогов. Постановлением предусматривались также меры по улучшению кадрового обеспечения детских учреждений, по совершенствованию обучения и воспитания в них.

Выполняя указанное постановление, наркоматы укрепляли или создавали соответствующие подразделения. В НКВД

¹ См.: Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сб. документов: 1917—1973 гг.— М.: Педагогика, 1974.— С. 350—352.

УССР был также организован отдел трудовых колоний. Поскольку А. С. Макаренко добился исключительных успехов в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, руководство НКВД УССР вполне закономерно обратило прежде всего на него внимание. С 1 июля 1935 г. он был переведен в аппарат этого ведомства и назначен заместителем начальника недавно открытого отдела трудовых колоний по воспитательной части. Для самого Антона Семеновича перевод был совершенно неожиданным и даже несколько болезненным. «Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, — сообщал он А. М. Горькому. — По хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами»¹.

Вначале А. С. Макаренко поддерживал тесные связи со своей бывшей коммуной. Когда в мае 1936 г. в Киеве отделом трудовых колоний НКВД УССР была организована олимпиада, в которой принимали участие все детские дома, прибыли в Киев и участники художественной самодеятельности коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Они радостно встретились с Антоном Семеновичем. А 1 Мая они принимали участие в городском праздничном параде. Колонну возглавлял А. С. Макаренко. В составлении программы выступлений коммунаров на олимпиаде Антон Семенович принимал непосредственное участие. Коммуна заняла первое место.

В июне 1936 г. художественный коллектив коммуны им. Ф. Э. Дзержинского выступал в клубе НКВД СССР в Москве как участник всесоюзной олимпиады. По некоторым видам художественной самодеятельности коммунары и здесь завоевали первые места.

После ухода А. С. Макаренко из коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в нее стали принимать преимущественно юношей более старшего возраста. В этом были заинтересованы заводы. Постепенно коммуна перестала выполнять функцию учреждения по перевоспитанию трудных подростков. Организаторы ее теперь руководствовались больше хозяйственными, а не педагогическими интересами. В 1937 г. коммуна им. Ф. Э. Дзержинского была превращена из учебно-воспитательного учреждения в промышленный комбинат.

Как только А. С. Макаренко приступил к работе в отделе трудовых воспитательных колоний НКВД УССР, он сразу же решил написать конкретные рекомендации по организации воспитательной работы в детских учреждениях, опираясь при этом на личный опыт работы в колонии им. М. Горького и ком-

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 265.

муне им. Ф. Э. Дзержинского. Фактически это была его первая крупная завершенная научно-педагогическая работа. Она была опубликована в 1936 г. небольшим тиражом в ведомственном издании под названием «Методика организации воспитательного процесса». Форма и содержание данной публикации определялись ее сугубо практической направленностью: она предназначалась широкому кругу педагогов детских домов и трудовых колоний как организационно-методические рекомендации. Они должны были помочь практическим работникам более рационально организовывать и проводить воспитательную работу в детских воспитательных учреждениях.

Работа состоит из 17 параграфов, охватывающих все основные вопросы жизнедеятельности детского воспитательного учреждения. В первом параграфе даются четкие рекомендации по организационному строению коллектива. Главная его идея — организация первичных коллективов в форме производственных отрядов. Детально анализируется технология самоуправления в отряде и в детском воспитательном учреждении вообще. Значительный практический и теоретический интерес представляют рекомендации относительно общего собрания, Совета коллектива, санкомиссии и актива.

Особое внимание А. С. Макаренко уделил вопросам дисциплины и режима, наказаний и мер воздействия, которые являлись в то время дискуссионными, а также вопросу организации педагогического центра в детском воспитательном учреждении, его материальной сфере. В параграфе «Новые воспитанники» в поле зрения педагога — комплектование детских воспитательных учреждений. А. С. Макаренко рекомендует к новеньким проявлять максимальную чуткость и заботливость, постепенно вовлекая их в разнообразную трудовую и общественную деятельность коллектива.

Далее излагаются общие принципы организации культурно-массовой работы в детском учреждении, в частности, организации и методики работы разнообразных кружков и коллективов художественной самодеятельности, функционирования так называемой «свободной мастерской», ребусников и т. п.

Исходя из того, что «истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость»¹, А. С. Макаренко излагает свою теорию о трех видах перспективы (ближняя, средняя и дальняя) как важнейшем условии коммунистического воспитания. «Гармонирование» коллективных и личных

¹ Макаренко, — Т. 1. — С. 311.

перспектив, считает педагог, — важнейшая часть воспитательной деятельности.

Очень много внимания автор уделяет стилю работы с коллективом. Он исходит из того, что в детском учреждении может быть только один тон, который отличается мажорностью, достоинством, высокой нравственностью, единством коллектива, идеей защищенности, активностью, привычкой торможения. В руководстве детским воспитательным учреждением нет места для административного тона.

Детальные рекомендации даются и относительно работы воспитателей: требования к ним, формы их работы. Обосновываются сущность и преимущества параллельного педагогического действия, являющейся важнейшим принципом советской педагогики.

В заключение излагаются требования к подготовительной работе по выпуску воспитанников: выявление достойных выпуска, точное местоопределение выпускника, подготовка будущих условий его жизни, выделение денег на выпуск, обмундирование. Внимание акцентируется на необходимости поддержания прочных и разнообразных связей детского учреждения со всеми бывшими воспитанниками.

Данное методическое пособие, хотя и имело совершенно конкретного адресата — работников детских трудовых колоний системы НКВД, вышло далеко за рамки инструктивно-методического письма. Оно написано на высоком уровне научно-теоретического обобщения и обоснования. В нем раскрыты наиболее важные вопросы и положения социалистической педагогики, которые блестяще были реализованы А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Ссылки на этот опыт обеспечивают максимальную конкретность, убедительность и ненавязчивость советов автора.

А. С. Макаренко не был кабинетным служащим. В 1935 г. он ознакомился с Броварской трудовой колонией, как прикомандированный к ней от НКВД УССР для организации работы. Колония, расположенная в живописной местности недалеко от Киева, была рассчитана на 600 детей в возрасте от 12 до 18 лет. Территория ее была ограждена высоким забором с колючей проволокой. У ворот стояла военная охрана.

А. С. Макаренко всегда колонию рассматривал не как тюрьму для малолетних преступников, а как трудовую семью. Поэтому «с первых дней пребывания в колонии, — писал тогдашний заведующий колонией И. Бабич, — Антон Семенович поставил перед нами и отделом трудовых колоний НКВД вопрос о снятии вооруженной охраны и дополнительной огра-

ды. Он решительно отменял наши опасения насчет того, что без охраны колонисты разбегутся. Наши стражи и смешили и злили его. Он доказывал, что дети-правонарушители — такие же люди, что мы обязаны уважать их и верить им. В конце концов под личную ответственность Антону Семеновичу удалось добиться своего. Охранников убрали. И все получилось так, как предсказывал Макаренко: колонисты не разбежались, а несколько человек, которые днем ушли в город, к вечеру вернулись назад»¹.

Уничтожение в колониях для малолетних преступников всяких стен и заборов было одним из важнейших педагогических принципов А. С. Макаренко. Территория колонии имени А. М. Горького (как и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского) была открыта со всех сторон, и ее покинуть не составляло никакой трудности. Работая заместителем начальника отдела учебных заведений НКВД УССР, Антон Семенович эту идею реализовал в республиканском масштабе. В 1938 г. он говорил, что во всех 15 колониях республики нет карцеров, нет стен (высоких заборов), нет ворот, нет калитки. Он последовательно отстаивал широкую демократию, широкое демократическое воспитание детей без стражи и без карцеров².

Главными средствами воспитания в Броварской колонии, как и в колонии им. А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, являлись организация коллектива, самоуправление и труд. Жизнь колонии руководил Совет бригадиров; дежурными по колонии, жилым корпусам, кухне, столовой, клубу были колонисты. Все воспитанники учились и занимались общественно полезным трудом. Они работали на чугунолитейном заводе, в механосборочной мастерской и в подсобном хозяйстве. Выбор профессии проводился на сугубо добровольных началах.

За короткое время (меньше двух лет) пребывания А. С. Макаренко в Броварской трудовой колонии № 5 последняя превратилась в одну из передовых на Украине. Получая большие прибыли от собственного производства, колония отказалась от государственного содержания, перешла на полный хозрасчет.

Броварская трудовая колония существовала вплоть до Великой Отечественной войны. После войны она не возрождалась.

В начале апреля 1936 г. А. С. Макаренко принимал участие в работе IX съезда комсомола Украины, возглавляя деле-

¹ Бабиц И. А. С. Макаренко в Броварах // Нар. образование. — 1964. — № 3. — С. 95.

² См.: Макаренко. — Т. 7. — С. 31.

гацию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. На съезде главное внимание акцентировалось на совершенствовании системы коммунистического воспитания молодежи.

В мае 1936 г. А. С. Макаренко присутствовал на обсуждении «Педагогической поэмы» в Высшем коммунистическом институте просвещения (Москва) и выступил с заключительным словом. Его выступление имело резко полемический характер и было проникнуто настойчивым требованием создать на подлинно научных основах методику и технику коммунистического воспитания.

Говоря о том, что в то время педагогической теории фактически еще не было, не было ни одной деловой книги, по которой педагогу можно было бы воспитывать детей, Антон Семенович призывал ученых-педагогов не прятать педагогику «за великими именами гениев марксизма. Ведь они не являются специалистами — профессорами педагогики. Их высказывания в области воспитания — это высокие идеи человечества, а не практическая педагогическая наука. Нельзя глубочайшую философию их учения выдавать за педагогическую технику. Не закрывайтесь ими и не снижайте их учения. Они создали методологию и дали задание, а вы пока ничего не сделали, чтобы его выполнить, ничем не ответили на задание»¹.

Проанализировав конкретные недостатки школьной воспитательной системы, А. С. Макаренко утверждал, что здесь нужна длительная работа детского коллектива, что надо коренным образом пересмотреть принятые в детских учреждениях методы создания детского коллектива и управления им. Он призывал ученых создавать методику и методологию педагогической науки.

А. С. Макаренко неоднократно высказывал свою неудовлетворенность общеобразовательной школой 30-х годов из-за игнорирования ею идеи соединения обучения и воспитания с производительным трудом учащихся и коллективистского воспитания. Это вело к принижению общественного значения школы и роли трудового воспитательного коллектива, который занимал центральное место в макаренковской педагогике.

18 июня 1936 г. А. С. Макаренко потрясло известие о смерти дорогого ему человека — А. М. Горького. С большой душевной болью он говорил о своем любимом учителе и друге на собрании писателей г. Киева. В это же время им было опубликовано несколько статей, посвященных Алексею Мак-

¹ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. — К.: Рад. шк., 1985. — Т. 3. — С. 360.

симовичу Горькому. Так, в киевской газете «Більшовик» была опубликована статья А. С. Макаренко «Большое горе». С чувством высокой благодарности и признательности автор писал о переписке А. М. Горького с колонистами, о его пребывании в колонии, о том, как великий писатель интересовался вопросами воспитательного процесса в коммунах, вопросами новой семьи, новых отношений между детьми и родителями, отношений детей к обществу.

Указывая на то, что смерть Алексея Максимовича является его большим личным горем, Антон Семенович писал: «Силой своей настойчивости и ясного взгляда он заставил меня свой педагогический опыт исчерпать и до конца отдать нашему социалистическому обществу. Я лишь в последнее время понял, насколько он был прав: ведь наш опыт — опыт новый, и каждая его деталь имеет значение для нашей жизни и для жизни будущего человека, великим поэтом которого был Алексей Максимович»¹.

В статье «Мой первый учитель» (Комуніст.— 1936.— 1 июня) А. С. Макаренко писал, что во все самые сложные периоды жизни (и в период революции 1905 г. и в первые годы после Октября) первым учителем и советчиком, к которому он обращался, был А. М. Горький. Горьковское творчество с его неисчерпаемым запасом мудрых наблюдений, доскональным знанием жизни, глубоким пониманием Человека, проникнутое любовью к нему и ненавистью ко всему, что препятствует его свободному развитию, способствовало утверждению человека, освобождению его от грязи, оставленной капиталистическим строем, выпрямлению человека. Личность самого А. М. Горького, вышедшего из недр народа, всегда была для А. С. Макаренко и его воспитанников образцом для подражания. Они искренне любили и высоко ценили Алексея Максимовича за его безграничную любовь к жизни, огромный философский ум и полный мудрости взгляд, который пропикает во все мелочи жизни, отыскивает в них основное зерно и умеет поднять их до философских обобщений².

Огромная работа в аппарате НКВД УССР очень трудно сочеталась с большими литературными обязанностями, которые легли на А. С. Макаренко после выхода в свет «Педагогической поэмы». Общественность ставила перед ним очень высокие требования и в плане создания новых художественных произведений, и в плане создания научной методики

¹ Макаренко.— Т. 4 — С. 22.

² См.: Там же.— Т. 4.— С. 18—19.

коммунистического воспитания подрастающего поколения. Желание заниматься литературной и научной деятельностью подтолкнуло А. С. Макаренко подать 14 июля 1936 г. рапорт руководству НКВД УССР, в котором он, в частности, писал: «После издания моей книги «Педагогическая поэма» на меня легло много литературных обязательств, которых я не в состоянии выполнить, находясь на службе. Задуманная мною книга «Методика коммунистического воспитания» требует от меня напряжения всех сил и всего моего времени. Откладывать эту работу я не имею права, так как уверен в ее важности и полезности. При этом из уважения к моей собственной работе в коммуне имени Дзержинского я принимаю на себя обязательство по первому требованию НКВД УССР выполнить любое поручение в качестве консультанта-педагога по одному из учреждений ОТК без всякой оплаты за этот труд»¹. Рапорт А. С. Макаренко был удовлетворен только в январе 1937 г. (он освободился от работы в аппарате НКВД УССР в связи с переездом на постоянное проживание в Москву, что состоялось в феврале 1937 г.).

Вторая половина 1936 г. для А. С. Макаренко была насыщена основной работой в НКВД УССР, работой по руководству колонией в Броварах, литературной и научной работой.

В конце июля в Доме советских писателей в Москве состоялось обсуждение «Педагогической поэмы» в присутствии ее автора. Аудитория была разнообразной и достаточно активной. Выступали рабочие автозавода, завода «Пятилетие Октября», педагоги, представители других профессий. Выступил также один из бывших воспитанников коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, студент Московского философского института Василий Камардянов. Все они давали восторженную оценку «Педагогической поэме».

С заключительным словом выступил А. С. Макаренко. Он говорил: «Когда я писал «Педагогическую поэму», я хотел показать, что в Советском Союзе из людей «последнего сорта», из тех, что за рубежом считают «отбросами», можно создать великолепные коллективы. Я хотел это так описать, чтобы было видно, что не я это создаю и не кучка педагогов, но создает это «чудо» вся атмосфера советской жизни»². И хотя он не думает быть писателем, однако происходящие в стране события заставляют его откликнуться: он решил написать «Книгу для родителей» и обещал ее закончить к 15 октября 1936 г.

¹ Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы.— С. 94.

² Макаренко.— Т. 4.— С. 25.

О жизни коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, новых отношениях к человеку в коллективе, о формировании этого нового человека шла речь в статье А. С. Макаренко «Прекрасный памятник», опубликованной в газете «Правда» за 20 июля 1936 г.

Заслуживала внимания и идея А. С. Макаренко об организации под Москвой лесной школы, изложенная им в письме в совет жен писателей¹. В этом учреждении, считал педагог, должна была быть полная, хорошо оборудованная десятилетка с общежитием для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию. Предусматривался ежедневный двухчасовой труд на производстве, который должен оплачиваться на общих основаниях. Антона Семеновича особенно интересовало такое устройство школы, при котором не было бы никакого разрыва между семьей и школой. Наряду с вопросами образования в школе должны быть разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания. Полное обеспечение детей не должно иметь характера какого бы то ни было баловства или тем более излишнего удовлетворения потребностей.

В примечании редакции «Литературной газеты» к данному письму указывалось, что эта идея нашла горячий отклик среди жен писателей. Совет полностью согласился с предложением автора и обратился в секретариат Союза писателей с просьбой поддержать начинание. Секретариат одобрил предложение об организации лесной школы и поручил А. С. Макаренко разработать подробную докладную записку². Однако в силу сложившихся во второй половине 30-х годов обстоятельств такая школа не была организована.

В это же время А. С. Макаренко принял участие в обсуждении проекта Конституции СССР. Он предлагал внести изменения в X главу, добавив раздел о семье, а именно, что семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой и эта ячейка должна быть социалистической, что семья является не подвластной отцу (как хозяину) группой родственников, а трудовым коллективом, счастье и разумная жизнь которого обеспечивается всем строем социалистического государства³.

«Литературная газета» публикует 27 августа 1936 г. положительную рецензию А. С. Макаренко на книгу «Болшевы» (под ред. М. Горького, Н. Горбунова, М. Лузгина.—

¹ См.: Макаренко.— Т. 4.— С. 24—25.

² См.: Лит. газ.— 1936.— 5 авг.

³ См.: Макаренко.— Т. 4.— С. 26.

М., 1936), в которой описывалась жизнь Болшевской трудкоммуны.

В статье «Дело партии» (Юный пионер.—1936.—12 сент.—Харьков) А. С. Макаренко глубоко раскрывает сущность коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, которая больше, чем другие детские учреждения Союза, отражала в своей истории и своем стиле великую эпоху строящегося социализма¹.

В конце октября 1936 г. состоялись три встречи А. С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы» на Первом московском подшивниковом заводе. Разговор с рабочими шел преимущественно по вопросам воспитания. А. С. Макаренко рассказал о цели создания «Педагогической поэмы», раскрыл свои идеологические взгляды, ответил на многочисленные записки из зала.

А. С. Макаренко сообщил рабочим, что он написал «Книгу для родителей», в которой простыми словами на примере разных хороших и плохих родителей рассказывает, как нужно осуществлять воспитание, каких ошибок надо избегать, как находить середину между строгостью и лаской, укреплять родительский авторитет.

Беседуя в парткабинете с рабочим активом завода, А. С. Макаренко обратил внимание на то, что «вся наша система воспитания — это реализация лозунга о внимании к человеку. О внимании не только к его интересам, его нуждам, но и к его долгу»².

Разговор о «Педагогической поэме» был продолжен 27 октября 1936 г. на диспуте в Московском областном педагогическом институте, на котором присутствовало более 900 человек. В нем участвовали и некоторые выпускники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, ставшие студентами московских вузов. Во вступительном слове и заключении А. С. Макаренко говорил о создании методики воспитания, которая должна отличаться от школьной методики учебной классной работы, о необходимости педагогической науки, но не оторванной от жизни, а связанной с ней и помогающей воспитателю в практической работе. Он высказывал твердую уверенность в том, что «новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра»³. В этой педагогике воспитание, а следовательно, и наказание должны проходить через крепкий коллектив.

В заключительном слове Антон Семенович высказал принципиально важную мысль о том, что в практическом воспита-

¹ Макаренко.—Т. 4.—С. 27.

² Там же.—С. 37.

³ Там же.—С. 35.

нии продолжают иметь место существенные недостатки не из-за отсутствия педагогических идей, а от несовершенства педагогической техники. Надо уметь организовать и подчинить себе четыре типа влияния (чистое и практическое, собственное и постороннее). И, самое главное, «коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом»¹.

Закончил А. С. Макаренко свое выступление словами, которые как нельзя лучше выражали главный смысл всей его жизни и деятельности: «Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!»¹

В связи с принятием новой Конституции СССР 9 декабря 1936 г. А. С. Макаренко опубликовал в газете «Известия» статью «О личности и обществе», в которой убедительно доказывал, что проблема личности и общества не может разумно решиться в буржуазном обществе, где личность проектируется только в некоторых людях по какому-то специальному выбору. Проанализировав конкретные факты и явления буржуазного и социалистического обществ, автор дал подлинно научное определение понятия «коллектив». Он писал: «Коллектив — это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности. Коллектив — это социальный организм в здоровом человеческом обществе. Такой организм невозможно представить в мещанине буржуазного мира»².

Переехав в Москву, А. С. Макаренко много внимания уделял обобщению и пропаганде своего новаторского и весьма успешного почти 17-летнего опыта работы с беспризорными и несовершеннолетними правонарушителями. Он четко определяет основные, ведущие положения принципиально новой педагогики, базирующейся на методологии марксизма-ленинизма. Его особая заслуга состояла в тщательной разработке системы, принципов и методов коммунистического воспитания детей и молодежи.

В 1937 г. по заказу редакции «Педагогическая пропаганда для родителей» Всесоюзного радио А. С. Макаренко подготовил цикл лекций по наиболее актуальным вопросам педагогики семейного воспитания. Передача лекций началась 1 сентября и закончилась где-то в декабре 1937 г. Общая характеристика данного цикла была дана

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 36.

² Там же.— Т. 7.— С. 13.

в заметке «Беседы по педагогике», напечатанной в «Радио-программах» 2 сентября 1937 г. В ней, в частности, писалось: «Беседы тов. Макаренко имеют целью помочь родителям научиться размышлять над своими семейными делами, научиться видеть особенности своей семьи, научиться делать из своих наблюдений правильные выводы.

Правильным воспитанием может быть только сознательное воспитание. Как и всякое серьезное дело, воспитание невозможно без некоторых педагогических познаний»¹.

Всего было прочитано 8 лекций на следующие темы: «Общие условия семейного воспитания»; «О родительском авторитете»; «Дисциплина»; «Игра»; «Семейное хозяйство»; «Воспитание в труде»; «Половое воспитание»; «Воспитание культурных навыков».

Все лекции были пропикнуты глубокой коммунистической целеустремленностью и ответственностью за воспитание подрастающего поколения, страстным желанием помочь родителям хорошо воспитывать своих детей.

В первой лекции, являющейся своеобразным вступлением, А. С. Макаренко предельно четко определил общие условия семейного воспитания: 1) надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее; 2) по возможности надо добиваться правильной структуры семьи, которая не должна ограничиваться единственным ребенком; 3) иметь точную цель и программу воспитательной работы; 4) надо всегда помнить, что ребенок — будущий гражданин и вы отвечаете за него перед страной, а потому прежде всего надо самому быть хорошим гражданином, вносить свое гражданское самочувствие в семью; 5) надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению; 6) не надеяться ни на какие рецепты и фокусы; нужно быть серьезным, простым и искренним; 7) для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни; 8) главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

Принципиально по-новому подошел Антон Семенович к проблеме сознательной дисциплины как результату воспитания и режиму, являющемуся основным средством воспитания. Правильное руководство семейным хозяйством и вовлечение в него детей способствует воспитанию коллективизма, чест-

¹ Цит. по: Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. — Т. 2. — М.: Педагогика, 1977. — С. 280.

ности, заботливости, бережливости, ответственности, способности ориентировки, оперативности. Но самое главное, «правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание петрудовое»¹. Всех ребят необходимо постепенно втягивать в область труда, формировать у них трудовые интересы. Очень важно, чтобы решение самих трудовых задач доставляло детям удовлетворение, чтобы они испытывали при этом радостные чувства.

Глубоко обоснованным и оригинальным был подход А. С. Макаренко к проблеме полового воспитания, где «решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом»².

Последняя лекция А. С. Макаренко была посвящена воспитанию у детей культурных навыков в условиях семьи. Он призывал родителей как можно раньше начинать культурное воспитание своих детей, которое будет полезно только в том случае, если оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем.

Красной нитью через все лекции проходит глубокая убежденность лектора в том, что воспитание, будучи трудным, является в то же время вполне доступным и реальным делом. Необходимо только серьезно, с осознанием высокого гражданского долга отнестись к воспитанию своих детей, настойчиво и терпеливо преодолевать неизбежные в этом деле трудности. Принципиально важно создать прочный семейный коллектив, который бы являлся органической частью социалистического общества.

В 1940 г. лекции были опубликованы в виде отдельных статей в газетах «Известия» и «Учительская газета» и в том же году вышли отдельной книгой под редакцией Г. С. Макаренко (жены А. С. Макаренко) и профессора В. Н. Колбаковского.

В ноябре 1937 г. в журнале «Октябрь» (№ 11—12) появились первые главы повести «Честь», работу над которой А. С. Макаренко закончил в феврале 1938 г. Последние главы были опубликованы в журнале «Октябрь» в 1938 г. (№ 5—6).

В повести отражено социально-педагогическое направление творчества А. С. Макаренко. Рисуя жизнь небольшого уездного городка, автор показывает, как под влиянием революционного движения изменяются представления и чувства простых рабочих, крестьян, солдат, как вырастает у них со-

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 94.

² Там же.— С. 104.

знание человеческого достоинства, чувство национальной гордости.

С 10 по 20 января 1938 г. А. С. Макаренко прочитал цикл лекций для ответственных работников Паркомпроса РСФСР: «Методы воспитания», «Дисциплина, режим, наказания и поощрения», «Педагогика индивидуального действия» и «Трудовое воспитание. Отношения, стиль и тон в коллективе». Лекции рассматриваются как наиболее систематизированное, хотя и далеко не полное изложение взглядов А. С. Макаренко по вопросам советской педагогики, в частности, системы коммунистического воспитания подрастающего поколения, базирующейся на марксистско-ленинской методологии.

Прежде всего Антон Семенович опроверг утверждение о том, что он является специалистом по работе с беспризорными, и заявил, что по отношению к беспризорным никаких особенных методов употреблять не нужно и что ему удавалось в очень короткое время доводить беспризорных до состояния нормы и всю дальнейшую работу с ними проводить как с нормальными детьми. Поэтому его выводы могут быть отнесены не только к беспризорным (трудным) детям, но и ко всякому детскому коллективу, ко всякому работнику на фронте воспитания.

А. С. Макаренко выступал против попыток отождествлять воспитание с обучением, вернее, попыток сведения воспитания к обучению. Он настаивал на том, что воспитание является отдельной областью, требующей своеобразной методики, отличной от методики преподавания. Воспитание, по сравнению с другими основными педагогическими категориями (обучением и образованием), — наиболее всеобъемлющая категория. Методика воспитания и методика образования, по его мнению, составляют два «более или менее самостоятельных отдела педагогической науки». Разумеется, они органически взаимосвязаны между собой. Всякая работа по обучению и образованию является одновременно и воспитательной работой, однако сводить воспитательную работу к обучению и образованию принципиально неверно¹. Таким образом, развенчивалась лженаучная концепция «воспитывающего обучения» реакционного немецкого педагога И. Гербарта, имевшая значительное распространение в дореволюционной России.

А. С. Макаренко обоснованно и убедительно раскрыл основные понятия марксистско-ленинской педагогики: об отношении методики воспитания и смежных отраслей знания,

¹ См.: Макаренко. — Т. 4. — С. 125.

о цели и средствах коммунистического воспитания, о диалектическом характере педагогической науки, о соотношении индивидуального и коллективного в процессе воспитания, о решающей роли коллектива в системе коммунистического воспитания, о сознательной дисциплине, режиме, наказаниях и поощрениях, о педагогике индивидуального и параллельного действия, о трудовом воспитании на основе возлечения воспитанников в серьезный производительный труд, об отношениях в коллективе, его стиле и тоне как важнейших категориях коммунистического воспитания.

Особое значение в воспитательной работе А. С. Макаренко отводил традициям, без которых не может быть хорошей школы. Среди многих таких традиций он особенно ценил военизацию-игру. Его за это часто поносили, называли «жандармом», «Аракчеевым». Именно поэтому он с особым наслаждением прочитал статью Ф. Энгельса «Может ли Европа разружаться?», которая впервые была опубликована на русском языке только в 1936 г.

В статье речь идет о необходимости сокращения срока военной службы и «перенесения центра тяжести военного обучения на воспитание молодежи». Ф. Энгельс доказывал возможность осуществления поставленной задачи. Он писал: «Учащиеся легко могут усвоить в школе правила военного построения и передвижения сомкнутым строем. Если добрую часть лета затрачивать на походы и тренировки на местности, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и военному казначейству»¹. Такие военные прогулки, считал Ф. Энгельс, «в значительной степени содействуют умственному развитию школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок пройти специальную военную подготовку»².

А. С. Макаренко рассказывал, что, когда он показал эту статью людям, которые называли его жандармом, они вросто онемели³.

Многочисленные отклики педагогов, родителей, партийных работников и других читателей (более двух тысяч писем-откликов) вызвала статья А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе» (Правда.— 1938.— 23 марта), запышавшая особое место в наследии педагога, так как в ней он намечал пути реализации своих педагогических идей в практике массовой школы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 22.— С. 396.

² Там же.— С. 397.

³ См.: Макаренко.— Т. 4.— С. 372.

Наиболее существенным недостатком общеобразовательной школы А. С. Макаренко считал то, что она «представляет собой в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед»¹. Неопределенность воспитательного процесса в школе, распыленность педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей.

В статье «Воспитание характера в школе» (Правда.— 1938.— 6 мая) были развиты ранее высказанные автором мысли о необходимости наказаний учащихся в школе. Главным в повышении эффективности воспитательной работы школы он считал задачу воспитания активного деятеля социалистического общества, формирование «крепкого человеческого характера», последовательную реализацию в воспитательной работе принципов социалистического гуманизма.

По поводу этой статьи учитель из Ярославской области написал следующее восторженное письмо: «Товарищ Макаренко! Жму Вашу руку! Наконец-то нашелся человек, смело сказавший то, что в глубине своего сознания носят тысячи педагогов. Вы правы безусловно. Нельзя воспитывать волю и дисциплину одними словами вообще, но у нас так боятся слова «наказание», что стыдно смотреть на своих коллег... Я и те, что болеют за нашу школу, кто хочет видеть не только отличную успеваемость, но и отличную дисциплину, с Вами, тов. Макаренко»².

Написание статей на педагогические и гражданско-политические темы, работа над новыми художественными и педагогическими произведениями чередовались с выступлениями перед читателями, лекциями перед педагогами и родительской общественностью. Так, только в мае 1938 г. А. С. Макаренко выступает перед читателями на станкозаводе им. С. Орджоникидзе на обсуждении «Книги для родителей», печатает в «Литературной газете» статью «Воспитательное значение детской литературы», в журнале «Смена» — рассказ «Симфония Шуберта», журнале «Молодой колхозник» — рассказ «Премия». А в июне в «Литературной газете» появляется статья «Против шаблона» (о повести «Честь» и ее оценке

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 204.

² Цит. по: Морозова Н. А. А. С. Макаренко: Семипурий.— Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1961.— С. 119.

в критике). Антон Семенович выступает на родительском собрании 23-й (бывшей 2-й) образцовой школы им. К. Е. Ворошилова Фрунзенского района Москвы, посвященном обсуждению «Книги для родителей». В журнале «Красная новь» публикуется повесть «Флаги на башнях» (№ 6, 7, 8 за 1938 г.), а в журнале «Дружные ребята» (№ 6, 1938 г.) — статья-воспоминание «Незабываемая встреча» (о приезде в колонию А. М. Горького). В июле А. С. Макаренко беседует с начинающими писателями на тему «Как создается художественное произведение», читает лекцию на тему «Семья и воспитание детей» на собрании родителей в редакции журнала «Общественница», пишет статью «Стиль детской литературы» для журнала «Детская литература» (опубликована в сентябре, № 17, 1938 г.).

К. И. Чуковский вспоминал, что в этот период вся квартира в Лаврушинском переулке «была наполнена творческими замыслами Антона Семеновича. Он говорил, что теперь-то здесь, на приволье, в Москве, он напишет такую-то пьесу, такой-то сценарий, такой-то роман, говорил о своих будущих лекциях, кинокартинах, газетных статьях. Лицо у него было смертельно усталое, и Галина Стахивева украдкой взглядывала на него с беспокойством»¹.

Состояние здоровья А. С. Макаренко вызывало определенную тревогу и раньше. Правда, он никогда не говорил об этом, но окружающие его люди замечали это еще в тот период, когда он работал в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Корней Иванович Чуковский, вспоминая свои встречи с А. С. Макаренко летом 1936 г. в Ирпене, где отдыхал Антон Семенович, и в Киеве во время экстренного заседания Союза писателей, указывал на то, что уже тогда он с горестным чувством увидел, что «при всей своей бодрой осанке, при всех своих уверенных и четких движениях Антон Семенович переутомленный, тяжело больной человек, для которого каждая схватка с «врагами» может завершиться трагически»².

Сам А. С. Макаренко, отвечая на вопрос слушателя его лекции в Большой аудитории Государственного политехнического музея в Москве (21 апреля 1938 г.) о том, где он работает теперь, сказал: «Я болен, у меня переутомлены нервы, и мне врачи предложили годок не работать. Поэтому я сижу в Москве, ничего не делаю и пишу книгу»³.

¹ Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды.— М.: Мол. гвардия, 1962.— С. 551—552.

² Там же.— С. 546.

³ Макаренко.— Т. 7.— С. 46.

В сентябре 1938 г. А. С. Макаренко лечился в подмосковном санатории. В письме к С. А. и Г. К. Калабаниным от 6 октября 1938 г. он писал: «Сейчас решил солидно заняться починкой своей старости: с 1 ноября буду лечиться в Кисловодске, доктора говорят, что меня очень легко вылечить. Сентябрь провел здесь, под Москвой, в одном медицинском застенке, но доктора недовольны: пужны ванны — углекислые!»¹.

После санатория А. С. Макаренко опять весь в работе. В октябре в «Литературной газете» он публикует статью «Советские летчицы» (о В. Гризодубовой, П. Осипенко, М. Расковой, совершивших перелет из Москвы на Дальний Восток), выступает с докладом на собрании учителей Ленинграда и Ленинградской области («Некоторые выводы из моего педагогического опыта»), беседует с читателями в Ленинградском дворце культуры им. С. М. Кирова о повести «Флаги на башнях». Несомненный научный интерес представляет следующий факт. Антону Семеновичу слушатели задали вопрос о том, какое участие он принимал в составлении учебника педагогики. Отвечая на него, он говорил: «Меня пригласили профессора помочь им написать учебник. Я ответил согласием, но при условии, если они ответят на один вопрос: будем мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал — пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, жизнь вас перегонит, и в результате вы напишете педагогику не сегодняшнего, а вчерашнего дня»².

Имеются предположения, что основным пунктом расхождений, вызвавшим отказ А. С. Макаренко от участия в подготовке учебника педагогики, был вопрос о трудовом воспитании школьников, их участии в производительном труде, без чего он не мыслил полноценного коммунистического воспитания. В этот период преподавание труда в школе было отменено (приказ Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе», 4 марта 1937 г.).

В заключительном слове на этой же встрече А. С. Макаренко сказал, что он бы «хотел работать в так называемой нормальной школе. Семейные дети в тысячу раз труднее беспризорных. У беспризорников никого не было, только я один, а у семейных есть мама и папа в запасе. И вот с этими-то нормальными детьми я бы очень хотел поработать»³.

¹ Макаренко.— Т. 8.— С. 97.

² Там же.— Т. 7.— С. 196.

³ Там же.— С. 195.

Возвратившись из Ленинграда, он сразу же (20 октября) выступил с докладом в Научно-практическом институте школ и детских домов Наркомпроса РСФСР («О моем опыте»).

В ноябре 1938 г. А. С. Макаренко опять лечится, на этот раз в Кисловодске. Но и здесь он не оставляет работу. В газете «Московские новости», издававшейся на английском языке (7 ноября), он публикует статью «Полнота советской жизни рождает красочные новеллы», а 29 ноября в газете «Медицинский работник» печатает рассказ «Доктор».

В декабре 1938 г. по поручению «Союздетфильма» А. С. Макаренко приступил к работе над киносценарием «Настоящий характер», который был закончен в начале января следующего года. В декабре же он написал «Ответ тов. А. Бойму», выступившему в «Комсомольской правде» 2 декабря 1938 г. против статьи «Стиль детской литературы». В это же время (точная дата не известна) он выступил с докладом в Московском педагогическом училище, в котором изложил наиболее существенные моменты и выводы из своего педагогического опыта по проблеме политического воспитания, а закончил год публикацией в «Литературной газете» (30 декабря) небольшой заметки «Книги, которых я жду».

В новом, 1939 г. А. С. Макаренко продолжает также интенсивно работать. В январе он для советского отдела международной выставки в Нью-Йорке написал статью «Дети в стране социализма», которая тогда же была издана на английском языке отдельной брошюрой, в «Литературной газете» опубликовал рецензию на книгу Т. З. Семушкина «Чукотка» (записки педагога), написал «Открытое письмо Ф. Левину» — ответ на его статью о повести «Флаги на башнях». В феврале 1939 г. А. С. Макаренко в «Литературной газете» публикует статью «Литература и общество» (в связи с награждением его орденом Трудового Красного Знамени), выступает с докладом в Доме учителя Фрунзенского района Москвы на тему «Воспитание в семье и школе», на праздновании двадцатилетнего юбилея 1-й школы Ярославской железной дороги. В этом же месяце Антон Семенович присутствовал на заседании родительского комитета 91-й школы Москвы, пишет статьи «О коммунистической этике», «Воля, мужество, целеустремленность», «Предстоит большая работа над собой», по поручению киностудии «Союздетфильм» приступает к работе над литературным сценарием «Командировка», в журнале «Дружные ребята» печатает рассказ «Домой хочу», пишет рецензию на первоначальную редакцию повести Г. А. Медынского «Бубепчики» («Девятый «А»»), выступает с докладом в 60-й средней школе Москвы. Одновре-

менно Антон Семенович участвовал в работе редколлегии журнала «Октябрь» и издательства «Советский писатель», вел переговоры с отделом народного образования Ростокинского района Москвы о назначении его директором одной из школ и получил согласие.

Учительница 60-й средней школы Москвы В. Н. Васса в письме от 4 апреля 1939 г. писала: «Он весь развернулся во весь свой рост, во всю ширь. И публичные лекции, и доклады районному учительству, и даже доклад в школе... Нет, не мог он себя беречь, слишком щедро он делился своими мыслями и чувствами с людьми, которые жаждали его слышать, претворяя его мысли в жизнь»¹.

Последний месяц жизни А. С. Макаренко по-прежнему был наполнен самыми разнообразными делами и творческими заботами. В лектории Московского госуниверситета 1 марта он читал лекцию на тему «О коммунистическом воспитании и поведении». Перед лекцией он произнес несколько слов, посвященных памяти Н. К. Крупской, в частности, сказал: «Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Надежду Константиновну Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении»². Эта лекция занимает одно из центральных мест в творческом наследии А. С. Макаренко. В ней он раскрывает фундаментальные проблемы социалистической педагогики, определявшие его творчество: педагогика и политика, воспитатель и жизнь, школа и общество.

А 2 марта А. С. Макаренко в последний раз уезжает в Харьков, где 9 числа прочитал лекцию в Харьковском пединституте («Мои педагогические воззрения»), встречался со своими бывшими воспитанниками — коммунарами-дзержинцами. 10 марта он получил рекомендацию для вступления в партию от бывшего воспитанника колонии им. А. М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского Ивана Петровича Сопина, члена партии с 1930 г., знавшего А. С. Макаренко с 1924 г. В рекомендации, в частности, отмечалось: «Макаренко А. как заведующий колонией и педагог много, честно, преданно, с большевистской настойчивостью работал над воспитанием молодых правонарушителей, прививая им любовь к труду и преданность нашей социалистической Родине и делу партии Ленина»³.

¹ Цит. по: Морозова Н. А. А. С. Макаренко. — С. 122.

² Макаренко. — Т. 4. — С. 322.

³ Цит. по: Морозова Н. А. А. С. Макаренко. — С. 122.

По возвращении из Харькова А. С. Макаренко для лечения и оздоровления приезжает в Дом творчества Союза советских писателей СССР, расположенный в дачном поселке Голицыно. Здесь Антон Семенович написал статью «Что значит воспитать ребенка», закончил редактирование повести «Флаги на башнях» для отдельного издания, продолжал работать над сценарием «Командировка» и 29 марта он в последний раз выступил с докладом об опыте своей работы на совещании учителей Ярославской железной дороги («Из опыта работы»).

1 апреля 1939 г. на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги в вагоне пригородного поезда, которым он собирался ехать в Москву, в «Союздетфильм», А. С. Макаренко скоропостижно скончался. Причина смерти — тяжелая болезнь сердца.

Советская педагогика и литература понесли ничем не возместимую утрату. Чувства советских людей в связи с кончиной А. С. Макаренко прекрасно выразил известный русский писатель С. Г. Скиталец (Петров) в письме к вдове Антона Семеновича, Г. С. Макаренко: «Его уход из нашей жизни и любимой им литературы является горькой утратой не только для Вас, но и для всех нас, кто знал и любил его как прекрасного человека и выдающегося писателя, яркая звезда которого так ненадолго вспыхнула, а многозвучная поэма редкостной души его оборвалась так рано!

«Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут!» Пусть же для Вас и для миллионов людей, успевших полюбить его подвижническую музу и его самого как подвижника родной литературы, — остается утешение, что имя его, давшего так мало и вместе много — не умрет, а свет, оставленный его горящим сердцем, никогда не померкнет»¹.

В некрологе Союза советских писателей, опубликованном в газете «Правда» 2 апреля 1939 г., указывалось, что А. С. Макаренко «был автором одного из наиболее замечательных, вдохновенных литературных памятников нашего времени. Его «Педагогическая поэма» переведена на все главные языки мира и принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества. Великий Горький считал «Педагогическую поэму» одним из самых замечательных произведений в литературе. ...До конца своих дней он соединял художественную работу с педагогической, он был передовиком, поватором, подлинным революционером и в той и в другой области».

¹ Цит. по: Морозова Н. А. А. С. Макаренко. — С. 123.

«Весь его облик дорог нам,— писала «Литературная газета» 5 апреля.— Чуткий психолог, страстный проповедник, вдохновенный художник, борец за лучшие идеалы человечества, так остро ощущавший вкус жизни, он самым своим существованием обогатил нашу жизнь. Как писатель, он оставил нам драгоценный портрет изумительного человеческого коллектива: его колонии».

Проститься с А. С. Макаренко 2 апреля пришли в зал Союза советских писателей, где был установлен гроб с его телом, тысячи людей. Со всех концов страны съехались и его воспитанники — командиры Советской Армии, инженеры, врачи, аспиранты, педагоги, журналисты, курсанты военных училищ. Они несли почетный караул у гроба своего друга и учителя, сплотившись, как всегда, в дружный коллектив. Здесь же они провели заседание командиров и взяли на себя всю организацию похорон.

Из многочисленных речей у гроба Антона Семеновича наиболее сильное впечатление на всех участвующих в гражданской панихиде произвела речь его бывшего воспитанника А. М. Тубина *. Он говорил: «Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему было всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Ни разу в жизни Антон Семенович не похвалил меня; он всегда меня ругал. Даже в своей книге «Педагогическая поэма» он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал... Он требовал неукоснительного исполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел пайти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великим гуманистом. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым... Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза. Его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями. Среди них есть орденосцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окру-

* А. М. Тубин пал смертью храбрых в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

жено имя Коробова, вырастившего сынов — героев труда. Что же сказать об Антоне Семёновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев. Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца...»¹.

Рано, очень рано оборвалась жизнь Антона Семёновича Макаренко. Остались не реализованными многочисленные его замыслы и творческие планы: не написаны еще три части «Книги для родителей», не создана «Методика коммунистического воспитания», не завершена работа над киносценариями и не созданы по ним фильмы, не написаны планируемые художественные произведения, не осуществилась его мечта поработать в массовой общеобразовательной школе. Однако созданная им революционная по своей сути педагогика социалистического общества сделала имя его бессмертным. Его творческое наследие открыло новые горизонты для дальнейшего совершенствования и развития теории и практики коммунистического воспитания, для подлинного расцвета социалистической педагогики.

¹ Цит. по: Медынский Е. Н. Антон Семёнович Макаренко.— С. 52.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. С. МАКАРЕНКО

О СУЩНОСТИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Уже с первых дней социалистической революции формирование нового человека, с преобладанием коллективистских начал в его сознания и деятельности, стало одной из важных задач Коммунистической партии и Советского государства. Этим обуславливались и исходные принципиальные позиции новой, бурно развивающейся советской школы.

В начале 20-х годов на Украине, как и в других республиках, создается принципиально новая, построенная на началах социализма, система народного образования. Она базировалась на марксистско-ленинских идеях, изложенных в программе партии большевиков.

Первые советские декреты о школе и образовании разрабатывались при участии и под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина. Они ярко свидетельствуют о величии, подлинном демократизме и гуманизме идей Великой Октябрьской социалистической революции, об отеческой заботе Коммунистической партии о народном образовании.

Руководствуясь ленинскими наставлениями, А. С. Макаренко сформулировал принципиально важные, имеющие методологическое значение, положения о том, что «настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества» и строится в соответствии с требованиями нашей партии к человеку и коллективу¹.

Особую актуальность и значимость имело важнейшее принципиальное положение А. С. Макаренко о том, что «надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку»². Советская педагогика должна стоять на позициях активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

¹ Макаренко. — 1, 4. — С. 341.

² Там же. — С. 51.

А. С. Макаренко решительно выступал против традиционного взгляда, согласно которому педагогика базируется на изучении ребенка и отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Он полагал, что «наша советская педагогика должна отрываться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек»¹. Он был страстным сторонником активного воспитания. Руководствуясь принципом: «Человека пужно не лепить, а ковать»²,— считал, что в конкретных условиях воспитание реализуется при помощи такой цепи упражнений, цепи трудностей, «которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек»³.

Антон Семенович был убежден, что «нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество,— все равно в чем: — в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости. <...>

Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротравления, не метод умеренности и тишины, а *организация коллектива*, организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы...»⁴

А. С. Макаренко, как и Н. К. Крупская, весьма критически относился к традиционной педагогике, всегда ставившей на первый план вопросы дидактики, а воспитательные проблемы отодвигавшей на второй план. Он считал это принципиальной ошибкой, поскольку воспитание является более широким явлением, включающим в себя и само обучение. Он мечтал написать учебник педагогики завтрашнего дня по другой схеме: вначале о воспитании, потом об учителе и завершить его дидактикой. К сожалению, эта мечта не осуществилась.

А. С. Макаренко был сторонником специальной воспитательной дисциплины. Методика воспитательной работы, с его точки зрения,— это отдельная отрасль педагогики, которая «имеет свою логику, сравнительно независимую от логики

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 42.

² Там же.— Т. 4.— С. 23.

³ Там же.— Т. 7.— С. 33.

⁴ Там же.— Т. 4.— С. 319.

работы образовательной»¹. Разумеется, методика воспитания и методика образования органически связаны между собой. Любая работа в классе всегда является одновременно и воспитательной работой, однако сводить воспитательную работу только к образовательной нельзя.

Говоря о путях воспитания, Антон Семенович отмечал: «Конечно, на первом плане общая сумма правильных представлений, сумма правильных, марксистски освещенных знаний. Знания приходят из учебы и еще больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня»².

Цель воспитательной работы «вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни»³.

Разумеется, А. С. Макаренко никогда не игнорировал ни биологии, ни психологии. Он полагал, что отношение наших общественных целей коммунистического воспитания к целям и данным теории психологии и биологии подвержено постоянным изменениям. Больше того, изменение этого отношения может быть даже «в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе»³. Однако при этом Антон Семенович высказывал твердое убеждение в том, что «ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство»³.

Основными принципами, на которых должна строиться специальная воспитательная дисциплина, с точки зрения А. С. Макаренко, являются следующие: 1) уважение и требование; 2) искренность и открытость; 3) принципиальность; 4) забота и внимание, знание; 5) упражнение; 6) закалка; 7) труд; 8) коллектив; 9) семья; первое детство, количество любви и мера суровости; 10) детская радость, игра; 11) наказание и награда⁴.

Таким образом, создавая методику коммунистического воспитания, А. С. Макаренко исходил из того, что решающее значение имеют новые цели воспитания. Под целями же вос-

¹ Макаренко. — Т. 4. — С. 125.

² Там же. — С. 364—365.

³ Там же. — С. 126.

⁴ Там же. — С. 365.

питания он понимал не цели отдельных мероприятий, не общий идеал, а всю «программу человеческой личности, программу человеческого характера»¹, причем в понятие характера он вкладывал «все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания — решительно всю картину человеческой личности»¹.

Раскрывая «программу человеческой личности», А. С. Макаренко писал, что советский человек должен быть хорошо образованным, иметь высокую квалификацию, быть дисциплинированным, политически развитым и преданным партии и рабочему классу. У него должны быть сформированы чувство долга и понятие чести, умение подчиняться товарищу и приказывать ему, умение быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором, настойчивым и закаленным человеком, уметь владеть собой и влиять на других. Если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день².

К общим, типичным качествам советского человека Антоп Семенович относил и такие стороны личности, как «самочувствие человека в коллективе, характер его коллективных связей и реакций, его дисциплинированность, готовность к действию и торможению, способность такта и ориентировки, принципиальность и эмоциональное перспективное устремление»³.

Поскольку качества советского человека принципиально отличаются от качеств личности в буржуазном мире, постольку и воспитание наше должно быть принципиально отличным от буржуазного. Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление ее к борьбе за существование, а потому ей и прививают качества, необходимые в такой борьбе, — хитрость, жизненную дипломатию и умение отдельно бороться за самого себя. Коммунистическое же воспитание направлено на воспитание человека-коллективиста, у которого нет дисгармонии между личными и общественными целями, нет противопоставления личных и коллективных интересов.

¹ Макаренко. — Т. 4. — С. 129.

² См.: Там же. — С. 138.

³ Там же. — Т. 4. — С. 120.

Цель воспитания определяется потребностью формирования нового человека, советского гражданина, как активного, деятельного, осмыслительного, знающего коллективиста, способного к торможению и ориентировке, имеющего широкий взгляд и широкие ощущения.

Значительное внимание уделял А. С. Макаренко формированию у воспитанников чувства долга, понимаемого им «как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу», «своей принадлежности к классу»¹.

Самые большие неприятности, «главные драмы» являются результатом безответственности. Поэтому самым важным, определяющим качеством личности Антон Семенович считал чувство ответственности. Оно «воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса»².

Самым существенным и главным, с точки зрения А. С. Макаренко, является то, что «наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом»³. Он отмечал, что без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции.

Научно-теоретическое наследие, как и вся педагогическая деятельность А. С. Макаренко, проникнуто верой в безграничные духовные возможности личности, в том числе юной. Он был убежден в том, что «если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. <...>

Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях»⁴. Советская педагогика должна ориентироваться на положительные черты личности. Педагог утверждал и доказывал это своей практикой. «Видеть хорошее в человеке,— писал он,— всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже с некоторым риском ошибиться»⁵.

Животворным источником педагогического оптимизма А. С. Макаренко была, разумеется, не только его бесконечная

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 77.

² Там же.— Т. 4.— С. 240.

³ Там же.— С. 36.

⁴ Там же.— Т. 7.— С. 30.

⁵ Там же.— Т. 4.— С. 13.

вера в человека, вера в силу и могущество воспитательной работы. Этим источником были для него сама наша жизнь, вдохновенный пафос социалистического созидания, устремленность народа-творца в светлое коммунистическое будущее, окрыленность великими идеями партии Ленина.

Выдающийся педагог был глубоко убежден в том, что «талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благотворным влияниям общества, работы, культуры и знания»¹. Чрезвычайно важную роль здесь играет «свободный человеческий коллектив», его «дружеский локоть, великое творческое движение масс»¹.

В Советской стране родились новая мораль и новое право, «основанием для которых является победившая идея человеческой солидарности»². В социалистическом обществе «нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся»³. Идея солидарности охватывает здесь все области жизни. Именно поэтому в социалистическом обществе не должно быть «уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива... не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива»⁴. Воспитывая отдельную личность, мы всегда должны заботиться о воспитании всего коллектива, и, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив. Принципиальным является то, что «отношение общей и частной цели у нас не есть отношение противоположностей, а только отношение общего (значит, и моего) к частному, которое, оставаясь только моим, будет итти в общее в особом порядке»⁴.

А. С. Макаренко убедительно доказал, что в «коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив»⁵, а потому главные усилия следует сосредоточить на создании и сохранение коллектива, на создание тона и традиций в его жизни и деятельности.

Принципиально важным является то, что «детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 51.

² Там же.— Т. 5.— С. 234.

³ Там же.— С. 235.

⁴ Там же.— Т. 4.— С. 47.

⁵ Там же.— Т. 1.— С. 261.

к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив (в источнике разрядка.— Н. Я.).

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш» будущих личностей»¹.

Вся деятельность А. С. Макаренко, ее высокие воспитательные показатели убедительно доказывают, что «правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него — от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать свои интересы и в первую очередь дорожить этими интересами»².

Анализируя проблемы советского школьного воспитания, А. С. Макаренко высказывал глубокое убеждение в том, что «нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом»³. Наличие единого школьного коллектива — решающее условие в коммунистическом воспитании школьников. Правильное воспитание невозможно «без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо»⁴. «Если в школе есть коллектив таких педагогов, для которых успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет постоянная воспитательная работа»⁵.

А. С. Макаренко высоко ценил педагогический труд в нашей стране. Он указывал, что «наше учительство стоит перед самой почетной и самой трудной задачей: на него возлагаются надежды всей страны, это мы должны готовить людей для коммунистического общества, это на наших плечах должен подняться новый человек и поднять перед всем миром совершенное коммунистическое общество — в творчестве новой культуры нам принадлежит самое почетное и самое видное место»⁶.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 140.

² Там же.— Т. 4.— С. 132.

³ Там же.— С. 204.

⁴ Там же.— С. 135.

⁵ Там же.— С. 294.

⁶ Там же.— С. 316.

Поставив перед собой задачу воспитания нового человека, А. С. Макаренко направлял все усилия на то, чтобы каждый воспитанник стал активным деятелем общества. Он акцентировал внимание на четкой направленности советского воспитания, на необходимости «воспитывать коллективиста, воспитывать человека новой эпохи»¹.

Коммунистическое воспитание немыслимо без воспитания чувства долга, полагал он. А поскольку последнее часто противоречит интересу ребенка, особенно так, как он его понимает, то строить все воспитание только на интересе нельзя. «Я требовал,— писал он,— воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу, и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива»².

А. С. Макаренко подчеркивал, что идеалистические пережитки в педагогике связаны с чуждым нам культом индивидуализма. Выдающийся педагог считал, что «все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности»³. Личная жадность во всех ее проявлениях — одно из самых отвратительных и реакционных свойств. В условиях социализма она очень легко «совпадает с тенденцией контрреволюционной... человек, видящий только себя и свое я, требовательное и ненасытное,— это тормоз нашему революционному движению, действиям и деятельности»⁴.

Начинается же личная жадность там, где потребность одного человека сталкивается с потребностью другого, где радость или удовольствие нужно отобрать у соседа силой, хитростью или воровством. Иждивенчество, рвачество, обман, безответственность и многие другие отрицательные качества такого типа — прямое порождение личной жадности. Одним из самых темных закоулков личной жадности является равнодушие, которое, как правило, выступает в едином комплексе с культом собственной личности, зарождающимся нередко на самых ранних этапах детского развития. Слепая, беспринципная, зоологическая родительская любовь к своим детям, особенно в однодетных семьях, очень быстро формирует уже у малевьких детей глубоко антисоциальную «умную» философию необузданного эгоизма, искорепить которую в более зрелом возрасте чрезвычайно трудно. В таких случаях приходится ломать уже сложившийся динамический стереотип,

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 22.

² Там же.— Т. 3.— С. 89.

³ Там же.— Т. 5.— С. 233.

⁴ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т.— Т. 3.— С. 503.

что, как указывал И. П. Павлов, всегда является весьма сложным, а иногда и чрезвычайно трудным процессом. Таким образом, жадность является одним из вреднейших пережитков капитализма.

К совершенно чуждым социалистическому обществу относил А. С. Макаренко также избалованность и изнеженность, называя их весьма тяжелыми и вредными пережитками старого мира, одним из его смертных грехов. «Изнеженность и избалованность наших детей такая же опасность, как и шкурничество, воровство, ложь. Это враждебные нам качества»¹.

А. С. Макаренко полагал, что у детей самого раннего возраста необходимо воспитывать классовую ненависть, физическое отвращение к мещанству, что этому необходимо учить так, как учат арифметике.

Существенно важно научить детей правильно относиться к своим товарищам и к людям вообще. Основным лейтмотивом этих отношений должны быть чуткость, внимательность, доброжелательность, уважение к интересам других, не только близких, но и совершенно неизвестных людей.

Одновременно Антон Семенович решительно выступал против различных проектов «идеалистического альтруизма, какой-то мифической «доброты» и нестяжания», которые в буржуазном обществе являются школой «утонченного ханжества»². О добре в буржуазном обществе написано много литературы, которой прикрывается подлинная хищническая эксплуататорская сущность капитализма; к «добру» веками призывали с амвонов священники, и все же оно не смогло стать привычной для людей будничной вещью, а было лишь препятствием и для хорошей работы, и для хорошего настроения. «Там, где добро осеняло мир своими мягкими крыльями, потухали улыбки, умирала энергия, останавливалась борьба, и у всех начинало сосать под ложечкой, а лица принимали скучно-кислое выражение. В мире наступал беспорядок»³. Идея христианской морали, «скучная, серенькая, бездеятельная, прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества оказались весьма живучими и в литературе, и в работе некоторых педагогов⁴.

А. С. Макаренко считал, что «рецептура доброго сердца» в большинстве случаев приводит к ханжеству, а потому,

¹ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. — К.: Рад. шк., 1985. — Т. 3. — С. 478.

² Макаренко. — Т. 5. — С. 55.

³ Там же. — С. 58.

⁴ Там же. — Т. 7. — С. 158.

осуществляя коммунистическое воспитание десятков миллионов наших детей, мы не можем «строить свои планы в расчете на добрые сердца». К педагогическому делу мы имеем право подходить как к производству, а на воспитателя смотреть «как на рабочего, которому вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же усиленная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость»¹. Нельзя делать главную ставку на педагогические таланты, нельзя не замечать того, что учителя и воспитатели — это преимущественно обычные советские люди, люди реального делового мышления, которые, приспособляясь к процессу производства, к его реальным условиям, стают на путь производственных поисков, стремятся осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно позволяла бы им хорошо выполнять свои функции и не требовала бы от них ненужного нечеловеческого напряжения. Для такого учителя и воспитателя нужна реальная педагогическая теория, а не «наука» с горящими глазами и растрепанной шевелюрой, призывающая к чудесам¹.

Антон Семенович усматривал большое сходство «между процессами воспитания и обычными процессами в материальном производстве», а потому считал необходимым ввести отдел контроля, «который мог бы сказать разным педагогическим портачам: — У вас, голубчики, девяносто процентов брака. У вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебока и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалованья»².

Решающее значение он придавал педагогической (методической) технике, какой можно и нужно овладеть в период обучения в педагогическом вузе. С его точки зрения, обучить человека воспитанию можно в такой же степени, как и научить его чему-либо другому. Дело здесь заключается не в таланте, а в педагогическом мастерстве, в знаниях, умениях и навыках, которыми может овладеть любой нормальный человек. «Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет»³. Всему этому сравнительно легко может

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 88.

² Там же. — Т. 3. — С. 391.

³ Там же. — Т. 4. — С. 172.

научиться каждый человек, если он относится к делу с чувством ответственности. Принципиально важно, чтобы воспитатель был «активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу»¹.

С целью коренного улучшения работы по воспитанию беспризорных детей А. С. Макаренко предлагал «принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не пужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно»².

Одним из наиболее существенных педагогических недостатков Антон Семенович считал убеждение в том, что дети являются только объектом воспитания. «Нет,— писал он,— дети — это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности»³.

Опираясь на личный опыт работы с беспризорными и правонарушителями, на глубокие знания их природы и особенностей, А. С. Макаренко убедительно показал беспочвенность «романтических сплетен» о них. «Никакой специальной уличной идеологии у них не было,— писал он,— а уходили они в надежде попасть в лучшую колонию или детский дом. Они обивали пороги спонсов и соцвосов, помдетов и комиссий, но больше всего любили такие места, где была надежда приобщиться к нашему строительству, минуя благодать педагогического воздействия. Последнее им не часто удавалось. Настойчивая и самоуверенная педагогическая братия не так легко выпускала из своих рук принадлежащие ей жертвы и вообще не представляла себе человеческую жизнь без предварительной соцвосовской обработки»⁴.

Антон Семенович решительно выступал против распространенного в начале 20-х годов взгляда на правонарушителей как на «морально дефективных детей», называя это вымыслом неудовлетворенных романтиков. Он полагал, что нужно говорить о дефективных методах, а не о дефективных детях, что в случаях детского хулиганства виновны не дети, а неправильные педагогические методы. Правонарушители — это дети, нуждающиеся прежде всего в помощи. Активная

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 172.

² Там же.— Т. 1.— С. 208.

³ Там же.— Т. 6.— С. 100.

⁴ Там же.— Т. 3.— С. 329.

и целенаправленная педагогика очень быстро превращает их в совершенно нормальных членов детского коллектива.

Говоря об организации воспитания трудного детства, А. С. Макаренко был склонен «отрицать самое понятие дефективности в среде личности» и считал необходимым «остановиться на дефективном отношении между личностью и обществом»¹. Задача воспитания, по его мнению, состоит в восстановлении нормальных отношений между личностью и обществом, в возбуждении новой системы мотивации.

В условиях советской действительности исчезли основные социальные причины детской беспризорности и правонарушений. В 1934 г. А. С. Макаренко писал, что «наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью»². Кстати, аналогичной точки зрения придерживался и А. М. Горький, полагавший, что дети становятся беспризорными потому, что «отцам-матерям некогда заниматься детьми, детям не о чем говорить с родителями»³. Таким образом, и А. С. Макаренко и А. М. Горький причины беспризорности и детских правонарушений усматривали главным образом в недостатках воспитательной системы.

Значительный теоретический и практический интерес представляет учение А. С. Макаренко об эволюционном и взрывном путях решения сложных педагогических ситуаций. Он полагал, что основным объектом педагогической работы являются отношения между личностью и обществом. Детские правонарушения, «дефективность сознания» — это ненормальность социальных явлений, социальных отношений, это «прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества»⁴.

Конфликтные столкновения личности и общества не могут быть устранены только эволюционным путем. Антон Семенович полагал, что «выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношения совершенно невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения»⁵. Но если отношение в самом начале уже испорчено, то всегда есть опасность, что эволюционировать и развиваться будет именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, то есть чем более активной

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 53.

² Там же.— С. 205.

³ Цит. по: Там же.— С. 266.

⁴ Там же.— Т. 3.— С. 457—458.

⁵ Там же.— С. 458.

стороной она является в общей картине конфликта. Вот почему «единственным методом является в таком случае не оберегать это дефективное отношение, не позволять ему расти, а уничтожить его, взорвать»¹. Взрыв — это «доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тягбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него»¹.

Этот «последний предел», «крайний конфликт» может выражаться в самых разнообразных формах (решение коллектива, коллективный гнев, осуждение, бойкот, отращение). Важно, чтобы «они создавали впечатление крайнего сопротивления общества», чтобы они «сопровождались проявлениями общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами»¹.

В каждом коллективе таких столкновений разных степеней конфликтности всегда бывает очень много. Если бы мы стали на путь разбирательства и изучения каждого из них и доведения их до взрывов, то «вся жизнь коллектива превратилась бы в сплошную трескотню, нервную горячку, и толку от этого было бы очень мало»¹. Но этого и не нужно. А. С. Макаренко всегда выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самое его основание, коллективный протест становился такой мощной, такой все сметающей лавиной, что остаться в стороне от нее не мог ни один человек. Обрушиваясь на голову одного лица, эта лавина захватывала очень многие компоненты других ненормальных отношений. Эти компоненты в порядке детонации переживали одновременно собственные местные взрывы, гнев коллектива бил и по ним, представляя их взору тот же образ полного разрыва с обществом, угрозу обособления, и перед ними ставил тот же «категорический императив». «Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решить, они не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз копаться в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они, наконец, действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успеют обломки их взлететь на воздух, как на их место уже становятся новые образы, представления о могучей пра-

¹ Макаренко. — Т. 3. — С. 458.

воте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в коллективе, в его движении, первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы»¹.

А. С. Макаренко указывал, что взрывной маневр — вещь очень болезненная и педагогически трудная, но отказываться от него нельзя. Позицию противников взрывного маневра он сравнивал с позицией врача, отказывающегося от операции язвы желудка в надежде на эволюцию болезни, логическим завершением которой является смерть.

Много внимания уделял Антон Семенович проблеме дисциплины, которая всегда была преимущественно формой угнетения и вызывала сопротивление, протест со стороны детского коллектива. Он рассматривал дисциплину не как причину, не как метод, не как средство правильного воспитания, а как результат его. Средством же воспитания, по его мнению, является правильный режим, характеризующийся целесообразностью, точностью, всеобщностью и определенностью.

«Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое»², — считал А. С. Макаренко. Она всегда должна быть сознательной. Являясь свободой отдельной личности социалистического общества, дисциплина проявляется в том, что «человек делает и неприятное для себя с удовольствием»³. Такая дисциплина «украшает коллектив».

Часто в школьной практике говорят о дисциплине «воздержания» (этого не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не оскорбляй учителя и т. д.). А. С. Макаренко считал, что такая дисциплина «воздержания или торможения» — наихудший вид нравственного воспитания. Дисциплина в советском детском коллективе «должна иметь единственный характер — стремление вперед. Это дисциплина победы, дисциплина преодоления»⁴; «дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то»⁵. Гордиться можно только дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание.

Принципиально по-иному подошел А. С. Макаренко и к вопросу о наказаниях. Если представители теории «свободного воспитания» отрицали воспитательное значение наказания, полагая, что «наказание воспитывает раба», то он счи-

¹ Макаренко. — Т. 3. — С. 458—459.

² Там же. — Т. 4. — С. 140.

³ Там же. — С. 149.

⁴ Там же. — С. 273.

⁵ Там же. — С. 348.

тал наказание таким же естественным, простым и логически целесообразным средством, как и другие воспитательные средства. Более того, «наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо»¹.

Руководствуясь принципом «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему»², А. С. Макаренко применял такие наказания, в которых одновременно выражал и уважение к человеку и требования к нему.

Выдающийся педагог был убежден в том, что «когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека»³. Коллектив должен знать, что в наказании также проявляется уважение. «Путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива»⁴ — таков основной путь развития детского коллектива, считал А. С. Макаренко.

А. С. Макаренко решительно выступал против инстинкта силы, нередко проявляющегося среди подростков и юношей. Воспитывать такой инстинкт, являющийся по существу воспитанием пренебрежения к интересам другого человека, презрением к интересам коллектива, воспитанием «хитрого, хорошо вооруженного эгоиста», жадного, сильного животного, разумеется, мы не можем. Однако это не значит, что мы должны воспитывать слюнтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются. Христианское воспитание тоже не в нашем духе. Мы должны воспитывать борцов, а не слюнтяев. Цель коммунистического воспитания А. С. Макаренко формулировал следующим образом: «воспитать борца-коллективиста», человека, способного на героизм»⁵.

А. С. Макаренко писал, что в целом советская молодежь не только мечтает, но и способна на героизм. И если бы неожиданно пришлось нашим детям проявить свою любовь к Родине, пожертвовать ради нее своей жизнью, они бы сделали это. Вера педагога в юное поколение подтвердилась массовым проявлением героизма советской молодежи в годы Великой Отечественной войны.

Однако хуже обстоит дело, когда требуется не героический взрыв, не героический неожиданный подвиг, а длитель-

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 157.

² Там же.— С. 150.

³ Там же.— С. 232.

⁴ Там же.— С. 153.

⁵ Там же.— С. 271.

ная настойчивая работа, являющаяся нередко тяжелой, неинтересной, грязной и даже причиняющая неприятные ощущения. К такой работе характер у части нашей молодежи оказывается недостаточно воспитанным.

Как же воспитать такие положительные качества личности? Разумеется, здесь могут быть полезными и встречи с героями трудовой и боевой славы, и содержательные беседы и лекции, и чтение художественной литературы и периодической печати, и широкое использование радио и телевидения, но все же главную роль играют здесь правильная организация коллектива, дисциплина, порядок, организация ежедневного быта.

Каждый воспитательный шаг у нас, полагал А. С. Макаренко, должен быть насыщен политическим воспитанием, и если это не так, то такое воспитание никуда не годится. «Политическое воспитание — это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне говорят, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит...»¹.

А. С. Макаренко четко различал политическое просвещение и политическое воспитание. Он считал, что педагоги, ограничивающие свою деятельность только вопросами политического просвещения, совершают большую ошибку, поскольку «знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным»². Подтверждением тому являются не единичные случаи, когда учащийся хорошо знает школьную программу, систематически читает газеты, может делать доклады и высказываться в своих докладах очень приятно, а своим поведением, своим отношением к коллективу школы и всего государства проявляет по существу аполитичное, несоветское лицо.

Воспитание человеческой личности соответствовало методологическим установкам Коммунистической партии и Советского правительства. Нарком просвещения первого Советского правительства, один из ближайших соратников В. И. Ленина А. В. Луначарский, выступая на III съезде РКСМ (1920 г.), говорил: «Воспитание не является одним обучением. Можно иметь определенное миросозерцание, определенное гражданское сознание, определенное техническое умение и в то же самое время быть очень дурно воспитанным человеком с социалистической точки зрения. Ибо человек не только

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 133.

² Там же. — Т. 4. — С. 269.

состоит из одного ума, который можно определенным образом наполнить знаниями, но даже при самых прекрасных сведениях и при самом лучшем образовании в смысле обучения человек может тем не менее в смысле своих чувств и своей воли быть чрезвычайно отсталым. Педагогика нас учит с совершенной определенностью, что человеком руководят в конце концов не знания, а чувства»¹.

Политическое воспитание состоит в организации постоянных связей между учебно-воспитательным заведением и окружающим миром. Эти связи, по мнению А. С. Макаренко, могут устанавливаться двумя путями: связь с политическими организациями и деловая (коммерчески-производственная) связь с производственными, потребительскими и распределяющими организациями.

Человеком с настоящим большевистским характером он считал только такого, который живет интересами коллектива и к тому же еще и политически грамотный. «Без такой закалки, без воспитания чувства преданности коллективу и простого понимания внутриколлективных отношений политическое воспитание невозможно»².

Таким образом, А. С. Макаренко дал глубокое теоретическое обоснование советской системы воспитания. Он последовательно реализовал основополагающие марксистско-ленинские установки по вопросам коммунистического воспитания в реальном педагогическом процессе и убедительно доказал их жизненность и прогрессивность.

Как справедливо отмечал народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Н. В. Петров, хорошо знавший педагога и систему воспитания в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко «свою педагогическую систему выработал и написал не в тиши уютного кабинета, он ее не умозрительно выдумал, — а она родилась в недрах бурной и страстной практической деятельности, в борьбе и схватке человеческих личностей, в сложнейших процессах созидания и воспитания коллектива. [Он] ...обладал потрясающим свойством — видеть в человеке, главным образом, то положительное, что бывает не столь очевидно, как человеческие безобразия... и, активизируя это положительное, им же и убивать отрицательное»³.

Особую актуальность и значимость теоретическое наследие А. С. Макаренко приобретает в современных условиях,

¹ Луначарский А. В. О коммунистическом воспитании. — К. Раб. шк., 1977. — С. 37.

² Макаренко. — Т. 4. — С. 277.

³ См.: Известия АПН РСФСР. — 1952. — Вып. 38. — С. 141.

когда в стране, в соответствии с решениями XXVII съезда партии и XIX Всесоюзной конференции КПСС, осуществляются широкая демократизация общества и оздоровление нравственной атмосферы, реализуется реформа общеобразовательной и профессиональной школы.

О КОЛЛЕКТИВЕ КАК ВАЖНЕЙШЕМ УСЛОВИИ И СРЕДСТВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Классики марксизма считали, что социалистическое общество основано «на началах коллективизма, на общем владении средствами производства»¹. В социалистическом обществе коллектив является одним из наиболее необходимых условий всестороннего и гармонического развития каждого его члена. «Только в коллективе,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»².

Эти принципиально важные положения марксизма закреплены и получили дальнейшее развитие в директивных документах Коммунистической партии и Советского правительства. Принцип коллективности является ведущим принципом в их деятельности. Решая задачи ускорения социально-экономического развития страны, партия в политической области предусматривает развертывание социалистического самоуправления народа путем все более полного вовлечения граждан в управление государственными и общественными делами³.

Уже в первые послереволюционные годы проблема коллектива стала предметом разностороннего научного изучения. Ее в той или иной степени касались А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий, В. М. Бехтерев, А. С. Залужный, М. М. Пистрак и другие. Проблемы коллективистского воспитания были широко отражены и в первых документах Советской власти, определявших сущность социалистической системы народного образования и коммунисти-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 18.

² Там же.— Т. 3.— С. 75.

³ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986.— С. 140.

ческого воспитания («Положение о единой трудовой школе РСФСР», «Основные принципы единой трудовой школы», «Декларация о социальном воспитании Наркомпроса УССР», «Кодекс законов о народном просвещении УССР» и др.).

Большая заслуга в разработке теории коллектива принадлежит Н. К. Крупской. Она глубоко обосновала принципиально важное для социалистической педагогики положение о том, что «лишь в коллективе личность ребенка может наиболее полно и всесторонне развиваться. Коллектив не поглощает личности ребенка, но влияет на качество воспитания, на его содержание»¹. Разумеется, не всякую группу людей, выполняющих какое-то конкретное дело, можно назвать коллективом. Нельзя ставить знак равенства между простым скоплением детей (в школе, в классе, в интернате и т. п.) и коллективом. Коллектив предусматривает хорошо налаженную организацию. «Коллектив,— писала Надежда Константиновна,— есть группа, сплоченная общими переживаниями, общими интересами, общей работой, общими взглядами, дружбой»².

Н. К. Крупская полагала, что в советской школе чрезвычайно большую роль играют вопросы самоуправления, что «вопросы самоуправления столь же важны, как и вопросы содержания преподавания»³. Самоуправление в школе, по ее мнению, должно строиться по образцу Советской власти, на принципах демократического централизма. Она решительно выступала против «административно-дисциплинарного уклона» самоуправления, против того, чтобы использовать его для своеобразных милицейских функций в помощь учителю и руководству школы. Самоуправление должно направляться на развитие коллективистских начал в жизни и деятельности молодежи, на воспитание в ней чувства высокой ответственности за порученное дело и за состояние дел всего коллектива, то есть на воспитание коммунистической нравственности.

Самоуправление выполняет исполнительские функции. Оно не совместимо с формально бюрократическим подходом к делу. Говоря о явных извращениях в этом вопросе, Н. К. Крупская отмечала, что «формализм заедает ученическое самоуправление. На самоуправление возлагается очень много непосильных и чисто формальных обязанностей... Живой работы в школе мало». Она настаивала на том, чтобы

¹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 6-ти т.— М.: Педагогика, 1978—1980.— Т. 3.— С. 153.

² Там же.— С. 403.

³ Там же.— С. 312.

«разгрузить органы самоуправления от милицейских функций», «изгнать из них ненужную формалистику»¹.

Наиболее последовательно реализовал установки на коллективное воспитание, обеспечил их дальнейшее развитие и конкретизацию, разработал соответствующую систему работы А. С. Макаренко. Великое учение марксизма-ленинизма в области коммунистического воспитания он переложил на язык конкретного педагогического дела, определил и тщательно проверил основные педагогические закономерности, разработал систему форм, методов, способов и приемов, направленных на формирование у подрастающего поколения коммунистического мировоззрения и нравственности.

Значительный научный интерес представляет лекция А. С. Макаренко о коллективе и личности, с которой он выступил 9 августа 1923 г. перед работниками детской колонии им. В. И. Ленина в с. Писаревщина Полтавской губернии. В архиве сохранились записи лекции слушателем, в которых достаточно хорошо представлены ведущие вехи макаренковской теории коллектива.

Ликвидировав частную собственность на средства производства, Октябрьская революция акцентировала внимание на коллективистские начала во всей жизнедеятельности человека. Отсюда А. С. Макаренко делает вывод о том, что «человек и коллектив — это центральные вопросы пролетарской революционной педагогики», что моральный и умственный рост человека возможен только в коллективе, являющемся его жизненной средой². Именно это положение упускали из виду старые педагоги (Кей, Толстой, Шаррельман и др.).

А. С. Макаренко исходил из того, что не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивиды стояли на месте и наоборот. Между индивидуумом и коллективом существует прямое взаимодействие. Именно поэтому воспитатель должен находиться в среде коллектива и руководить его движением, сливая свои силы с силами коллектива.

Принципиально важным признаком коллектива является его трудовая, деятельностная основа. Поэтому дети, поступившие в распределитель*, не являются в полном смысле коллективом, как не являются коллективом и пассажиры,

¹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения.— Т. 3.— С. 319.

² Цит. по: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко.— С. 27.

* Речь идет о детприемнике-распределителе, куда в 20-е годы поступали дети для их обследования и решения вопроса о направлении в соответствующие типы детских учреждений.

ожидающие поезд, хотя они могут организоваться во временный коллектив, например, в какой-то ситуации у них возникает деятельность: они требуют, просят, посылают делегацию.

В том же 1923 г. (точная дата не установлена) А. С. Макаренко выступал с докладом и на кустовом собрании учителей в с. Зенцы, под Полтавой. Наряду с вопросами трудового воспитания он также излагал основные вопросы концепции коллективного воспитания.

Несомненный теоретический и практический интерес представляет мысль А. С. Макаренко о том, что в здоровом, хорошо организованном детдоме, с крепкой дисциплиной совершенно не страшен, а иногда даже и желателен незарегистрированный педагогами коллектив. Вообще же опираться на теорию деления коллектива на «организованный» и «самовозникший» ему представлялось «несколько преждевременным и опасным»¹.

Учение А. С. Макаренко о коллективе является выдающимся вкладом в педагогическую науку. Здесь для него не было никаких компромиссов. Он категорически осуждал попытки подводить под понятие коллектива любые ячейки с положительным социальным статусом и настойчиво доказывал, что «только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо коллективом», что «коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения»².

Коллектив учителей и учащихся, указывал А. С. Макаренко, — это не два коллектива, а один, и к тому же коллектив педагогический. Воспитание такого единого коллектива, полагал он, — «единственный путь правильного воспитания»³. Только создав единый школьный коллектив, можно пробудить в детском сознании могучую силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Причины многих провалов школьного воспитания Антон Семенович усматривал в отсутствии школьного коллектива. Одновременно он высказывал твердую уверенность в том, что «в школе можно создать единый коллектив»⁴.

Серьезным недостатком воспитательной системы в школе он считал то, что класс в ней «не играет роли первичного коллектива, т. е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а часто является и последним коллекти-

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 117.

² Там же.— С. 176.

³ Там же.— Т. 4.— С. 234.

⁴ Там же.— С. 295.

вом»¹. Первичный коллектив объективно имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, замкнуться в своих интересах. При таких условиях он теряет свою ценность как первичный коллектив, поглощая интересы общего коллектива, а это делает переход к интересам общего коллектива весьма трудным.

Принципиально важным, с точки зрения А. С. Макаренко, является то, что первичный коллектив, во-первых, не должен оттеснять общий коллектив и подменять его, и, во-вторых, должен быть основным звеном, связующим общий коллектив с отдельной личностью. В практике А. С. Макаренко таким первичным коллективом был разновозрастный отряд.

Организация коллектива, по мнению А. С. Макаренко, должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе, который уже не может делиться на более мелкие коллективы. Во главе первичного коллектива непременно должен быть единоначальник, являющийся в то же время и уполномоченным от своего коллектива в общеколлективном органе. Разновозрастный характер первичного коллектива, напоминающий семью, наиболее выгодный в воспитательном отношении. В нем «создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений»².

Организация первичных коллективов в форме разновозрастных отрядов «создает более тесное взаимодействие возрастов и является единственным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений»³. В таких условиях младшие дети получают разнообразную информацию, усваивают навыки правильного поведения, рабочую сноровку, приучаются уважать старших и их авторитет. У старших же детей забота о младших и ответственность за них воспитывают такие необходимые для советского гражданина черты, как уважение к человеку, великодушные и требовательность, качества будущего семьянина и т. д.

Самую важную организационно-исполнительскую роль в деятельности макаренковского коллектива играл совет командиров, состав которого систематически менялся. Совет представлял всю колонию или коммуну, а не одно какое-то ее подразделение. В своих решениях он всегда исходил с позиций общеколлективных интересов, не допуская никаких случаев цеховщины и цехового рвачества. Благодаря этому

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 161.

² Там же.— С. 254.

³ Там же.— Т. 1.— С. 268.

удавалось избежать какого-либо раскола коллектива, вражды, неудовлетворенности, зависти и сплетен.

Совет командиров не имел никаких признаков бюрократического органа. Он не составлял даже планов своей работы. Это был орган управления, работающий над задачами и темами, возникающими ежедневно.

Исключительное значение в коммуне имел комитет комсомола. Не подменяя многочисленных рабочих органов коллектива, он выполнял в нем руководящие и направляющие функции, был фактически самым важным политическим органом.

Основным центром воспитания являлся кабинет директора, где проводились все важнейшие организационные мероприятия коммуны и куда имел право в любое время зайти, сесть на свободный стул и слушать все, выпавшее на его долю, любой коммунар. Главная забота директора — руководство органами школьного самоуправления.

А. С. Макаренко придавал огромное значение в воспитательной работе общему собранию воспитанников как наивысшему органу коллектива. Он говорил, что если бы ему пришлось работать в массовой школе, то он начал бы не с формы и не с создания традиций, а «с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года»¹. Он верил в то, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение. В слове руководителя воспитанники должны ощущать его волю, культуру, личность.

Собрания коллектива, по мнению А. С. Макаренко, «должны быть всегда строго деловыми и не отнимать у воспитанников много времени»². В макаренковских коллективах был установлен такой порядок, что выступающий на собрании имел право говорить не более одной минуты, без каких-либо лишних слов. Одновременно никогда на собрании не допускали прекращения прений или сокращения списка ораторов. Общее собрание вовлекало всех воспитанников в активную общественную жизнь, способствовало воспитанию у каждого из них активной жизненной позиции.

Много внимания уделял А. С. Макаренко воспитанию ученического актива, считая его «тем здоровым и необходимым в воспитательном детском учреждении резервом, кото-

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 241.

² Там же.— Т. 1.— С. 272.

рый обеспечивает преемственность поколений в коллективе, сохраняет стиль, тон и традиции коллектива»¹.

Вопросы стиля и тона детского коллектива, как правило, игнорировались педагогической теорией, а между тем, по мнению Антона Семеновича, «это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания»². Стиль создается очень медленно. Он не возможен без накопления традиций, то есть положений и привычек, воспринимаемых уже не чистой совестью, но сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени. Неудачи многих воспитательных заведений именно и объясняются отсутствием стиля в их работе, отсутствием привычек и традиций в жизни коллектива.

«Общий тон» воспитывается в детском учреждении всем укладом его жизни и деятельности. Много зависит здесь и от поведения и тона педагогического, руководящего и обслуживающего персонала. Основными качествами нормального общего тона являются: достоинство, единство коллектива, идея защищенности, активность, привычка торможения. Характерным признаком нормального общего тона является мажорность, имеющая вид постоянной бодрости, готовности к действию, к спокойному, энергичному и одновременно экономному движению. Разумеется, мажорность несовместима с приподнятой постоянной бурливостью, истерической напряженностью, «которая всегда неприятно бьет в глаза и которая грозит при первой неудаче сорваться и перейти в разочарование»³.

Одним из важнейших принципов педагогической техники А. С. Макаренко был принцип параллельного педагогического действия. Он считал, что влияние отдельной личности на отдельную личность («парная педагогика») является фактором узким и ограниченным. «Парная педагогика» слишком преувеличивает влияние педагога на учащегося, практически сводит все воспитание к назидательным, «душераздирающим» сентенциям. Эта педагогика фактически сводит сложный процесс воспитания к разнообразным моральным поучениям и наставлениям, к засилью сугубо вербальных, формально бюрократических методов и приемов. Она неминуемо порождает неискренность, лживость и двуличность. «Парная педагогика» — это педагогика обывательско-мещанского типа. Разумеется, она абсолютно не соответствует требованиям социалистического общества.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 283.

² Там же.— Т. 3.— С. 389.

³ Там же.— Т. 1.— С. 316.

На основе личного опыта Антон Семенович приходит к выводу, что коммунистическое воспитание требует совершенно иной логики, в которой центральное место занимает не отдельная личность, какая бы сильная и влиятельная она ни была, но коллектив. Педагог воздействует на личность через коллектив, на который должно направляться организованное педагогическое влияние. Такая педагогическая логика создает совершенно иные отношения между воспитателем и воспитанником, опосредованные коллективом. Она и была названа педагогикой параллельного действия.

Представители наробраза, инспектирующие колонию им. М. Горького, часто упрекали А. С. Макаренко за то, что он якобы игнорирует какую-то отдельную воспитательную работу. В своих заключениях они указывали, что «воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется»¹. Такое заключение вначале очень смущало А. С. Макаренко. Он думал, а вдруг ударился в ложную сторону. Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, то есть без конца и устали толковать каждому воспитаннику, как нужно поступать. Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься. Его смущение поддерживалось и постоянными неудачами и срывами в колонии им. М. Горького. Это заставляло его еще и еще раз все тщательно взвешивать и продумывать, вести пристальные наблюдения и анализ. В результате был сделан вывод, что жизнь колонии вначале представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере развития колонии и роста коллектива колонистов рождались и росли новые общественно-производственные мотивации («постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни»¹), а, с другой стороны, в связи с приемом новых людей, «иногда чрезвычайно гнилых», приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось, колонистов. Эти пагубные влияния иногда захватывали целую группу колонистов. Антон Семенович, имея много терпения и оптимистическую перспективу, и в этом случае продолжал верить в успех найденной схемы. Он решительно выступал против распространенной практики, когда «на проступок отдельной личности

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 456.

набрасывались как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика»¹.

Найти деловую, настоящую советскую линию было очень трудно. Новая мотивационная природа коллектива горьковцев создавалась очень медленно, а в это время его разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной — поработали старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания, а с другой — поедом ели проповеди свободного воспитания, полного непротивления и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представлявшие припадки крайнего индивидуализма.

Исходя из этого, А. С. Макаренко сформулировал принципиально важное положение советской педагогики о том, что «дисциплинирование отдельной личности и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна»¹. Выдающийся педагог руководствовался тем, что нормы поведения советских людей определяются не биологией, логикой и абстрактной этикой, но «нашей классовой потребностью и нашей борьбой». Именно потому педагогика и является наиболее диалектической наукой.

Создание нужного нам типа поведения, по его мнению, это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно, а «гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны»¹.

А. С. Макаренко не раз утверждал, что интересы коллектива должны стоять выше интересов личности, что «предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца — и в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности»². Правда, этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспо-

¹ Макаренко. — Т. 3. — С. 457.

² Там же. — Т. 4. — С. 147.

падают только в логике, иначе говоря, «нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении»¹. Коллектив защищает каждую личность и обеспечивает для нее самые благоприятные условия развития.

Требования коллектива являются воспитательными, главным образом, по отношению к принимающим участие в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, однако субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

А. С. Макаренко писал, что коллектив является не только объектом, но и субъектом воспитания именно в форме коллективного реагирования, ибо в этой форме он приобретает опыт активной защиты своих интересов. В коллективном воспитании оттачиваются скрепляющие детали для очень важного человеческого атрибута: чувства ответственности, без которого не может быть коммунистического человека. Следовательно, «коллектив является воспитателем личности»².

Важным элементом макаренковской воспитательной технологии была система перспективных линий. Выдающийся педагог считал, что «человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы»³. Вначале надо организовать саму радость, вызвать ее к жизни, сделать ее реальностью, а затем настойчиво превращать простейшие виды радости в более сложные и значимые. Иначе говоря, здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-то прыжком к наиболее глубокому чувству долга. Отсюда логически вытекает вывод, что «воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость»³. Воспитательная работа состоит в своевременном использовании уже имеющихся перспектив и в постепенной замене их более ценными и практически значимыми. Принципиально важной является организация новых перспектив. В центре внимания должны быть перспективы целого коллектива, доведенные к перспективам всего Союза, которые наполняют пульс индивидуальных перспектив, делают их реальными и жизненными. Главное внимание

¹ Макаренко. — Т. 4. — С. 147.

² Там же. — Т. 1. — С. 139.

³ Там же. — Т. 3. — С. 397.

следует направлять на воспитание коллективных, а не только личных линий устремлений.

Антон Семенович всегда исходил из того, что в человеке советского типа «коллективная перспектива преобладает над личной»¹.

Определяя коллектив в качестве главного инструмента в системе коммунистического воспитания, А. С. Макаренко в то же время не игнорировал и личности. Наоборот, он постоянно подчеркивал, что сама проблема личности может быть решена только в социалистическом обществе, где в каждом человеке усматривается личность, где проблему общества и личности решено «не в горячей проповеди, не в призывах, не постановкой принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин»². Если же личность проектируется только в некоторых людях за каким-то специальным выбором, как это имеет место в буржуазном обществе, то сама проблема личности исчезает.

«Наше воодушевленное доверие к партии, наш экономический строй,— писал А. С. Макаренко,— создают невиданную еще свободу личности, но это не та свобода, о которой болтают на Западе. Есть «свобода» и свобода. Есть свобода кочевника в степи, свобода умирающего в пустыне, свобода пьяного хулигана в заброшенной деревне и есть свобода гражданина совершенного общества, точно знающего свои пути и пути встречные.

Мы, естественно, предпочитаем последний тип свободы. Ибо коллизия «личность и общество» у нас решается не только в свободе, но и в дисциплине.

<...>

Проблему «общество и личность» буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка <...> Величина такого колебания в буржуазных конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально, вырванной из общества, абстрагированной. Для нее устанавливается очень широкая амплитуда колебания в области поступка: свобода «употреблять и злоупотреблять», свобода трудиться или лежать на боку, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в лачуге или во дворце. Ничего не жалко, все можно разрешить личности... Но все это для абстрактной личности. Настоящая, живая, реальная личность, живущая под иггом буржуазного общества, в подавляющем большинстве

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 312.

² Там же.— Т. 7.— С. 14.

случаев имела очень маленькую и жалкую амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева — с другой.

В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не может размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она не обладала. Недра, поля, леса в личную собственность? Нельзя! Они принадлежат всему народу... Ничего не делать? Нельзя! «Кто не работает, тот не ест»... Для эксплуататора, для какого-нибудь «сверхчеловека» действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражданина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка очень широка: от радостного, сознательного, творческого труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими муками совести, — с другой.

Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, — приходит к выводу Антон Семенович, — что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей четкостью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые поставлено слово «Человек»¹.

А. С. Макаренко справедливо считал, что смотреть на молодое поколение только как на объект воспитания в корне неверно. Лучший путь для воспитания состоит в создании таких условий, в использовании такой воспитательной технологии, когда воспитанники оказываются одновременно и в положении воспитателей.

В практике выдающегося педагога четко организованный коллектив играл главную роль в воспитательной системе. Показательным является следующий факт: когда А. С. Макаренко предложили перейти в Куряж, он поставил среди прочих и такое условие — количество штатных воспитателей должно быть сокращено с 40 до 20 человек, а в 1930 г. в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского ему удалось добиться высочайшей интенсификации педагогического труда и полностью отказаться от платных воспитателей. Воспитателями здесь были, по словам Антона Семеновича, «учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки. И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или правоучений,

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 14—15.

а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива»¹.

Разумеется, А. С. Макаренко не выступал против воспитателей в детском учреждении вообще. Наоборот, он полагал, что в детских учреждениях «должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди»². Однако он отрицал чрезмерность воспитательного персонала, сковывающего возможности участия самих воспитанников в воспитательном процессе, то есть не позволяющую им быть не только объектом, но и субъектом воспитания.

Воспитание — дело чрезвычайно сложное и многообразное. Самым опасным моментом здесь есть страх перед этой сложностью и многообразием, который может проявляться в двух формах: «первая заключается в стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов. Вторая... это пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадежная попытка справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности», что, по мнению А. С. Макаренко, является гипертрофией «индивидуального» подхода»³.

Бывший воспитанник колонии им. М. Горького П. Архангельский писал: «Наше воспитание не было врачеванием каждого в отдельности — нас не пичкали пилюлями добродетели и микстурами морали. Совершенно незаметно процесс воспитания, направляемый Антоном Семеновичем и подобранным им составом педагогов, превращался в процесс коллективного самовоспитания. Это было интересно и неожиданно»⁴.

На основе личного опыта А. С. Макаренко пришел к выводу, что наиболее трудным в воспитательной работе является не тот школьник, который все время привлекает внимание разными отклонениями от норм поведения, а тот, кто ведет себя тихо, старается ничем не выделяться. Между тем, в педагогической практике и в настоящее время чаще всего воспитательная работа начинается лишь тогда, когда школьник допустил тот или иной проступок. Школьники, которые не нарушают дисциплину, мало интересуют педагогов, в результате «такие распространенные типы характеров, как «тихоны», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, равини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы,

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 143.

² Там же.— Т. 7.— С. 38.

³ Там же.— Т. 4.— С. 46.

⁴ Архангельский П. Суровый урок // Воспоминания о Макаренко: Сб.— С. 80.

проходят мимо нашей педагогической заботы»¹. А как раз из них и вырастают потом люди с антисоциальными наклонностями. Антон Семенович всегда видел эту педагогическую опасность и вовремя принимал меры для ее предотвращения. И в этих случаях его главным оружием был коллектив.

Тенденции индивидуализма, как пережиток прошлого, оказываются чрезвычайно живучими. Иногда они выступают в виде «личного чванства, одинокой слепой гордости своим «совершенством» без всякой мысли об общественной пользе, иногда это личное кокетство, эстетический припадок нравственного эгоизма, для которого собственная слеза дороже общей радости»². При этом не следует забывать, что «ревнивая, пропитанная личной нравственной жадностью и самолюбованием этика индивидуалиста на каждом шагу отталкивает человека от общественных явлений»².

Нельзя забывать и того, что пережитки прошлого чаще всего проявляются в замаскированной форме, предательски незаметны и часто «хорошо спрятаны в мимикрии советского поведения и даже марксистской «фразеологии». Иногда они не бросаются в глаза и потому, что их живыми «бациллоносителями» выступают люди искренне советские, которые просто не понимают ошибочности своих взглядов и поступков, «даже не знающие, какого врага они в себе носят»³.

Новая советская педагогика, сердцевиной которой является методика коммунистического воспитания, рождалась в условиях жестокой борьбы с вековыми традициями буржуазной педагогики. Поэтому нельзя забывать, что коммунистическое воспитание — «одно из самых тонких и нежных человеческих дел, и здесь легче всего прививаются бактерии враждебных и чуждых влияний»⁴.

А. С. Макаренко призывал «самым решительным образом бороться с бытовой бесформенностью коллектива»⁵. Если дети в школе и на производстве организованы, а в быту предоставлены случайным формам организации, то это неминуемо отрицательно сказывается на результатах воспитания. Педагогический коллектив школы, полагал он, должен организовывать быт школьника. Именно потому центром воспитательной работы в своем микрорайоне должна быть школа как единый коллектив. Антон Семенович считал ненормальным явлением тот факт, когда «внешкольная работа действи-

¹ Макаренко. — Т. 4. — С. 320.

² Там же. — С. 284.

³ Там же. — С. 282.

⁴ Там же. — С. 49.

⁵ Там же. — Т. 1. — С. 269.

тельно делается «внешкольной» и школа считает себя вправе отказаться от нее»¹.

Говоря о том, что бы он сделал на месте директора школы, Антон Семенович в одной из своих последних публичных лекций говорил: «Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадир приходил бы каждый день и рапортовал, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало»².

Эта идея А. С. Макаренко полностью оправдала себя. И сегодня во многих школах по месту жительства учащихся создаются разновозрастные отряды, выполняющие разнообразные функции. К работе с учащимися в микрорайоне школы широко привлекается родительская общественность, что значительно повышает результативность воспитательной работы в целом.

Многие школы проводят большую воспитательную работу со своими учащимися во дворцах пионеров, в различных клубах и секциях, в пионерских лагерях, в лагерях труда и отдыха и т. п. Признание за школой права руководства воспитанием и обеспечение этого права научной организацией воспитательного процесса исключает обезличку, обеспечивает единую логику педагогического процесса, делает воспитание управляемым как в стенах школы, так и за ее пределами.

Учение А. С. Макаренко о коллективе как важнейшем условии и средстве коммунистического воспитания имеет большое значение для современной школы. На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось, что «главная сила учебного заведения заключается в коллективе единомышленников-педагогов и учащихся, спаянных общностью идей и интересов»³. Коммунистическая партия и Советское правительство требуют усилить ответственность и укрепить сплоченность ученических коллективов, всемерно поддерживая все их полезные начинания, инициативу и самостоятельность, глубоко изучать и использовать опыт А. С. Макаренко по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения.

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 132.

² Там же.— С. 342.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 г.— М.: Политиздат, 1988.— С. 50.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБУЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА УЧАЩИХСЯ

Идея соединения обучения с производительным трудом учащихся весьма энергично выдвигалась еще в конце XVIII и в начале XIX века. Затем интерес к ней упал. В общеобразовательной школе все более насаждались интеллектуалистические тенденции. По меткому определению Н. К. Крупской, уже к концу XIX в. общеобразовательная школа «стала синонимом книжной школы, школы учебы, в которой ученики смиренно сидят на партах и слушают, что говорит на кафедре учитель,— школы, где ничего не преподается, кроме книжных знаний, имеющих очень слабое отношение к живой действительности, где индивидуальность учеников всячески подавляется и путем строгой внешней дисциплины они превращаются в какие-то машины для восприятия бесконечного числа сообщаемых им сведений»¹.

Однако в последнее десятилетие XIX в. опять заговорили о необходимости преобразования школы. Острые критики в этот период направлялось на отрыв школы от жизни, на формально схоластический характер обучения. Идеи «трудо-вой школы» все более распространяются в развитых странах Европы и Америки. Постепенно они становятся наиболее популярными педагогическими идеями.

Подлинно научный подход к раскрытию органической взаимосвязи между обучением и трудом учащихся был дан марксистско-ленинским учением.

Органическую взаимосвязь между обучением и производительным трудом учащихся глубоко раскрыл В. И. Ленин. Он писал, что «нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»². Чтобы осуществить такое соединение, В. И. Ленин считал необходимым «возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде»³.

¹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения.— Т. 1.— С. 244.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 485.
Гам же.— С. 486.

Вовлечение школьников в посильный производительный труд — ничем не заменимое средство их полноценного физического развития. Это позволяет естественным путем устранить так называемую гиподинамию, являющуюся, по признанию специалистов, главной причиной недостатков физического развития современного человека.

Нельзя не учитывать и того, что разумная организация производительного труда учащихся является важнейшим средством нравственного становления личности. Любые попытки уйти от него неминуемо заканчиваются серьезными неприятностями как для личности, так и для общества в целом.

Труд является основой человеческого счастья. Наслаждения, как бы их много ни было собрано в одну жизнь, еще не счастье. «Труд, — писал К. Д. Ушинский, — есть единственно доступное человеку на земле и единственно достойное его счастье»¹. Наслаждения же — только мишурная пыль с крыльев того неуловимого призрака, за которым упорно гонятся люди. Наслаждения порхают вокруг труда, как «золотые мотыльки, привлекаемые светом, и чем ярче горит лампада труда, тем больше их толпится, но потушите ее, и эти золотые мотыльки превратятся в хищных птиц, которые миглом расхватают все сокровища сердца и оставят его на жертву пустоте и отчаянию»¹. Если воспитание желает человеку добра, оно должно воспитывать его не для счастья, а готовить его к труду жизни.

Таким образом, труд является необходимым условием физического, нравственного и умственного развития человека. Воспитание (школа) не только должно развить интеллект человека и дать ему известный объем сведений, но зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой. Каждый день школьной жизни воспитанников должен обеспечивать рациональное сочетание умственного и физического труда, являющееся основой всестороннего гармонического развития личности.

С первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции принцип соединения обучения с производительным трудом был положен в основу строительства социалистической школы. С особой яркостью это было выражено в документах, определявших сущность «единой трудовой школы» как основного звена социалистической системы народного образования.

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 2. — М.; Л.: АПН РСФСР, 1948. — С. 347.

Марксистско-ленинские установки об органическом соединении обучения с производительным трудом учащихся как ведущем принципе социалистической системы просвещения достаточно широко отражались и в первых директивных документах по народному образованию, принятых в Украинской ССР: Положение о единой трудовой школе Украинской ССР (1919 г.), Декларация о социальном воспитании (1920 г.), Кодекс законов о народном просвещении УССР (1922 г.) и др.

В Кодексе законов о народном просвещении УССР, являвшемся важнейшим директивным и нормативным документом в области школы и педагогики на Украине в 20-е годы, указывалось, что в основу построения воспитательных и культурно-просветительных учреждений республики должен быть положен «трудовой процесс как фундамент воспитания и познания»¹, что все учебно-воспитательные учреждения «должны стать трудовыми коллективами, объединяющими воспитание и обучение с производительным трудом, что является в современных условиях единственным жизненным методом создания всесторонне развитой личности»².

С целью создания для учреждений Наркомпроса прочного хозяйственного базиса и улучшения их материального положения при учебно-воспитательных учреждениях предусматривалась организация производственных коллективов. В эти производственные коллективы должны были обязательно входить все учащиеся и технический персонал учебных заведений. Они имели все права и пользовались льготами, предоставляемыми кооперативными объединениями. Все виды детских учреждений республики наделялись земельными участками в размере от одной до десяти десятин в соответствии с их действительной земельной потребностью. Местные органы Наркомзема обязаны были отпускать для нужд учебных хозяйств инвентарь, орудия и семена в пределах установленных норм и в соответствии с производственным планом. Учебные хозяйства освобождались от взимания продналога и внесения промыслового налога.

Одна из важнейших задач воспитания детей в детских учреждениях состояла в том, чтобы осуществлять «практическое ознакомление детей с процессами и орудиями труда и сообщение им основных теоретических сведений об этих процессах»³. При этих учреждениях организовывались раз-

¹ Кодекс законов о народном просвещении УССР.— Харьков: Изд-во Наркомпроса УССР, 1922.— С. 3.

² Там же.— С. 5.

³ Там же.— С. 24.

личного рода мастерские и производства, подчиненные учебно-воспитательным целям.

Еще в 1922 г., определяя основные проблемы педагогической науки, А. С. Макаренко писал: «Русская трудовая школа должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической»¹. И он строго придерживался этого положения во всей своей последующей деятельности. Именно реальный производительный труд являлся в его учреждениях той своеобразной осью, вокруг которой вращалась вся жизнь коллектива.

Уже в течение первых двух лет колонии им. М. Горького удалось организовать рентабельное сельскохозяйственное производство животноводческого направления. Во второй половине 20-х годов она обрабатывала 120 гектаров пахотной земли, имела хорошую свиноводческую ферму и ферму крупного рогатого скота, арендовала мельницу. После объединения с Куряжем в колонии организовалось производство промышленного типа — деревообделочная мастерская с хорошими станками. Колония изготовляла в значительных количествах ульи особой конструкции, зарядные ящики, мебель и другие изделия по заказам.

А. С. Макаренко уделял много внимания четкой организации труда воспитанников. Колонисты были разбиты по разновозрастным отрядам, которые соревновались между собой за лучшее выполнение производственных и хозяйственных заданий. Такие отряды стали основным первичным звеном коллектива, основой всей воспитательной системы в колонии, а затем и в коммуне.

Все работы выполнялись колонистами весело и бодро. Эту приподнятость в труде Антон Семенович отметил словом «мажор», придав ему значение той высокой политической сознательности, которая служит источником жизнерадостности советского человека.

В романтике социалистического труда А. С. Макаренко нашел источник эмоционального воздействия на детский коллектив. Труд в колонии сопровождался многочисленными торжественными актами и поощрениями особо отличившихся в нем. Например, во время уборки урожая первое перевясло вручалось наиболее отличившейся в труде колонистке, лучшему косарю вручалась коса, перевязанная красным бантом.

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 11.

Очень торжественно проводился праздник первого снопа, праздник урожая.

Организуя педагогическую работу в чрезвычайно сложных условиях, А. С. Макаренко неуклонно и последовательно руководствовался марксистско-ленинским учением о единстве обучения и производительного труда. Он считал, что «труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом»¹.

На основе личного опыта Антон Семенович пришел к выводу, что труд без напряжения, без общественной и коллективной заботы является малодейственным в деле воспитания новых мотиваций поведения.

В соответствии с развитием производства и хозяйства в целом совершенствовалась и вся система воспитания в макаренковских учреждениях. Решающее значение в этом процессе играл не труд сам по себе, а вовлечение ребят в руководство производством и хозяйством. А. С. Макаренко глубоко осознал эту закономерность еще в колонии им. М. Горького. По этому поводу он писал: «Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то подобным ходьбе или дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно»². Эта закономерность являлась для Антона Семеновича несомненной по отношению к неквалифицированному труду, связанному с самообслуживанием. Последнее отличалось ничтожным мотивационным значением, значительной утомляемостью и слабым интеллектуальным содержанием, что и разрушило его веру в самообслуживание. И тогда же был сделан вывод, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений А. С. Макаренко и обратился к мастерским. К концу первого года в колонии уже работали кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою «первоначальные кустарные примитивы»².

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 127.

² Там же.— Т. 3.— С. 454.

Связанный с более заметной ответственностью ремесленный труд приводил к более очевидным явлениям ценности. Существенно важным было то, что он давал основания для возникновения группы мотивов, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта и здесь оказался очень невзрачным. «Мы увидели,— писал А. С. Макаренко,— что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и женщине и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию»¹. Уже в начале второго года выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них лишь временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стояли впереди «мастеровых». Это позволило А. С. Макаренко сформулировать закономерность, в соответствии с которой «улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством»².

К такому заключению А. С. Макаренко пришел не так легко, как может показаться. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддавалась анализу со стороны педагогического значения. Сначала он был склонен ведущим в хозяйстве видеть сельское хозяйство и слепо подчинился старому положению, утверждающему, что природа облагораживает. Положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое место для прогулок и тургеневских переживаний. Но «природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разбросать,

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 454.

² Там же.— С. 454—455.

поломанного веза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание!»¹.

Однако именно вот здесь, при выполнении конкретных хозяйственных дел появляется действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон в коллективе. Глубоко осознав «этот неуловимый завиток новой человеческой ценности», А. С. Макаренко сформулировал один из важнейших педагогических выводов: «Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно»².

А. С. Макаренко писал, что «сделав хозяйственную заботу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования»³. Главными формами являлись «хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организация хозяйственно-активных отрядов, точная дисциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узкоиндивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру»³.

А. С. Макаренко не представлял трудового воспитания вне привлечения учащихся к активному производительному труду, вне условий производства. Он был убежден в том, что «труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания»⁴. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского производительный труд занимал одно из центральных мест в воспитательной системе. Это позволило ей перейти на полный хозрасчет и не только отказаться от каких-либо государственных дотаций на содержание, но и давать государству ежегодно около 5 миллионов рублей прибыли. Дело, разумеется, здесь не только в экономической стороне проблемы. Оказалось, что «только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан»⁵.

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 455

² Там же.— С. 456.

³ Там же.— Т. 1.— С. 47.

⁴ Там же.— Т. 4.— С. 181.

⁵ Там же.— С. 361.

В развитии коммуны им. Ф. Э. Дзержинского можно выделить три стадии развития организации производительного труда: 1) в мастерских коммуны (1927—1929 гг.); 2) в цехах полукустарного производства (1930—1931 гг.); 3) на современных заводах, оборудованных по последнему слову новейшей техники и построенных собственными силами (1932—1936 гг.).

На первом этапе в коммуне существовали учебные мастерские: слесарно-механическая, деревообделочная, швейная и сапожная. Была также кузница. Их задача состояла не только в том, чтобы приобщить воспитанников к трудовой жизни, обеспечить их хорошее воспитание, но и обеспечить овладение ими определенной рабочей специальностью. Обучение проводилось по программам, разрабатываемым инструкторами мастерских с участием работников отдела народного образования.

Уже через год после организации коммуны в ней наметилась тенденция развития мастерских «в сторону серьезного производства». Задачи мастерских на этом этапе А. С. Макаренко определял следующим образом: «Нужно найти средний путь: сохраняя общий деловой производственный уклон с применением стандартизации, в то же время обеспечить постоянный процесс рабочего совершенствования ребят»¹. В программах значительное место отводилось на изготовление законченной продукции, а отдельные операции и тренировочные работы были сведены до необходимого минимума. Профессиональные навыки, умения и приемы приобретались коммунарами главным образом в процессе изготовления отдельных изделий.

Работа в мастерских происходила в две смены, по три с половиной часа в каждую смену, чередуясь с обучением в школе. А. С. Макаренко исключал внешнюю, формальную, искусственную связь между теоретическим обучением и производительным трудом. Впоследствии, обращаясь к учителям, он говорил по этому поводу: «Вы помните, наверное, предрасудок, что трудовой процесс должен быть «увязан» с учебной программой. Сколько мы ломали голову над этим проклятым вопросом? Вот дети делают табуретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. (Смех.) Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. (Смех.) Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть связи»².

¹ См.: Известия АПН РСФСР — 1952. — Вып. 38. — С. 111.

² Макаренко. — Т. 4. — С. 366—367.

Четко и разумно организованный производительный труд имел решающее значение в коммунистическом воспитании коммунаров. В процессе овладения рабочей специальностью у них росла и крепла уверенность в невозвратимости прошлой жизни и в материальном благополучии после выхода из коммуны. В производительном труде они приобретали специальные рабочие навыки и умения, познакомились на практике с технологией материалов, овладевали элементарными сведениями по технике и организации простейшего производства. У них возникали научные интересы, требовавшие широкого общего образования. В сознании воспитанников производительный труд приобретал значение общественно полезной деятельности, что свидетельствовало о социалистическом отношении к труду.

В начале 1930 г. производство коммуны было реконструировано. Мастерские были реорганизованы в цехи объединенного предприятия полукустарного типа. Всего было 6 цехов: 1) механический (слесарно-токарный) цех; 2) машинный цех деревообделочной мастерской; 3) сборный цех деревообделочной мастерской; 4) литейный цех; 5) никелировочный цех; 6) пошивочный цех. Было приобретено новое, более совершенное оборудование. Набор различных видов производства должен был удовлетворить разнообразные вкусы и склонности коммунаров, позволить воспитанникам различных возрастных групп (от 13 до 17 лет) выбрать будущую специальность по душе.

Руководитель существующей в коммуне школы Т. Д. Татаринов, характеризуя образовательную программу коммуны, писал: «Дать стране свою рабочую интеллигенцию, способную стать во главе производства, подготовить специалистов, умеющих следить за развитием технической мысли... дать государству людей, способных отстаивать производственные интересы пролетариата и умеющих определить себя в реконструирующемся производстве,— вот те большие задачи, которые стоят перед коммуной в борьбе за кадры, вот то, из чего исходили коммунары, впервые переступая порог первого в Союзе завода электросверлилок»¹.

Каждый цех имел производственный план. В технологическом процессе осуществлялось глубокое разделение труда по отдельным процессам и операциям. Производительность труда воспитанников была довольно высокой. О мощности столярного цеха коммуны убедительно свидетельствует такая

¹ Татаринов Т. Д. Командиры станков // Второе рождение.— Харьков, 1932.— С. 60.

деталь: для Тракторостроя коммуна изготавливала ежедневно по 100 дверей. Воспитанники также делали мебель для Дворца культуры в Константиновке, Харьковского электротехнического института, института патологии и гигиены труда и для многих других учебных заведений, учреждений, театров. Другие цехи выпускали масленки для станков, шестерни для тракторов, шили трусики, ковбойки и т. п. За реализуемую продукцию коммуна получала значительные суммы. Только в течение первого квартала 1931 г. было реализовано продукции на 174 тысячи рублей.

Разумеется, характер и результативность производительного труда в цехах были значительно выше, чем в первоначальных мастерских. И все же они не удовлетворяли А. С. Макаренко. В целом производство еще носило примитивный характер и не отвечало полностью тем педагогическим задачам, которые ставил Антон Семепович. Именно это и послужило основной причиной строительства в коммуне настоящих заводов, оборудованных по последнему слову науки и техники.

Наличие современных больших заводов по производству электросверлилок и по изготовлению фотоаппаратов создало идеальные условия для последовательной реализации в коммуне принципов коммунистического воспитания. Ее производство было высокорентабельным: годовой баланс производства на первое января 1934 г. составлял 63 миллиона рублей, а годовая прибыль — 4,5 миллиона рублей. Производство электросверл и фотоаппаратов «Лейка» освободило в то время государство от ввоза иностранной продукции на 1,5 миллиона рублей золотом в год.

В макаренковских учреждениях широко использовались различные средства стимулирования труда воспитанников. Эффективно использовалась и материальная заинтересованность их в результатах своего труда. Один из первых воспитанников А. С. Макаренко, ставший затем его последователем на педагогическом фронте, С. А. Калабалин вспоминал, что, когда колония им. М. Горького достаточно материально окрепла, разбогатела, педагогический совет и совет командиров нашли возможным и полезным выдавать воспитанникам карманные деньги для личных расходов. Главная цель — научить колонистов «управлять деньгами». Он не помнил случая, чтобы эти деньги были поводом к каким-либо недоумениям.

Деньги выдавались дифференцированно. Воспитанник, имевший звание «заслуженного колониста», получал 5 руб., звание «колонист» — 3 руб. и просто воспитанник — 2 руб. Выдачи приурочивались к календарным праздникам или

в связи с предоставленным отпуском. Всем было известно, что при нарушении установленных правил отряд, в котором случится происшествие, будет лишен права на получение карманных денег.

В детской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского эта денежная проблема разрешалась уже в другом плане. Коммуна с 1930 г. была на самокупаемости. Из начисляемой коммунару зарплаты удерживался определенный процент на содержание его и еще на работающего на производстве товарища; 10 процентов поступало в фонд совета командиров. Этот фонд расходовался на коммунарские летние походы и экскурсии, на единовременную помощь нуждающимся бывшим коммунарам и пр. Остальная часть зарплаты коммунара переводилась на его личный счет.

А. С. Макаренко много внимания уделял воспитанию у каждого воспитанника положительного отношения к труду. С этой целью он широко использовал следующие средства: формирование чувства ответственности за общее дело; создание радостной перспективы у каждого члена коллектива в связи с выполненной трудовой задачей; хорошо продуманную организацию, обеспечивающую проявление самостоятельности и активности воспитанников; привнесение в обычную будничную работу элементов красочности, романтики, игры; использование положительного примера и социалистического соревнования. В макаренковских учреждениях глубоко осознавалась общественная польза всякого труда, в том числе и по самообслуживанию. В осмысленном повседневном труде у воспитанников формировались воля, настойчивость, выдержка, благородство — лучшие черты человеческой личности.

А. С. Макаренко указывал, что в Советской стране труд должен быть творческим и в рабочем, и в производственном, и в политическом, и в моральном отношениях, он должен быть основным началом в политическом росте советского гражданина¹. Именно потому одна из важных задач каждого учебно-воспитательного заведения, по его мнению, должна состоять в том, чтобы научить молодежь творческому труду. «Творческий труд,— говорил Антон Семенович,— возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта. Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая при-

¹ См.: Макаренко.— Т. 7.— С. 17.

вычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл»¹.

Выдающийся педагог считал, что в социалистическом обществе труд «является не только экономической категорией, но и категорией нравственной»². В соответствии с коммунистическими принципами общественно-политический облик каждого человека определяется его отношением к общественно значимому труду, мерой его участия в таком виде труда. Именно потому в условиях социалистического общества «деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, она делается критерием правильного поведения вообще — деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка»³. Человек, уклоняющийся от труда, в социалистическом обществе является безнравственным.

И до сих пор еще нередко раздаются жалобы директоров школ на то, что решение разнообразных хозяйственных дел обуславливает их большую перегрузку и отвлекает их от участия в решении вопросов учебно-воспитательной работы. Между тем, А. С. Макаренко считал, что «всю воспитательскую и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было»⁴, «педагог и хозяйственник не должны расходиться»⁵. Все дело в том, как организовать и воспитательную и хозяйственную работу. Если нет крепкого коллектива, если хозяйственными вопросами занимается только директор, если к их решению не привлекаются учащиеся и другие члены коллектива, если хозяйственные дела не являются ареной воспитания, они действительно будут висеть тяжестью на шее директора. Собственно говоря, при таких условиях сам директор теряет функции главного руководителя и организатора учебно-воспитательного заведения, превращаясь в невыразительную мечущуюся личность, которая наугад плетется в хвосте такого же невыразительного и аморфного «коллектива».

В детском заведении «хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор»; в нем «должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные»; «нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое». Воспитание и перевоспитание, с точки зрения

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 95.

² Там же.— С. 285.

³ Там же.— С. 286.

⁴ Там же.— С. 241.

⁵ Там же.— С. 263.

А. С. Макаренко, «не могут принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны»¹.

В своем последнем выступлении на совещании учителей Ярославской железной дороги, которое состоялось 29 марта 1939 г., то есть за два дня до смерти, А. С. Макаренко, говоря о том, что условия серьезного производства в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского «облегчили педагогическую работу», обещал «бороться за то, чтобы в нашей, советской школе было производство. Тем более буду бороться, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути»². Он высказывал твердую убежденность в том, что «цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым»³. И он обязан быть таким уже в условиях учебно-воспитательного учреждения. Сделать же это возможно только в условиях коллектива, живущего полнокровной жизнью, в центре которой является труд — забота за процветание хозяйства учреждения. Только разумное сочетание учебы и производительного труда воспитанников обеспечивает счастливую жизнь и является гарантом такой же счастливой их жизни и в будущем.

ФИЗИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Много внимания уделял А. С. Макаренко вопросам физического и эстетического воспитания детей и молодежи. Определяя основные задачи советской школы, он исходил из того, что нам нужно воспитать здоровое поколение, способное сознательно, энергично и успешно участвовать в строительстве нового общества и в защите дела пролетарской революции. «Три положения этого принципа: здоровье, умение работать и способность к борьбе, идейная вооруженность, — и должны нами руководить»⁴. Какое бы значение мы ни придавали производству и школе, на первом месте должна стоять задача — выпустить здоровое поколение. «Дохлая» производственники и строители нам не нужны, неврастники только испаскостят наше дело», — писал Антон Семенович⁵.

¹ Макаренко. — Т. 1. — С. 46.

² Там же. — Т. 4. — С. 367.

³ Там же. — С. 367—368.

⁴ Там же. — Т. 1. — С. 189.

⁵ Там же. — С. 190.

В 1934 г. А. С. Макаренко в связи с произведенным обследованием коммуны им. Ф. Э. Дзержинского писал председателю Государственного политического управления УССР: «Рядом со школой стоит внешкольная и физкультурная работа. В настоящее время она развернута в коммуне в максимальной степени, дальнейшее ее развертывание приходится тормозить, чтобы не перегружать чрезмерно дневной календарь. Эта работа очень много дает коммунарам в области общего развития, а так как она политически направлена, то является очень мощным орудием для повышения политического уровня.

Внешкольную работу, впрочем, невозможно рассматривать как совершенно отдельную область, она очень близко стоит к руслу комсомольской работы, направляемая комсомолом не только в смысле постоянного руководства со стороны бюро, но и активным проникновением внешкольной работы комсомольскими нагрузками и поручениями»¹.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского всестороннее физическое развитие колонистов осуществлялось посредством гимнастики, игр и спорта. Каждый день начинался утренней зарядкой на свежем воздухе, независимо от погоды. Колонисты любили спорт: лыжи, коньки, футбол, теннис и др. Каждый коммунарь обязан был сдавать нормы на значки БГТО и ГТО. Проводились занятия по спортивной, художественной гимнастике, по акробатике.

А. С. Макаренко был против одностороннего увлечения каким-либо одним видом спорта, так как при этом не может быть осуществлено гармоническое физическое развитие. Он указывал на необходимость внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характера всепоглощающей страсти. Нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, но преимущественно успехом команды. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам.

А. С. Макаренко высоко ценил коллективные действия спортсменов, их умение приложить свое спортивное мастерство в интересах всей команды. Так, в коммуне поощрялись коллективные начала и в выявлении спортивных достижений. Чемпионами являлись команды по отдельным видам спорта. Сильные спортсмены в числе команд не возвышались над коллективом. В коммуне не было борьбы за персональное чем-

¹ Макаренко.— Т. 1.— С. 201.

приобщение, рекордсменство. Все мероприятия по физической культуре и спорту теснейшим образом увязывались с жизнью, с политическими событиями страны. Спорт строился на коллективистических началах и не рассматривался как самоцель. Разнообразные средства физической культуры и спорта использовались как один из педагогических методов сплочения коллектива и коллективистского воспитания. При составлении положений о соревнованиях, их условий всегда имелся в виду принцип коллективизма. Во время соревнований А. С. Макаренко старался раскрыть воспитанникам преимущества коллектива перед отдельными спортсменами. Он часто повторял, что закалка должна направляться интересами коллектива и не быть только персональной, личной тренировкой.

Наиболее эффективным средством физического воспитания А. С. Макаренко считал игру. В коммуне использовалось множество игр (спортивные, полуспортивные, подвижные, настольные, военные), а также аттракционы и конкурсы. Игры создавались и переделывались педагогическим коллективом обязательно с участием воспитанников. Направлял работу по изобретению и внедрению игр сам Антон Семенович. В играх всегда поражали заразительность, затейничество, выдумка.

Игры, созданные коммунарами, никогда не оставались неизменными, в их основе были возможности для совершенствования, усложнения различными вариантами, которые требовали от участников более высокой физической подготовленности, более сложных двигательных умений и навыков. Вот почему игры, рожденные в коммуне, увлекали ребят гораздо больше, чем обычные спортивные игры.

А. С. Макаренко в «Марше 30 года» писал, что «работа, сосредоточенная зимой в разных кружках, на каждом шагу сталкивается с физкультурой. Заядлые литераторы, эсперантисты, артисты и художники зимой жаловались, что им не дают работать. Главным видом спорта в коммуне являлись лыжи, а с весны — волейбол, футбол, гандбол, крокет. Самой популярной и интересной для коммунаров была придуманная ими игра в горлёт.

Горлётных команд у нас шестнадцать»¹.

Важным средством физического воспитания и в колонии и в коммуне являлся военный строй. Занятия им способствовали дисциплинированию воспитанников, их физической культуре и эстетическому облагораживанию. Движения юношей и девушек становились четкими и выразительными, фигуры стройными, походка уверенной. Во внешнем облике, во всем:

¹ Макаренко. — Т. 2. — С. 80.

быту, работе и отдыхе воспитанники отличались подтянутостью, внутренней дисциплинированностью. Стройные ряды колонистов и коммунаров, одетых в простую, но изящную форму, с оркестром и знаменем вызывали восхищение публики во время демонстраций.

А. С. Макаренко писал: «Дзержинцы появлялись на людях в хороших суконных костюмах, украшенных широкими белыми воротниками. У них был оркестр духовых инструментов из белого металла, и на их трубах стояли знаки знаменитой пражской фабрики. Коммунары были желанными гостями в рабочих клубах и в клубе чекистов, куда они приходили солидно-элегантные, розовые и приветливые»¹.

Выступая перед сотрудниками Наркомпроса РСФСР (1938 г.), А. С. Макаренко говорил о том, что он особенно ценил традицию военизации — игры, в которой, однако, ни в коем случае не должно быть подражания, копировки законов военной части. Он являлся противником постоянного марша, чем увлекались тогда некоторые молодые педагоги: «в столовую идут — маршируют, на работу идут — маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и ненужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в полезности этой эстетики»². Антон Семенович был глубоко убежден в том, что военизация «украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает»³, что в детском коллективе «должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика»⁴.

Элементы военизации вводились Антоном Семениновичем как организующие, дисциплинирующие формы и, главным образом, как средство эстетического воспитания.

А. С. Макаренко рассматривал военизацию как богатую и очень красивую по содержанию. Ее необходимо проводить серьезно, а не как-нибудь. «Если дается сигнал, он должен играть идеально, с идеальным стаккато, с высшей формой музыкальной выразительности, а не так, как гуси кричат. Если знамя стоит в одной комнате и надо перенести его ввиду ремонта в другую комнату, то вся коммуна одевается в парадные костюмы и в строю переносит знамя»⁵.

¹ Макаренко. — Т. 3. — С. 434.

² Там же. — Т. 4. — С. 137.

³ Там же. — С. 138.

⁴ Там же. — С. 139.

⁵ Там же. — Т. 8. — С. 183.

Быт в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского был построен вокруг игры. «Несколько военный характер, который мы придаем этой игре,— писал он,— вполне соответствует той любви к военной внешности, которая всегда есть у ребят. Кроме того, пользуясь этой военной игрой, мы физически подтягиваем ребят и приучаем их к физической сдержанности. Особенное значение имеет и то, что это позволяет нам выпрямлять позвоночник, искажение которого серьезно нарушается как в школе, так и в мастерских»¹.

В работе по физическому воспитанию большое значение придавалось туристским походам. Известны восемь длительных походов дзержинцев. Коммунары прошли весь Крым, Кавказ, Украину, совершили путешествие по Волге. Походы способствовали укреплению здоровья и улучшению физического развития детей. Они оказывали также большое воспитательное воздействие, сплачивали коллектив. Походы являлись своеобразной школой четкости и безукоризненной организации.

А. С. Макаренко полагал, что и семья должна всемерно поощрять у своих детей интерес к спорту. Однако он предостерегал от того, чтобы этот интерес не сделался интересом «наблюдателя-болельщика». Он говорил: «Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегаёт на лыжах, не знает, что такое волейбол,— польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет»².

В практике А. С. Макаренко физическое воспитание органически сочеталось с эстетическим, которое пронизывало элементы военизации и символики (сигналы, рапорта и др.), всевозможные ритуальные мероприятия и действия. Сильным средством эстетического воспитания являлись хор, оркестр, театр, кино, клубная работа, чтение художественной литературы, занятия изобразительным искусством, большое количество цветов как в помещениях, так и на всей территории колонии и коммуны. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского был гектар замечательного цветника, лучшая в Харькове оранжерея.

¹ Макаренко.— Т. 8.— С. 145.

² Там же.— Т. 4.— С. 115.

Бывший воспитавник колонии им. М Горького И. А. Котов, выполнявший обязанности помощника огородника, в своих воспоминаниях писал: «В оранжереях и парниках колонии выращивалась рассада цветов и огородных культур. Весной мы делали клумбы на территории всей колонии. Цветами мы украшали свои классы, спальни, столовую, зал. Давали их и в квартиры воспитателей. Мы снабжали цветочной рассадой жителей окрестных сел»¹.

При создании системы внеклассной работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко исходил из того, чтобы каждое занятие было определенным шагом в достижении общих педагогических целей, ни в коем случае не отвлекало от них, чтобы участие детей в работе клуба было непременно добровольным, чтобы в клубных занятиях одновременно сочетались отдых, развлечение, учеба, труд и разнообразные виды деятельности воспитанников.

Эстетическое начало присутствовало и в организации коллектива. В колонии им. М. Горького и особенно в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского он добился исключительной организованности, слаженности, дисциплинированности, основанных не на «показной муштровке», а на осознании красоты крепко спаянного коллектива. Во время праздников и парадов коммунары вызывали восхищение своей подтянутостью, красотой движений, жизнерадостным видом, скромным щегольством одежды. Большое значение придавалось таким организационным оформлениям эстетического порядка, как салюты, знамена, оркестр. Салют и сигнал, по мнению Антона Семеновича, не заключают в себе никакой «военизации»: они символизируют в глазах колонистов единство коллектива, а красное знамя — принадлежность к массе трудящихся. Все это вносило в жизнь коллектива элементы праздничности, эмоциональной приподнятости, красоты.

А. С. Макаренко большое значение придавал красоте героических дел, красоте трудового подвига, эстетике благородных поступков. Он учил своих воспитанников находить удовлетворение не во внешних знаках благодарности, а в самом процессе и результате труда, в сознании принесенной пользы, выполненного долга.

С большим эстетическим вкусом проводились в колонии им. М. Горького праздник первого снопа и праздник труда и изобилия. Умно и тактично Антон Семенович отбирал для этих праздников наиболее поэтические и воспитательно цен-

¹ Котов И. А. Трудовое воспитание в колонии им. М. Горького // Шк. и пр-во. — 1963. — № 3. — С. 24.

вые элементы народной поэзии, сочетал их с новыми традициями, выработанными в практике жизни руководимого им коллектива.

А. С. Макаренко хорошо играл на скрипке, недурно режиссовал, был одаренным режиссером и актером. В спектаклях «Ревизор» и «Лес», поставленными в коммуне по одноименным пьесам Н. В. Гоголя и А. Н. Островского, он играл роли городничего и Несчастливцева. В дни годовщины коммуны он писал специальные обозрения, которые разыгрывались воспитанниками. Например, к трехлетию коммуны в юмористической форме он освещал ее учебно-производственные дела. Писал Антон Семенович и пьесы для самостоятельного драматического коллектива. Бывшая учительница коммуны З. Е. Юрченко об одной из таких пьес рассказывала: «Самое большое удовольствие доставила всем пьеса, написанная самим Антоном Семеновичем на злобу дня коммуны, и особенно момент в заключении, когда под бурные аплодисменты вышли на сцену два Антона Семеновича — один настоящий и другой — прекрасно загримированный артист Крамов»¹.

Народный артист РСФСР Н. В. Петров в своих воспоминаниях о встречах с А. С. Макаренко писал: «Помню, как однажды, приехав на репетицию в коммуну, я неожиданно застал Антона Семеновича на сцене со скрипкой в руках, окруженного маленькими пацанами, с которыми он терпеливо разучивал какой-то хор. Пацаны старательно пели, и когда кто-нибудь из них испускал неожиданный козлиный звук, то хохот мгновенно оглашал сцену. Громче всех, моложе и заразительнее смеялся сам Антон Семенович. Но через секунду он стучал смычком о скрипку, водворялась тишина, и снова терпеливо продолжал он обучать свой молодой и непослушный хор до ближайшего следующего козлетона»².

Искусство для А. С. Макаренко было не только средством эмоционального воздействия на воспитанников, но и одним из путей их образования. Заинтересовавшись «Евгением Онегиным», коммунары по совету Антона Семеновича решили провести своеобразную «Онегинскую конференцию». Профессор-литературовед прочитал лекцию о романе, музыковед охарактеризовал одноименную оперу П. И. Чайковского. Оркестр разучил ряд произведений композитора. В полном составе коммунары прослушали оперу в театре. Был проведен конкурс на лучшего чтеца «Евгения Онегина». Кстати, Антон Семенович знал всего «Евгения Онегина» наизусть.

¹ См.: Начальная школа. — 1944. — № 5—6. — С. 7—9.

² Известия АПН РСФСР. — 1952. — Вып. 38. — С. 140.

По свидетельству К. И. Чуковского, А. С. Макаренко хорошо знал и любил поэзию. Он мог без конца с упоением декламировать стихи Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, И. А. Крылова, а также Э. Г. Багрицкого, Н. С. Тихонова. К. И. Чуковский и А. С. Макаренко много говорили о А. М. Горьком, А. А. Фадееве, А. Н. Толстом. Антон Семенович глубоко изучал Ф. М. Достоевского и в письмах к Галине Стахивне писал, что это «писатель, которого не разобрали до сих пор по-настоящему»¹.

А. С. Макаренко действительно горячо любил и превосходно знал художественную литературу. В приложении к заявлению о приеме в Центральный институт организаторов народного просвещения в 1922 г. («Вместо коллоквиума») он писал: «Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика»².

Антон Семенович был очень обаятельным человеком. Общение с ним, как правило, приносило людям положительные эмоции. Он был весьма эрудированной и интеллигентной личностью. Н. В. Петров в своих воспоминаниях писал: «Каждая встреча приносила новое. Каждая беседа радостно обогащала. И это вечно новое было в природе самого Антона Семеновича, это было существо его богатейшей натуры, безгранично многогранной, всегда творчески неожиданной в своих проявлениях и несущей в себе какую-то неиссякаемую, всегда радостную и оптимистическую, неуемную человеческую энергию. Умение проникнуть в самые сокровенные тайники человеческой психики, смелое и энергичное активизирование самых незаметных положительных тенденций человека, бесстрашное и правдивое раскрытие темных начал, безграничная вера в силу коллектива и умение создавать и воспитывать этот коллектив — вот чем в совершенстве обладал Антон Семенович»³.

¹ Чуковский К. Современники. — С. 549.

² Макаренко. — Т. 1. — С. 10.

³ Петров Н. В. А. С. Макаренко // Воспоминания о Макаренко: Сб. — С. 314—315.

В макаренковских учреждениях много внимания уделялось драматическим кружкам и театральному искусству вообще. Театр в колонии им. М. Горького возник примерно в 1923 г., то есть еще в старой колонии. Однако там не было отдельного помещения. Спектакли ставились в столярной мастерской, что вынуждало совершать каторжную работу приспособления: на тех же столярных верстаках, пользуясь разными материалами, устраивали помост, прилаживали кое-как декорации. А за декорациями не оставалось никакого пространства ни для уборных артистов, ни для закулисных передвижений, ни для сценических эффектов. Помещалось же в столярной не больше 60 человек зрителей. Затем колонийские артисты в свое распоряжение получили мельничный сарай. Это вызвало у них неописуемый восторг. А. С. Макаренко по этому поводу писал: «Едва ли так торжествовали и радовались московские артисты, когда в свое время начинали спектакли в Большом театре»¹.

Вначале А. С. Макаренко, да и все колонисты, на театр смотрели как на развлечение, как на очень хорошее культурное дело для колонистов. Рассчитывали, что благодаря небольшой группе драмкружка, все остальные колонисты общаются к культуре театра. Драматургом, режиссером, актером и даже суфлером в этом театре был сам Антон Семенович Макаренко.

За зиму 1926/27 учебного года в Куражской колонии им. М. Горького было поставлено около 40 пьес.

Артистка Клавдия Борискина, бывшая воспитанница коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, вспоминала: «Антон Семенович не мог спокойно и равнодушно говорить о театре. Он весь преображался. Я на всю жизнь запомнила, как увлеченно работал Макаренко над спектаклями «Дон Кихот» и «Тартюф» в постановке самодеятельного театра коммуны. Его настроение передавалось окружающим...»²

А. С. Макаренко всячески поддерживал элемент импровизации в искусстве. Он поощрял самую широкую самодеятельность, будь то сценическая импровизация, затейливая выдумка, озорная шутка или остроумный розыгрыш, лишь бы все это не выходило за рамки хорошего вкуса и товарищеского такта. Особенно отличался в этом В. Н. Терский (в «Марше 30 года» — Перский).

Так, в спектакле-импровизации по пьесе Протопопова «Черные вороны» действие происходило на территории мо-

¹ Известия АПН РСФСР. — 1952. — Вып. 38. — С. 195.

² Смена. — 1954. — № 7. — С. 20.

настыря, почему и выбрали эту пьесу. Никаких декораций делать не пришлось, налицо была самая настоящая колокольня, кельи — все наследство бывшего куряжского монастыря. Достали самые настоящие монашеские рясы, поскольку в поселке Подворки возле колонии было еще немало бывших монахов. Действие происходило во дворе и на всей территории. Звонили в настоящие колокола, все было, как в до-революционном монастыре. Сюжет был хорошо продуман. В спектакле участвовали мерин Малыш, конюх Силангий, пять педагогов и что-то около сорока ребят. Содержание пьесы Протопопова изменили, обогатили событиями, подработали так, что половина публики уже была вовлечена в игру, и дело разворачивалось очень интересно. В это время в колонию забрел настоящий монах. Он принял спектакль за действительность. Его по-дружески вовлекли в игру и вскоре поставили в такое положение, что он, как человек от природы честный, вынужден был отречься от бога и религии, что он и сделал совершенно искренне и от души.

Публики с Подворок пришло много. Некоторые понимали, что идет спектакль, а некоторые вообще не отдавали себе отчета в том, что происходит. Но понавыдуманно было столько интересного, развертывались такие захватывающие сцены и события, что все смотрели с живым интересом. День был выходной, и спектакль затянулся. Начали с утра и играли до обеда.

Педагоги, готовя спектакль, не выпячивали специально антирелигиозную пропаганду, а как бы выносили ее в подтекст и так удачно, что вскоре стали срывать богослужения в церкви из-за неявки прихожан. Они не задевали религиозных чувств, но вводили в состав действующих лиц трех веселых ребят, которые просто и доходчиво умели рассказать истинную сущность религии. Помимо антирелигиозного, в спектакле очень много было всяких бытовых сцен, происшествий и смешных событий. По самому своему жанру это даже не был спектакль. Это было сугубо массовое мероприятие невообразимого типа. Но цели оно достигало¹.

Необходимо заметить, что все массовые мероприятия в практике А. С. Макаренко были действительно массовыми, не только охватывающими всех, но, по возможности, и активизировавшими действия каждого из охваченных.

Поучительной является организованная А. С. Макаренко работа по культурному обслуживанию населения

¹ См.: Терский В. Н., Кель О. С. Игра. Творчество. Жизнь.— М.: Просвещение, 1966.— С. 62—63.

из соседних сел. В повести «Марш 30 года» рассказывается, как коммунары установили связь с молодежью села Шишговка, вовлекли ее в драматический кружок, регулярно демонстрировали для нее кинокартины, предпосылая им лекции на политические темы. «По вечерам,— писал Антон Семенович,— в коммуне стали появляться новые лица. Их было человек десять, артистическими талантами они, правда, обладали небольшими, но были замечательно усердными и послушными. В сравнении с нашими актерами, не имеющими никогда времени прочесть роль, шишковцы оказали прямо золотом. Перский организовал что-то вроде театральной школы — во всяком случае, каждый вечер шишковцы с десятком коммунаров упражнялись в главном зале в дикции, ритме, позе и прочих театральных премудростях»¹.

Основной ячейкой организации внеклассной работы в коммуне являлись различные кружки. Их было много и фактически они удовлетворяли интерес всех и каждого. Кружки существовали не сами по себе, не тянули каждый в свою сторону, не растаскивали коллектив, а наоборот, сплачивали ребят, педагогов и сотрудников общим делом. Основной идеей кружков была мобилизация общественных свободных сил на дело улучшения производства.

Организационно все они были объединены клубом в одно целое. Вся работа клуба строилась по трем уклонам: 1) клубно-производственный; 2) спортивный и 3) отдыха и общего развития. Так, на зимний период 1930—1931 гг. по первому уклону предлагалась организация пяти кружков (коммунарского станка, материальный, рационализации, организаторов, экономики производства), по второму уклону — четырех кружков (лыжного спорта, конькобежного спорта, военно-стрелковый и подвижных зимних игр), по третьему уклону — четырех кружков (драматический, кружок писателей, природоведческий и библиотечный). К этому же уклону относилась и внекружковая работа, направляемая состязаниями и турнирами: шахматными, шашечными, подвижных игр, ребусника и пр.².

Работа каждого кружка строго регламентировалась как в вопросах содержания, так и в вопросах организации. Широко использовались элементы идейной и материальной заинтересованности ребят тем или иным видом деятельности. В каж-

¹ Макаренко.— Т. 2.— С.

² Там же.— Т. 8.— С. 155—157

дом кружке был руководителем из числа педагогов, зарплата которого прямо зависела от успехов работы кружка. Управление клубной работой осуществлялось через совет старост, к которому придавался избираемый на общем собрании председатель-секретарь. Для специальных задач по клубной работе выбирались отдельные комиссии.

Основным являлся кружок изобразительных искусств, в котором обычно было не менее 120 человек. Рисовали и писали в коммуне очень много. Так, однажды к празднику 1 Мая было написано лозунгов общей длиной в три километра четыреста метров. И сделали это 11 воспитанников за одну ночь (с 12 часов ночи до 6 часов утра).

Многие коммунары очень хорошо рисовали. Выставки работ воспитанников демонстрировались в Харькове и Киеве. В. Н. Терский писал, что «выставки эти имели большой успех. Тематика наших работ была самой разнообразной. На наших картинах были и Щорс, и Пархоменко, и Чапаев перед боем, и Чапаев в бою, и даже Владимир Ильич Ленин, к изображению которого подходили с особой любовью и волнением»¹. Стены клуба-театра, тихого клуба-читальни и других помещений были украшены оригинальными композициями на различные темы и копиями картин великих художников, выполненными колонистами.

Большую помощь любителям живописи оказывала Харьковская художественная академия. Коммунары консультировались и помогали им в работе такие крупные художники, как И. И. Бродский, профессор Прохоров, Козик и др.

На долю изобразительных искусств и черчения в коммуне ложилась очень большая часть идейно-политического воспитания. А. С. Макаренко совершенно не допускал, чтобы где-нибудь висели небрежно выполненные объявления, плакаты, диаграммы, рисунки и др.

В. Н. Терский рассказывал, что в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского выпускали несколько стенгазет. Ежедневно выходила веселая юмористическая стенгазета «Шарошка» (шарошка — это фреза, обрабатывающая деталь резанием). Стенгазета каждый день вывешивалась вдоль коридора. Отдельные ее номера достигали сорока метров в длину, и каждый номер был всегда красочно и интересно иллюстрирован. Иллюстрации занимали не менее половины, а иногда и 9/10 площади газеты.

¹ Терский В. Н., Кель Ю. С. Игра. Творчество. Жизнь.— С. 82.

Два раза в неделю выходила сатирическая, более строгая стенгазета «Резец». К знаменательным датам выходила наиболее солидная газета «Дзержинец». В ней преобладал текст, который Антон Семенович сам печатал на машинке. Каждый номер газеты имел особый, специальный заголовок и 10—15 иллюстраций, выполненных особенно хорошо. Периодически выходила общекommунарская фотогазета. Пионерская организация выпускала газету «Пионер-дзержинец». В цехах завода выпускали стенгазеты — «Электрик», «Оптик», «Колбочка», «Шило», «Ударник» и другие, а в школе раз в неделю выходила общешкольная газета «За отличную учебу» и газеты, которые выпускались классами¹.

В изокружке создавались самые благоприятные условия для разнообразной изобретательской деятельности коммунаров. А. С. Макаренко описывает этот кружок следующим образом: «В изокружке делают все, что угодно, для чего угодно и из чего угодно. В последнее время кружок «заимел» свои инструменты; с самого же начала он пробавлялся тем, что его членам удалось притащить из мастерских. Материал и в последнее время, несмотря на то что отпускаются изокружку и деньги и перевозочные средства, добывается контрабандным способом, потому что материала нужно много, и притом самого разнообразного: дикт, сталь, листовое железо, медь, резина, материя, дуб, гвозди, клей, пух, вата. Одно время увлекались постройкой моделей аэроплана. После того как был поставлен рекорд и аэроплан Ряполова пролетел семьдесят метров, на моделях осталось немного народу. Часть занялась выпилкой, кое-кто остановился на моделях паровой машины и двигателях внутреннего сгорания. Особенно много сил было положено на изобретение и производство военной игры. В настоящее время эта игра имеет несколько вариантов и представляет собой великой важности дело. Для нормальной игры требуется теперь несколько сотен красных и синих металлических пехотинцев, две-три сотни кавалеристов на красивых лошадях, легкая артиллерия, тяжелая артиллерия, десятка три броневиков, санитарных автомобилей, несколько аэропланов, множество пулеметов, приспособления для удушливых газов и дымовых завес, зенитные орудия и многое другое. Игра производится на полу большого зала: на всем пространстве его расставляются леса, проводятся реки и перекидываются мосты, строятся города и прокладываются окопы. С каждой стороны участвуют огром-

¹ См.: Терский В. Н. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко.— М., 1961.— С. 54—55.

ные силы, так как под каждым пехотинцем нужно разуместь целую воинскую часть. Принимающие участие в игре коммунарры получают высокие назначения: один командует кавалерийской дивизией, второй — артиллерийским полком и т. д. Противник уничтожается не условно, а с помощью пушек, пулеметов и броневиков. Правила игры в точности повторяют законы военных действий, победа возможна только при умелом соединении тактических, стратегических и механических средств. Обходы флангов, прорывы, разведка — все принято во внимание. Ребята иногда задерживаются за игрой па полу зала до позднего часа, и приходится принудительно прекращать побоище и требовать от судьи немедленного решения, кто победил»¹.

С начала тридцатых годов изокружок имел четкий секционный рабочий план, составлявшийся на полугодие, с учетом потребностей, запросов и интересов других кружков и коммуны в целом. В плане оставлялась графа, заполняемая в разное время: непредвиденные работы, которые кружок всегда рад был выполнить. Форму плана сочиняли сами и потом совершенствовали, изменяли. Он согласовывался с общим планом работы клуба. План клуба вывешивался в коридоре у главного входа, на перекрестке путей в общежитие, клуб, столовую и читальню. Он писался четко, тушью. В нем указывались точно день, час, место работы каждого кружка, фамилии ответственных за проведение занятий педагогов и коммунаров. Самостоятельная работа в кружках здесь не отмечалась и вообще письменно не регистрировалась. Такой общий план назывался «Расписание внешкольной работы коммуны». Каждый, подойдя к расписанию, мог сразу увидеть, какие кружки занимаются сейчас, какие уже окончили занятия, какие будут еще заниматься сегодня, какие — завтра и т. д. «Мы не были ни писателями, ни поэтами, — вспоминал В. Н. Терский, — но все писали, писали от души бесхитростные частушки, песни, сказки, рассказы и какие хотите произведения; писали, не ожидая, пока станем писателями, писали, кто как мог и умел. Это делало нашу жизнь полнее, интереснее, лучше, веселее. В этих песнях, сигналах жили и крепили наши лучшие традиции»².

Разнообразная внешкольная работа вовлекала всех воспитанников в серьезную творческую работу над собой. В коммуне, как выношенное и мудрое правило, часто повторяли:

¹ Макаренко. — Т. 2. — С. 78—79.

² Терский В. Н., Кель О. С. Игра. Творчество. Жизнь. — С. 93.

**И таланты к споровки —
все идет от подготовки!**

Родным братом изокружка, как писал А. С. Макаренко, являлся ребусник. Он вовлекал в некоторые периоды до ста коммунаров. Когда начинался ребусник, каждый коммунар имел право предложить для него любую задачу, но непременно оригинальную. Художественно оформленный ребусник вывешивался на общем листе, назначалось число очков, которое полагалось за каждое решение. Это число очков делилось между всеми решившими, и такое же число засчитывалось автору задачи. Задачи можно было давать самые разнообразные — от простой арифметической до сложной производственной. Давались и шуточные задачи. Таких задач на ребусном листе появлялось больше двухсот. Наибольшее число очков не давало еще права на первенство. Мало — уметь решать задачи. Нужно быть и физически развитым человеком. Дополнительно устраивалось состязание в разных видах спорта, требующих ловкости и увертливости. Наконец, приходил день, когда в главном зале устраивалось специальное заседание, играл окрестр, и под звуки туша победители получали премии: ножики, книги, инструменты, записные книжки, рисовальные принадлежности, альбомы. Ребусники захватывали всю коммуну. Редколлегии приходилось рассматривать около десяти тысяч решений¹.

В программу эстетического воспитания А. С. Макаренко включал не только пение, музыку, хореографию, литературу, театр, кино и изобразительное искусство, но и красоту одежды, речи и движений, красоту быта, труда и отдыха. Антон Семенович высоко ценил художественную простоту, естественность, чувство меры. Он органически не выносил грубости, бестактности, расхлябанности, рисовки, в чем бы они не проявлялись: в работе, в движениях, в разговоре, поступках. Он постоянно стремился к тому, чтобы обеспечить органическую связь внутренней и внешней красоты человека, единство этики и эстетики. Эстетическое воспитание в макаренковской системе способствовало интеллектуальному росту личности, шлифовке ее эмоционально-волевой сферы. Оно формировало у воспитанников хорошие эстетические вкусы и высокие человеческие идеалы, к которым они стремились не только в период пребывания в колонии или коммуне, но и всю свою последующую жизнь.

¹ См.: Макаренко. — Т. 2. — С. 79—80.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Педагогические проблемы семейного воспитания детей и подростков своими корнями уходят в глубь веков. На всех исторических этапах развития цивилизации семейное воспитание привлекало внимание не только педагогов, но и широких слоев общества. В классовом обществе особая обостренность внимания к этим вопросам в значительной степени объяснялась тем, что школа, как правило, занималась сугубо учебной работой.

Принципиально иная ситуация создалась после Великой Октябрьской социалистической революции. По своему размаху и глубине проникновения во все сферы общественной жизни и производства, по своим подлинно гуманистическим началам она превосходила все, имевшее место до этого в человеческой истории. Октябрьская революция с самого начала была направлена на принципиальное изменение общественных отношений, на решительное обновление производства и прежде всего самого существенного элемента производительных сил — человека. Задача по формированию нового человека с коммунистическим сознанием и моралью принципиально отличала ее от всех других революционных потрясений, изменявших, как правило, только формы и хозяев частной собственности. Октябрьская же революция ставила перед собой цель разорвать и затем уничтожить цепи частной собственности и тем самым создать невиданные прежде условия для действительно свободного и гармоничного развития каждого члена общества.

В первые годы после революции в общественном воспитании детей и подростков много было трудностей и нерешенных вопросов. Поучиться, как воспитывать нового человека, не было у кого. Необходимо было разрабатывать соответствующую систему воспитания в процессе практического воспитания и перевоспитания многомиллионных масс, в том числе и детского населения. Сразу же после революционного переворота семья, как правило, насквозь пропитанная психологией мещанства, также не могла выступать надежным союзником в коммунистическом воспитании.

А. С. Макаренко указывал, что значительные группы «бывшего» общества, не принявшие искренне Октябрьскую революцию, а только подчинившиеся диктатуре пролетариата, остались без определенного мировоззрения, а следовательно,

и без уверенной воспитательной системы. Такая семья перестала быть нужной нам воспитательной средой. Она уже не могла дать ребенку старой моральной нормы, но в то же время еще противодействовала новой. Выпадение несовершеннолетнего из такой семьи — явление вполне естественное и даже социально здоровое, но в некоторых случаях, под влиянием случайных причин, оно приводило к правонарушению¹.

Именно этим объясняется несколько настороженное, а иногда и прямо отрицательное отношение к семье как средству воспитания в первые годы после Октября. Однако постепенно, в меру все большего укрепления социалистических общественных отношений и принципиально нового уклада жизни общества менялась и советская семья. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов в ней появились совершенно новые отношения, соответствующие принципам и нормам социализма.

Н. К. Крупская в 1936 г. писала: «...с каждым днем все более укрепляются новые формы семьи, основанные на глубоком взаимном доверии, чувстве любви, на идейной близости, на естественном влечении»².

А. С. Макаренко исходил из того, что семья является естественным человеческим коллективом и поэтому она должна соответствовать лучшим человеческим законам. Если семью очистить от пагубных наслоений вековой эксплуатации человека человеком, в ней останутся только естественные и простые отражения человеческой культуры, она может вместить в себя самые совершенные формы жизни. Он был твердо убежден в том, что «наша семья становится настоящей школой коммунистической морали», что «семейный коммунизм поведения должен обязательно перерасти в коммунизм общественного поведения. В противном случае мы воспитаем самую жалкую тварь, какая только возможна на свете, — ограниченного патриота собственной квартирки, жаденькую и жалкую зверушку семейной норы»³.

В социалистическом обществе, освобождающем человека от индивидуалистических, частнособственнических цепей старого мира, создаются благоприятные условия для расцвета семьи и усиления ее роли в воспитании подрастающего поколения. В соответствии с Конституцией СССР совет-

¹ См.: Макаренко.— Т. 1.— С. 111.

² Крупская Н. К. Крепкая советская семья // Пед. соч.— Т. 6.— С. 126

Макаренко.— Т. 5.— С. 237.

ская семья находится под защитой государства, заботящегося о ней путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организаций и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье (статья 53). Одновременно на каждого гражданина СССР возлагается обязанность заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества (статья 66). Именно потому, как справедливо отмечал А. С. Макаренко, «никаких детских катастроф, никаких процентов брака, даже выраженных сотыми единицы, у нас быть не должно!»¹

Однако и в наши дни в некоторых семьях случаются и катастрофы, и явные и скрытые конфликты. Обуславливаются они чрезвычайной живучестью все тех же буржуазных пережитков, особенно в области нравственного воспитания. В условиях семьи, да к тому же еще и малодетной, действительно создается благоприятная почва для процветания так называемой «парной педагогики», весьма преувеличивающей значение педагогических бесед. Как справедливо указывал А. С. Макаренко, в условиях «парной педагогики» субъект (отец или мать, вообще воспитатель) и объект воспитания (ребенок) попадают в своеобразную позицию «прямого противостояния»².

А. С. Макаренко указывал, что «советский человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте — родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка»². Задача воспитания состоит в том, чтобы направить это развитие и руководить им. Бессмысленными являются попытки некоторых родителей и педагогов оградить ребенка от влияний жизни, подменяя социальное воспитание индивидуальной дрессурой. Кончается это, как правило, неудачей: или ребенок

¹ Макаренко.— Т. 5.— С. 9.

² Там же.— С. 14.

вырывается из домашних застенок, или вырастает выродок.

В семейном воспитании меньше всего следует полагаться на какие-то педагогические фокусы. А. С. Макаренко резко отрицательно относился к широко распространенному среди родителей заблуждению, по которому хорошее воспитание обуславливается какими-то педагогическими секретами. Такое отношение к воспитательному процессу, полагал он, напоминает поиски секретов черной и белой магии. Действительно, чтобы показать фокус, надо знать его секрет. К тому же фокусы требуют определенной обстановки. Поэтому и родителям иногда кажется, что в воспитании детей нужна какая-то специальная поза, манера держать себя с ребенком, и, главное, сохранять эту позу всегда и неизменно, пока не окончится воспитание. «Все эти заблуждения,— писал он,— нахватаны из обрывков старых и новых педагогических мыслей и предрассудков и хранятся в памяти как рецепт магического бальзама, безусловно, целебного, но применение его требует такого сложного ритуала, что бальзам бездействует, кроме того, и рецепт утерян»¹.

Антон Семенович требовал совершенно отбросить взгляд, что воспитывать могут только посвященные в тайны специальных наук, и поставить воспитание наряду с другими деловыми сферами жизни. «Воспитание,— писал он,— дело трудное, но это прежде всего дело, деловая деятельность, доступная каждому взрослому советскому гражданину. И это деятельность, которой он обязан заниматься, какая бы у него ни была основная специальность»². Воспитание — это большой, напряженный, требующий постоянного внимания труд. Оно требует предельной простоты и искренности, отсутствия какой бы то ни было позы, искусственности и лжи. В него входит сложный процесс формирования отношений между детьми и родителями, отношений, затрагивающих самые глубокие и интимные чувства. Родители никогда не должны угрожать детям, чтобы они их любили. Такая ориентировка на детскую любовь ведет к потере представления, кто кого воспитывает. Дети в таких случаях начинают отвечать родителям вульгарной грубостью типа: «Папка, ты мне надоел», «Мамка, не приставай» и пр.

Родители часто оправдывают недостатки в воспитании своих детей тем, что у них не хватает на это времени.

¹ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т.— Т. 3.— С. 468.

² Там же.— С. 473.

А. С. Макаренко считал такие объяснения совершенно несостоятельными. У таких родителей не времени мало, а «нет чувства ответственности ни перед ребенком, ни перед обществом». Для правильного воспитания ребенка «совсем не нужно какого-то особенного времени и не нужно, главное, много времени. Воспитание требует гораздо больше души, неослабевающего внимания, все растущего чувства ответственности, а не времени. И чем ребенок старше, тем меньше он требует времени и тем напряженнее ответственность»¹.

Решающим фактором успеха семейного воспитания «является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их гражданского долга перед советским обществом. Там, где этот долг реально переживается родителями, где он составляет основу ежедневного их самочувствия, там он необходимо направляет и воспитательную работу семьи, и там невозможны никакие провалы и никакие катастрофы»². Настоящий воспитатель не может существовать вне его деятельности как гражданина, вне его самочувствия как личности.

Собственное поведение родителей — решающий фактор в воспитании детей. А. С. Макаренко указывал, что родители воспитывают ребенка не только тогда, когда с ним разговаривают, поучают его или приказывают ему, но и в каждый момент их жизни, даже тогда, когда их нет дома. «Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями»³.

Значительным вкладом в педагогическую науку является учение А. С. Макаренко о родительском авторитете. В нашей стране родители являются уполномоченными общества в воспитании будущих граждан, за что они и отвечают перед обществом. На этом основываются их родительская власть и их авторитет в глазах детей. Однако воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета немислим воспитатель. И этому

¹ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. — Т. 1. — С. 471—473.

² Макаренко. — Т. 5. — С. 16.

³ Там же. — Т. 4. — С. 63.

же авторитет не требует никаких доказательств; он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая простым детским глазом. Если дети «не слушаются» родителей, это значит, что последние потеряли в их глазах авторитет.

Откуда же берется родительский авторитет, как он организуется?

Многие родители, в особенности те, у которых дети «не слушаются», полагают, что авторитет дается от природы, что это — особый талант. Если же такого таланта нет, то и поделать ничего нельзя. Разумеется, такие родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье.

К сожалению, некоторые родители стремятся организовать свой авторитет на ложных основаниях. А. С. Макаренко дал глубокий анализ различных типов *ложного авторитета*, в том числе: *подавления* — самый страшный сорт, хотя и не самый вредный; *расстояния* — его особенно любили в некоторых старых интеллигентских семьях; *чванства* — особый вид авторитета расстояния, но более вредный; *педантизма* — ярко выраженный бюрократизм в семейных отношениях по принципу «раз я сказал, так и должно быть»; *резонерства* — бесконечные поучения и назидательные разговоры родителей; *любви* — семья погружается в море сентиментальности и нежных чувств; избыточность нежных слов, бескопечных лобзаний, ласки, признаний, что порождает семейный эгоизм; *доброты* — самый неумный вид авторитета, при котором родители готовы пожертвовать чем угодно, только сохранить бы семейный мир, только бы все было благополучно; *дружбы* — чаще бывает в семьях интеллигенции, в которых дружба детей и родителей достигает крайних пределов, и дети начинают воспитывать родителей, взаимоуважение постепенно теряется; *подкупа* — самый безнравственный вид авторитета, когда послушание покупается подарками и обещаниями.

Кроме этих главных типов ложного авторитета, есть еще много и других (веселости, учености, «рубахи-парня», красоты). Но чаще всего родители вообще не думают ни о каком авторитете, а живут как-нибудь, как попало и как-нибудь так, чтобы волюшку воспитания детей. Такие родители всегда мёртвые, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном неведении того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать — другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и паучиться лавировать между папой и мамой. Слу-

чается и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

А. С. Макаренко был твердо убежден в том, что «главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей»¹. Если родители делают свое дело честно и разумно, если они сами всегда дают полный отчет в своих действиях и поступках, то это и делает их авторитетными в глазах своих детей. В таком случае не пужно искать каких-то особых оснований для родительского авторитета, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного. «Действительный авторитет,— писал А. С. Макаренко,— основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание»². Корни родительского авторитета всегда находятся в одном месте: в поведении родителей, включая сюда всю отцовскую и материнскую жизнь — работу, мысль, привычки, чувства, стремления³.

Существенно важно своевременно приучать детей к активному участию в семейном хозяйстве, правильная постановка которого воспитывает коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность к ориентации, оперативности.

Родители должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина.

А. С. Макаренко считал, что хороших людей могут воспитать только счастливые родители. Он писал: «Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлечите ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем»⁴.

Особое значение уделял Антон Семенович раннему воспитанию детей. Он полагал, что в первые два-три года закладывается фундамент не только физического здоровья ребенка, но и основные линии будущей личности, характера, что «успех воспитания человека определяется в младшем возрасте до 5 лет. Каким будет человек, главным образом зависит от того, каким вы его сделаете к пятому году его жизни»⁵. По его мнению, уже с двух лет ребенок должен быть

¹ Макаренко.— Т. 4.— С. 69.

² Там же.— С. 72.

³ См.: Там же.— Т. 5.— С. 104.

⁴ Там же.— Т. 4.— С. 214.

⁵ Там же.— Т. 7.— С. 150.

членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье. Если до 6 лет ребенок воспитывается правильно и в нем воспитаны определенные привычки активности и торможения, то на такого ребенка никто не повлияет плохо.

Социологические исследования показывают, что однопольные семьи в настоящее время составляют около 50 процентов. Слепая, бездумная любовь родителей к своим детям-одиночкам часто приводит к срывам среди части молодежи, в частности, подросткового возраста. А. С. Макаренко справедливо указывал, что в буржуазной семье единственный ребенок не представляет такой общественной опасности, как у нас, ибо сам характер общества не противоречит качествам, воспитанным в единственном наследнике. «Холодная жестокость характера, прикрытая формальной вежливостью, слабые эмоции симпатии, привычка единоличного эгоизма, прямолинейный карьеризм и моральная увертливость и безразличие ко всему человечеству — все это естественно в буржуазном обществе и патологично, и вредно в обществе советском»¹. Именно потому выдающийся педагог считал необходимым проводить активную целенаправленную пропагандистскую работу за уменьшение количества однопольных семей, в которых всегда существуют условия для неправильного морального воспитания детей.

Выступая в Политехническом музее (1938 г.), А. С. Макаренко шутя говорил, что когда-нибудь будет издан такой декрет: у кого родился один сын, а через три года не родился второй — штраф².

Самым пагубным в семейном воспитании, по мнению Аптона Семеновича, является привычка к ссорам и раздражительности, которая, как правило, приводит к несчастной семейной жизни. Раздражительность обуславливается не плохим состоянием нервов, не переутомлением их, а дурной, порочной привычкой «мещанского торгашеского захолустного бытия». Она — признак распушенности и отсутствия дисциплины, порочности мировоззрения. Раздражительность — это порок, являющийся причиной нервных заболеваний, а не их следствием. В избавлении от него не могут помочь ни бром, ни души Шарко. Помочь могут только самодисциплина и глубокое осознание отвратительной антисоциальности этого порока³.

¹ Макаренко. — Т. 5. — С. 76.

² См.: Там же. — Т. 7. — С. 46.

³ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. — Т. 3. — С. 505—510.

Существенным недостатком семейного воспитания является то, что родители часто не задумываются всерьез над тем, кого они хотят воспитать из ребенка, какие качества необходимы ему как советскому гражданину и человеку, какой комплекс качеств. «В данном случае необходимо не общее представление: коммунистическая личность, человек-коммунист, активный строитель... Надо расчленить эти понятия и представить себе совершенно конкретно, из каких элементов, деталей состоит тот идеал человека, которого мы хотели бы воспитать в наших детях»¹. Должна быть не только четкая цель воспитания, но и детализированная и продуманная программа.

Актуальность проблем семейного воспитания обуславливается и тем, что в некоторых семьях «словесная советская идеология мирно уживается с опытом старого типа»². Мещанско-эгоистическая, обывательская психология все еще поражает многие семьи.

В конце 20-х и в начале 30-х годов определенную остроту приобрел вопрос так называемого полового воспитания. Возникали различные проекты его решения. Под влиянием зарубежного опыта вносились предложения организовать с учащимися специальную работу по половому воспитанию, начиная уже с начальной школы. В этих предложениях такая работа в большинстве случаев представлялась в виде санитарно-гигиенического просветительства с осторожными заходами и в традиционно тайные отрасли отношений между лицами различного пола и выходами на окончательный результат этих отношений — создание семьи, рождение ребенка и т. д.

В педагогическом наследии А. С. Макаренко впервые в мировой педагогике дано подлинно научное решение этой проблемы. Великий педагог решительно выступал против попыток отделить половое воспитание в какую-то отдельную, автономную отрасль воспитательной работы. В этих вопросах, по его мнению, «решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом»³. Не специальные методы, а дисциплина и режим обеспечивают надлежащий уровень полового воспитания. Открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рациона-

¹ Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. — Т. 3. — С. 474.

² Макаренко. — Т. 5. — С. 32.

³ Там же. — Т. 4. — С. 104.

листическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым мы иногда встречаемся среди взрослых людей.

В человеческом обществе, а тем более в обществе социалистическом, половое воспитание необходимо осуществлять без чрезмерно откровенного и по существу циничного рассмотрения узкофизиологических вопросов. Половой акт не может быть отделен от всех достижений человеческой культуры, от условий жизни человека, от гуманитарного пути истории, от побед эстетики. «Если мужчина или женщина не ощущает себя членом общества, если у них нет чувства ответственности за его жизнь, за его красоту и разум, как они могут полюбить? Откуда у них возьмутся уважение к себе, уверенность в какой-то своей ценности, превышающей ценность самца или самки?»

Половое воспитание — это прежде всего воспитание культуры социальной личности»¹.

А. С. Макаренко был противником половой свободы в разговорах с детьми на половые темы. Он считал, что «никакие разговоры о «половом» вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опошлят проблему любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным»².

А. С. Макаренко считал, что половое развитие не существует отдельно от всего развития личности, а потому «нельзя половую сферу рассматривать как основу всей человеческой психики и направлять на нее главное внимание воспитателя. Культура половой жизни есть не начало, а завершение. Отдельно воспитывая половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина, воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство, но уже облагороженное основным направлением нашего педагогического внимания»³. По его мнению, половое воспитание — это выработка у личности с детства умения владеть своими чувствами, представлениями, возникающими желаниями, умения вовремя тормозить свои влечения; воспитание того интимного уважения к вопросам пола, которое именуется целомудрием.

¹ Макаренко.— Т. 5.— С. 153.

² Там же.— С. 171.

³ Там же.— С. 172.

А. С. Макаренко решительно выступал против идеи «беззаботного детства». Он полагал, что эта идея «чужда нашему обществу и может принести большой вред будущему»¹. Антон Семенович при этом исходил из того, что гражданином Советской страны может быть только трудящийся. И именно в том, что он трудящийся, и состоят его честь, его радость и его человеческое достоинство.

¹ Макаренко.— Т. 5.— С. 280.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ А. С. МАКАРЕНКО

Широкая общественность нашей страны, да и в зарубежных странах, воспринимает Аптона Семеновича Макаренко не только как крупнейшего педагога эпохи социализма, но и как выдающегося мастера художественного слова. Очень многие люди знакомились и знакомятся с этим именем именно через его художественные произведения.

Путь А. С. Макаренко в литературу чрезвычайно прост и закономерен. Он с раннего детства обнаруживал художественное дарование. Много читал отечественной и мировой художественной классики. Его с детства отличали высокая культура и интеллигентность. Особенно сильное влияние на него оказывало революционно заостренное творчество гласная пролетарской революции Алексея Максимовича Горького.

Жизнь и творчество А. М. Горького стали для А. С. Макаренко на всю его жизнь предметом особого поклонения и подражания. Они многому его научили и, по словам самого Аптона Семеновича, в его культурном и нравственном росте определили все, «сделались источником наших размышлений и работы над собой»¹.

Намерение стать писателем появилось у А. С. Макаренко в ранней молодости. В 1907 г. (а может быть, в 1908 г.) он читал своему другу Е. Ф. Григорович написанный им рассказ, но потом заявил: «Нет, чепуха!» и порвал написанное в клочки. И это несмотря на то, что она всячески поддерживала его стремление писать»².

Е. Балабановичу удалось разыскать некоторые автографы стихов А. С. Макаренко, относящиеся к годам его учебы в Полтавском институте. Это экспромты, записанные в альбом

¹ Макаренко. — Т. 4. — С. 10.

² См.: Проценко В. Крюковские встречи // Нар. образование. — 1963. — № 3. — С. 94.

одной из знакомых Антона Семеновича, сопровождаемы рисунками, в которых даны живые, полные юмора непритязательные картинки учительского быта. Тут и гости, пришедшие в отсутствие хозяев, и товарищеский чай за самоваром, и разговоры про обнова — событие на фоне учительского безделья, и напоминание о неизбежных школьных тетрадях, ожидающих педагога. Одно стихотворение датировано 14 декабря 1914 г., другое — 13 ноября 1915 г. Последнее имело приписку автора: «Прозаик с претензией быть поэтом»¹.

Первое художественное произведение А. С. Макаренко, о котором он упоминал сам, рассказ «Глупый день» был написан в период его работы в Долинской школе. В рассказе отражалось действительное событие автобиографического характера: поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность, а молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением. Рассказ послан, по-видимому, в конце 1915 г. А. М. Горькому в редакцию журнала «Летопись». А. М. Горький прислал Антону Семеновичу собственноручное письмо, в котором отмечал: «Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний попа неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое»².

Товарищеская прямота великого писателя даже порадовала А. С. Макаренко. Без особого страдания он отбросил писательские мечты, но от литературного творчества не отказался. По его инициативе группа студентов стала подпольно издавать сатирический журнал «Институтская щель». Название журнала также придумал Антон Семенович. Он же был и его редактором. Точно в щель, подсматривали самодельные журналисты все достойное осмеяния в жизни института. Как вспоминает один из активных сотрудников журнала А. Ведмицкий, в первом номере было помещено большое прозаическое произведение Антона Семеновича. К сожалению, номера «Институтской щели» до сих пор не разысканы.

После Октября одну из важнейших своих задач А. С. Макаренко и усматривал в расчистке пути к педагогическому прогрессу от старых завалов, от всевозможных традиционных педагогических предрассудков. Это и вынуждало его, наряду с тяжелейшей практической работой по руководству столь не-

¹ См.: Валабанович Е. Пути к культуре // Нар. образование. — 1963. — № 3. — С. 25.

² Цит. по: Макаренко. — Т. 4. — С. 12.

обычными учебно-воспитательными заведениями, каковыми являлись колония им. М. Горького и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, уделять много внимания творчеству в области педагогической теории. В начале 20-х годов он написал ряд важных работ, которые со временем заняли достойное место в сокровищнице золотого фонда советской педагогики. Уже в этих ранних произведениях А. С. Макаренко, имеющих сугубо деловой, научный характер, ощущаются макаренковский стиль, его удивительная простота изложения и искрометный юмор, позволяющий практически каждому проникнуть в сущность весьма сложных педагогических явлений.

Многие педагоги и воспитатели часто просили А. С. Макаренко дать им в письменном виде инструкцию, обобщающую опыт педагогической работы в колонии им. М. Горького. Эти просьбы были особенно настойчивыми, когда Антон Семенович работал в Управлении детколониями (конец 1927 г. — начало 1928 г.). Об этом его просили и его ближайшие сотрудники.

В конце 20-х и в начале 30-х годов А. С. Макаренко написал много статей и выступлений научно-педагогического характера, в которых закладывались основы принципиально новой марксистско-ленинской педагогики. К сожалению, большинство из них в то время не были опубликованы и стали известны педагогической общественности страны только в конце 40-х — начале 50-х годов.

В 1925 г. на письменном столе А. С. Макаренко появилась продолговатая, вроде телефонной, записная книжка, в которую он заносил самые яркие впечатления дня. Получался своеобразный дневник. Так началась работа над будущей, самой дорогой ему книгой — «Педагогической поэмой», ставшей поэмой всей его жизни, чем-то священным для него.

Первые начерно написанные главы поэмы были готовы уже в 1927 г. Один из самых близких его помощников Н. Э. Фере вспоминал по этому поводу: «Когда мы праздновали годовщину нашего переезда из Полтавы в Куряж, вечером на товарищеском ужине Антон Семенович вдруг признался, что он «литературно оформляет различные эпизоды из жизни колонии», но тут же сказал, что еще не представляет себе, какова будет окончательная форма его литературных набросков. Ознакомить нас с написанными страницами он не захотел из опасения, что «действительные лица, узнав себя в литературных героях, перестанут быть по-обычному простыми и искренними». Это было в мае 1927 года»¹.

¹ Фере Н. Э. Мой учитель // Воспоминания о Макаренко: Сб. — С. 177.

К концу 1927 г. у А. С. Макаренко, по его словам, собрался богатейший материал, но он все не решался приступить к книге, ему все казалось, что он еще не готов быть писателем. Решающим стимулом к писательской творческой деятельности послужили для А. С. Макаренко встречи и беседы с А. М. Горьким. Рассказывая о них начинающим писателям, он говорил: «Алексей Максимович моей колонией интересовался исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины. Алексей Максимович сказал:

— Вы должны писать обо всем этом. Нельзя молчать. Нельзя скрывать то, к чему вы пришли в вашей трудной работе. Пишите книгу.

Я этот завет Алексея Максимовича принял как директиву и немедленно, как только он уехал, начал писать. Первую часть «Педагогической поэмы» я написал очень быстро, в два месяца, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы в колонии, несмотря на то, что мои враги выгнали-таки меня из колонии»¹.

«Педагогическая поэма» — одно из самых крупных произведений А. С. Макаренко. В ней почти с документальной точностью отражена разносторонняя деятельность принципиально нового учебно-воспитательного заведения, ставившего своей задачей воспитание нового человека, человека с коммунистическим мировоззрением, отвечающего идеалам Великой Октябрьской социалистической революции. Задача усложнялась тем, что здесь воспитывались не обычные дети и подростки, а беспризорные и правонарушители. Большинство из них, прежде чем попасть в колонию, скитались по миру, как бездомные бродяги, неоднократно сталкивались с самым разнообразным человеческим горем и несправедливостью, а многие из них становились на путь воровства, хулиганства и разбоя. В книге показано, как в этих необычных условиях зарождалась и развивалась методика коммунистического воспитания детей и молодежи — принципиально новая страница педагогической теории и практики — и какие блестящие воспитательные результаты она дала.

В копии им. А. М. Горького А. С. Макаренко последовательно внедрил марксистско-ленинские установки по вопросам коммунистического воспитания, образования и обучения подрастающего поколения. Он один из первых весьма удачно реализовал на практике важнейший принцип социалистиче-

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 178.

ской школы, предельно четко сформулированный К. Марксом и В. И. Лениным — об органическом соединении обучения с производительным трудом учащихся.

Над «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко работал около 10 лет (1925—1935 гг.). Это были годы мучительных поисков наиболее удачной формы изложения материала, отбора необходимых фактов из жизни колонии им. А. М. Горького, которые бы полно отражали выработанную здесь педагогическую платформу подлинно коммунистического воспитания детей и подростков. Работу над книгой он продолжал и в дальнейшем. В каждое прижизненное издание ее он вносил уточнения и изменения.

В книге описаны события, происходившие в 1920—1928 гг., то есть в первый период развития Советского государства, когда совершалась принципиальная реконструкция всего народного хозяйства, науки, культуры и просвещения на принципах социализма. Именно в этот период шла острая борьба за становление и развитие советской педагогики. Вполне закономерным являлось то, что вначале он хотел написать педагогический памфлет, направленный против различных «архиреволуционных» или откровенно консервативных течений в педагогике (педологов, сторонников «свободного воспитания», теории «отмирания школы» и др.). Впоследствии в беседе с начинающими писателями (1938 г.) он говорил: «Работая над первой частью поэмы, я все же был уверен, что пишу педагогический памфлет, что никакого отношения эта работа к художественному творчеству не имеет»¹.

А. С. Макаренко никогда не занимал сугубо оборонительной позиции. Наоборот, он активно пропагандировал свои педагогические находки, отстаивал их право на жизнь и развитие. С особой непримиримостью он боролся против педологии.

Постепенно развенчание педологии отошло на второй план, стало попутной задачей. Главное же внимание А. С. Макаренко направлял на решение более важных и принципиальных задач марксистско-ленинской педагогики. Это породило у него потребность писать не памфлет, а произведение иного жанра. Он полагал, что «художественная форма будет более привлекательной для читателя и окажет более сильное и более длительное влияние»². И он решил написать роман. В многочисленных подготовительных материалах к «Педагогической поэме» он неоднократно говорит о романе. Сохра-

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 178.

² Там же.— С. 98.

нившийся развернутый план книги также свидетельствует о том, что его увлекала идея создать именно роман.

В первой части этого романа он предполагал показать «личное озлобление сильной личности», «рабочее презрение к погибающему миру», «глубокую ненависть к старой России», презрение к человеческой «глупости, дидактизму, развивающемуся бюрократизму». Его главный герой отличался глубоким чувством долга и особой чуткостью к шкурничеству, презрения «к семье и родовому инстинкту».

Во второй части главный герой должен был заниматься воспитанием детей. Здесь же он встречается с Б. (по-видимому, главной героиней романа — Н. Я.). Планировалось показать «попытки увлечь людей». Главная идея этой части — «нужно к людям относиться терпимее».

В третьей части предполагалось показать «новую уверенность в ценности человека и совершенно неожиданное проектирование в области положения человека в обществе». И хотя люди остаются с прежними недостатками, но они могут бороться за будущее. Главной идеей этой части являлось положение о том, что «большие броски в будущее человечны».

Как видно из плана, предполагался роман автобиографического характера. Об этом свидетельствует и то, что уже в первой части предусматривалось показать «последние отзвуки потерь, брат, мать»¹. Позже, когда уже завершалась работа над книгой (февраль 1935 г.), А. С. Макаренко в одном из писем к А. М. Горькому писал: «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным»².

О содержании предполагаемого романа известный исследователь художественного наследия А. С. Макаренко Б. О. Костелянец писал: «На фоне революционной эпохи и истории колонии для правонарушителей должно было происходить формирование характера интеллигента, возглавляющего коллектив. Герой романа, человек большой воли и работоспособности, противопоставлен интеллигентам «болтающим и слюнявкам». Сливаясь с «замечательной стихией» растущего коллектива, он отказывается от личной жизни. Однако встреча с героиней, женщиной незаурядной, заставляет его задуматься над «ценностью отдельной личности». Поэтому в последней части романа должна быть дана «сверкающая гармония двух людей, представляющих целое, живое целое, ценное на зем-

¹ См.: Макаренко.— Т. 3.— С. 491.

² Там же.— Т. 4.— С. 264.

ле». Весь роман в таком случае подчинился бы «мысли о новой семье, о новом человеке, о новом элементе человеческого коллектива»¹.

Разумеется, и такой роман имел бы право на существование. Он мог бы быть и увлекательным и ценным как с художественной, так и с педагогической точки зрения. Однако уже довольно скоро А. С. Макаренко понял, что замысел создать роман не позволял ему показать главного: формирование большого человеческого коллектива как фактора подлинно коммунистического воспитания каждого его члена. По мере работы над книгой он все более осознавал, что его главный герой — не личность, а коллектив. Уже в конце 1928 г., сообщая А. М. Горькому о том, что он «занят книгой, которую почти закончил» и в которой он стремился «изложить свою воспитательную систему», А. С. Макаренко называет ее «Педагогической поэмой»². Но окончательно отказался от мысли писать роман только в середине 1930 г.

По мнению Б. О. Костелянца, книга А. С. Макаренко представляет собой срединное явление между романом и эпосей. «Хотя элементы памфлета и элементы романа занимают здесь свое место, в ней преобладает все же эпическое начало. Ведь революционная эпоха открыла путь к возрождению эпоса, вызвав к жизни ряд произведений, в которых восставшая народная масса поэтически утверждалась как главный герой истории»³.

Двигаясь от «памфлета» и «романа» к «поэме», А. С. Макаренко свободно, смело и непринужденно прибегал к образам и ассоциациям, к понятиям и словам, имеющим различное происхождение и различную стилистическую окраску. Он сплавляет воедино живую разговорную речь с научной и философской терминологией, обороты старинные и самоновейшие. Памфлетное, публицистическое начало здесь контрастирует с лирическим, беспощадная сатира соседствует с доброжелательным, тонким юмором человека, верящего в жизнь и умеющего видеть, как в разных ее проявлениях прорастает новое, здоровое и яркое, сбрасывая с себя все отмирающее и уходящее в прошлое. Книга проникнута пафосом борьбы и подвига, любви к человеку и веры в творческие силы советского трудового коллектива, пафосом жизнеутверждения.

¹ Костелянец Б. «Педагогическая поэма» А. Макаренко.— М.; Л., 1963.— С. 12—13.

² Макаренко.— Т. 1.— С. 249.

³ Костелянец Б. «Педагогическая поэма» А. Макаренко.— С. 17.

Значительный интерес в этом плане представляют воспоминания Н. Э. Фере. В начале 1929 г. перед отъездом с экспедицией в донецкие степи он заехал к А. С. Макаренку в комнату им. Ф. Э. Дзержинского. Антон Семенович сообщил ему о своем намерении серьезно заняться литературной работой, и в связи с этим он долго беседовал с Н. Э. Фере о различных эпизодах из жизни колонии им. М. Горького, восстанавливая в памяти многие детали и подробности. У него уже был составлен план будущей «Педагогической поэмы», а некоторые главы и написаны.

По приезде из экспедиции (декабрь 1929 г.) Н. Э. Фере сразу же встретился с А. С. Макаренку. В течение нескольких дней Антон Семенович прочел всю первую часть и некоторые главы второй части книги. «Мысль назвать ее «Педагогической поэмой» была выношена Антоном Семеновичем уже давно, — вспоминал Н. Э. Фере, — но он просил нас высказать свое мнение и о других возможных названиях. Мне запомнились некоторые из них: «Горьковцы», «Из жизни колонии имени М. Горького», «Педагогика в жизни», «Рождение советского гражданина»... Однако после долгих раздумий Антон Семенович остановился на первоначальном названии — «Педагогическая поэма», потому что оно наиболее полно отвечало основному замыслу книги — показать значение творческого труда советского педагога...¹

Первая часть «Педагогической поэмы» и написанный совместно с Н. Э. Фере очерк «На гигантском фронте» весной 1930 г. были переданы в Гослитиздат Украины. Ответ оказался совершенно неожиданным: очерк издательство одобрило без всяких возражений (он вышел на украинском языке летом 1930 г.), а «Педагогическую поэму» отвергло под предлогом ее дискуссионности.

Весной 1931 г. А. С. Макаренко попытался опубликовать «Педагогическую поэму» в Москве. Однако и московское издательство, прежде чем решать вопрос по существу, запросило представить отзыв о рукописи Наркомпроса Украины. Антон Семенович не стал обращаться с такой просьбой в Наркомпрос, ибо ему было совершенно ясно, что те, кто признал педагогическую систему Макаренко «несоветской», никакой визы на издание его книги не дадут.

Впервые «Педагогическая поэма» появилась в свет благодаря усилиям А. М. Горького. Она была опубликована по частям в книгах: первая часть — Год XVII: Альманах тре-

¹ Фере Н. Э. Мой учитель // Воспоминания о Макаренку: Сб. — С. 204—205.

тий.— М.: Сов. лит., 1933.— С. 59—218; вторая часть — Год XVIII: Альманах пятый.— М.: Гослитиздат, 1935. С. 5—168; третья часть — Год XVIII: Альманах восьмой.— М.: Гослитиздат, 1935.— С. 130—337. Вслед за первым изданием «Поэмы» Гослитиздат выпустил второе и третье издания (второе: первая часть — 1934 г., вторая — 1935 г., третья — 1936 г.; третье: первая и вторая части — 1935 г., третья — 1937 г.). Полностью «Поэма» вышла в том же Гослитиздате в 1937 г. В 1935 г. «Педагогическая поэма» вышла на украинском языке.

С рукописями всех трех частей «Педагогической поэмы» первым ознакомился А. М. Горький. Он очень внимательно и с большим одобрением относился к этому труду А. С. Макаренко, являясь его первым критиком и советчиком. Так, 25 сентября 1933 г. А. М. Горький написал А. С. Макаренко: «На мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии не видно»¹.

Благодаря поддержке выдающегося советского писателя первая часть «Педагогической поэмы» уже в декабре 1933 г. была подписана к печати в редактировавшемся А. М. Горьким журнале «Год XVII: Альманах третий», который вышел в свет в начале 1934 г. Однако поскольку альманах не хотел печатать больше девяти печатных листов², то автору пришлось провести значительные сокращения текста (всего около четырех печатных листов), о чем он сожалел и в одном из писем к А. Горькому (7 марта 1934 г.) писал, что «места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет»³. Такого же мнения был и А. М. Горький. Он писал А. С. Макаренко (14 марта 1934 г.), что «рукопись Ваша сокращена по недоразумению, сократить нужно было не ее. Но я живу за городом и — «не досмотрел», и поддерживал А. С. Макаренко в желании издать первую часть отдельной книгой, «включив, конечно, выпавшие четыре листа»⁴.

¹ Цит. по: Макаренко.— Т. 1.— С. 256.

² См.: Там же.— Т. 7.— С. 7.

³ Там же.— Т. 1.— С. 258.

⁴ Там же.— С. 257.

Весьма напряженно работал А. С. Макаренко над второй частью «Поэмы». Ознакомившись с первым ее вариантом, А. М. Горький упрекал автора в том, что она «значительно менее «актуальна», чем первая». И хотя великий писатель положительно оценивал юмор, веселый тон части, но придирчиво отнесся к тому, то «пад работой с людьми и землей преобладают «разговоры». А. М. Горький советовал не снижать серьезнейшее тематическое и историческое значение социального опыта, проделанного колонией, освещать события не только словами, но и фактами, «внимательно прочитав и местами сократить, а кое-где дополнить рукопись»¹.

А. С. Макаренко вычеркнул из рукописи текста около двух печатных листов, в некоторых местах расширил изложение. В письме к А. М. Горькому (18 сентября 1934 г.) он предельно четко изложил свои исходные педагогические позиции и направленность всех трех частей «Педагогической поэмы». Он писал, что его педагогической верой является то, что «педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем», что всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты данного этапа, всегда будет порочным. Он утверждал, что в «коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить...»²

Эти положения и стремился воплотить А. С. Макаренко в «Педагогической поэме», показав, как он, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Главной его установкой являлось: «коллектив должен быть живой; и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются»².

Во второй части Антон Семенович сознательно не ставил перед собой темы переделки человека, полагая, что переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида является темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Именно потому он задался целью изобразить главный инструмент воспитания — коллектив, и показать диалектичность его развития. Инструментовка коллектива представлялась в следующих параметрах: 1) пролетар-

¹ Цит. по: Макаренко.— Т. 1.— С. 259—260.

² Там же.— С. 261.

ская классовая направленность — отрицание индивидуально-крестьянского хозяйства; 2) превалирование интересов коллектива над интересами личности; 3) дисциплина; 4) бодрость; 5) коллективный труд и хозяйство; 6) образовательный и культурный процесс; 7) настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Кондратьевна); 8) стремление вперед, обязательное развитие; 9) традиции, в том числе и внешние; 10) эстетическое оформление жизни. Все эти параметры получили достаточно полное и убедительное раскрытие во второй части книги (в определенной мере они раскрываются и в первой, и в третьей частях «Педагогической поэмы») ¹.

В третьей части А. С. Макаренко показывает коллектив в действии: «в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан» ¹. Автор показывает, что массовое перевоспитание большого количества людей осуществляется силами коллектива и легче и быстрее. В этой же части показывается и сопротивление новому отдельных лиц из Наркомпроса республики и Научно-исследовательского института педагогики Украины (Олимпа). Если во второй части изображаются только первые предчувствия, первые дыхания борьбы, то здесь она доходит до своего предела. Нападение наркомпросовцев на работу А. С. Макаренко было вызвано, по его мнению, именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части А. С. Макаренко показывает и то, как «здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (двержинцы).

При подготовке к изданию «Педагогической поэмы» отдельной книгой в 1937 г. А. С. Макаренко, учитывая советы и пожелания А. М. Горького, внес значительные изменения (дополнения и сокращения) в текст по сравнению с текстом, опубликованным раньше. Причем сокращения в большинстве случаев проводились с целью улучшить художественные качества книги, устранить излишнюю ее назидательность и дидактизм. Однако эти купюры представляют несомненный научный интерес. Они опубликованы Н. А. Сундуковым в «Известиях Академии педагогических наук РСФСР» (1952. — Вып. 38. — С. 151—229).

Существует большое количество различных авторских вариантов отдельных глав и их частей, фрагментов. Многие из них, не вошедшие в окончательно отработанный текст книги, представляют значительный художественный и научно-педа-

¹ См.: Макаренко. — Т. 1. — С. 261.

гогический интерес. Часть из них опубликована в качестве приложения к третьему тому восьмитомного собрания Педагогических сочинений А. С. Макаренко (с. 460—477).

Заслуживают пристального внимания педагогической теории и практики изложенные мысли А. С. Макаренко по различным аспектам коммунистического воспитания. Особое ударение он делал на значении перспективы в жизни коллектива. «Учение о перспективе, — писал он, — сделается когда-нибудь самым важным отделом коллективного воспитания и жизни коллектива вообще»¹. Красоту человека он усматривал в его отношении к будущему. «Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, тем он невзрачней, обыкновенней, иногда тем он гаже. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для него перспективами личными, тем человек красивее и выше»¹. Организация будущего и претворение перспектив с личных форм на формы общественные он считал главной своей работой, как и главной проблемой системы коммунистического воспитания вообще. «Правильно воспитывать коллектив, — писал Антон Семенович, — это значит окружить его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образ завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшний день»².

Весьма актуальны взгляды А. С. Макаренко на хозрасчет в ученическом производстве и на заработную плату учащихся. Он был убежден в том, что зарплата не потому только повышает производительность труда, что человек хочет как можно больше заработать, но главным образом потому, что представление о будущем заработке и связанных с ним перспективах неизменно повышает общее ощущение личности, ее энергию, улучшает ее отношение к миру.

А. С. Макаренко полагал, что у многих педагогов наблюдается «гипертрофия силлогизма». Они исходят из того, что если первое средство хорошее, а второе плохое, то, следовательно, нужно употреблять первое средство. Но почему оно пазывается хорошим, они не проверяют, результаты его не исчисляют. Зачастую оказывается, что оно хорошее только потому, что в его словесном определении есть два-три хороших слова: человек, труд, коммунизм. Он был твердо убежден в том, что «представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий просто неграмотно.

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 471.

² Там же.— С. 472.

Сказать, что это средство хорошо, а это плохо — просто безобразно»¹.

А. С. Макаренко с сарказмом высмеивал бюрократические порядки системы просвещения, в особенности чиновников из финотдела, которых он представил в образе Кащея Бессмертного, зорко следившего за тем, чтобы выдаваемые деньги были «именно истрачены, проедены, прожиты в той норме бедности, которую он считал наиболее подходящей». Он обрекал заведующих колониями на хозяйственную безынициативность, делал их существами недолговечными. «Одни из нас,— писал Антон Семенович,— погибали от непосредственной бедности, замученные бурьяном забот и обследований, их десятками проглатывали кооперативные, торговые и иные организации, других в самые первые моменты после рождения подала мамаша, родившая их,— есть такие мамыши, и такой мамышей часто бывал Наркомпрос, третьих клевал Кащей Бессмертный, четвертых клевали иные птицы. Очень немногие выживали и продолжали ползать на софросовских листьях, но из них большинство предпочитало своевременно окуклиться и выйти из кокона нарядной бабочкой в образе инспектора наробраза или аспиранта педагогических наук. А таких, как я, были сущие единицы, и во всем Союзе, может быть, я второй-третий человек, восемь лет просидевший на беспризорной капусте»².

Выступая с публичной лекцией в Политехническом музее (21 апреля 1938 г.), А. С. Макаренко говорил, что в «Педагогической поэме» он хотел сказать три вещи: во-первых, что даже те люди, которые считаются отбросами в капиталистическом обществе, у нас в Советском Союзе складываются в великолепные коллективы, которые должны поражать своей красотой, потому что это новые, свободные трудовые человеческие коллективы; во-вторых, хотел показать этого, так называемого правонарушителя, в том освещении, в каком он его сам видел, показать его как человека, прежде всего как хорошего человека, милого, простого, вызвать симпатию к нему у общества, хотел, чтобы общество так же ему верило, как верил и он; в-третьих, он хотел поставить ребром вопрос о стиле, о тоне советского воспитания, что человека нужно не лепить, а ковать, то есть создать такую цель упражнений, цель трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек³.

¹ Макаренко.— Т. 3.— С. 476.

² Там же.— С. 473.

³ Там же.— Т. 7.— С. 39.

Упомянутый нами ранее Н. В. Петров, оказывавший значительную шефскую помощь коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в области эстетического воспитания, в своих воспоминаниях по поводу «Педагогической поэмы» писал, что это «настолько правдивая и откровенная книга, она так чужда литературной выдумке, что невольно преклоняешься перед величием человека Макаренко, который не боится рассказать правду не только о людях, его окружающих, но и о самом себе. Суровая и жестокая правда — вот чем пронизана вся «Педагогическая поэма», вот на каком фундаменте построена педагогическая система Макаренко. Правда, труд и радостная перспектива — вот три кита практической деятельности коммуны»¹.

О жизни беспризорных детей и молодых правонарушителей имеется обширная литература. Так, в 20-х годах главное внимание сосредотачивалось на их необычности, остроумности и привлекательности. Беспризорный быт в ней «романтизировался». В повести А. Кожевникова «Продавец счастья» (1924 г.), в его рассказах (книга «Шпапа», 1925 г.) воссозданы весьма мрачные и бесперспективные картины. Тяга к «воле» и ожесточающая власть улицы предстают здесь как силы фатальные и непреодолимые.

Тяжелое впечатление оставляет и рассказ Л. Копыловой «Химеры» (1928 г.). Она изображает интернат для беспризорных детей, пытаясь доказать, что в воспитании этих ребят самым главным является преодоление «шкурного интереса». Однако ни о каком «преображении» здесь речь не идет.

Представляет несомненную художественную и научно-педагогическую ценность рассказ Л. Сейфуллиной «Правонарушители» (1923 г.), передающий атмосферу и обстановку первых послереволюционных лет. В повести А. Гайдара «РВС» (1925 г.), в рассказе Л. Паптелеева «Часы» (1928 г.) проявляется уже новый подход к теме беспризорности, свободный от идеи фатальной власти улицы над человеком, отвдавшим ее сомнительные прелести.

Однако наиболее полно и жизнеутверждающе проблема перевоспитания беспризорника раскрыта в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко. Он первый подошел к этой теме строго научно. Руководствуясь марксистско-ленинскими установками в области коммунистического воспитания, образования и обучения, он теоретически обосновал и реализовал в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского высокоэффективную систему всестороннего и гармонического

¹ Петров Н. В. А. С. Макаренко // Воспоминания о Макаренко: Сб. — С. 319.

развития личности, формирования у нее глубоких коммунистических убеждений.

Следует указать и на то, что разработанная А. С. Макаренко педагогика и методика коммунистического воспитания не ограничивается узкими рамками только проблем воспитания беспризорных и «трудных» ребят. Она имеет всеобщее значение, являясь основоположным фундаментом социалистической педагогики. Основные положения и установки этой педагогики достаточно полно и убедительно раскрыты в «Педагогической поэме».

«Педагогическая поэма» — эпохальное произведение периода строящегося социализма. Высочайшую оценку этой книге дал известный французский писатель Луи Арагон. В статье «Молодые люди» он писал: «Я не знаю ни одной книги на свете, которая была бы написана с такой свободой, книги, так смело выдерживающей любой анализ, иными словами — представляющей столь нерасторжимое соединение всего того, что хотел скомпоновать и слить в одно целое автор. Я думаю, ни одна история всеобщей литературы, даже самая пристрастная, даже отмеченная антисоветскими предубеждениями, не сможет отныне обойти молчанием «Педагогическую поэму», не нарушая приличий. Ибо книга эта беспрецедентна; это книга нового типа. И с этим нельзя не считаться. Ничто не в силах остановить ее заражающего влияния, и ничто не может лишить ее будущего. Именно потому, что она написана так свободно, в смысле свободы письма, свободы изложения и просто фантастической свободы в сфере моральной. Я не знаю книги более свободной от ханжества»¹.

Добавлять еще что-то к этой оценке «Педагогической поэмы» нет необходимости. Этому произведению, излагающему основы педагогики новой общественной формации — социализма, суждено бессмертие.

О коммуне им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко в начале 30-х годов написал несколько произведений. Первую книгу этого цикла «Марш 30 года» он написал в 1930 г. В 1932 г. она вышла небольшим тиражом и критикой фактически была не замечена. Сам Антон Семенович также не придавал этой книге особого значения. И вдруг, не зная о том, что она уже вышла в свет, он получает письмо от А. М. Горького (17 декабря 1932 г.), в котором Алексей Максимович сообщал, что он с большим интересом прочитал книжку

¹ Арагон Л. Собрание сочинений: В 11 т.— Т. 10.— М.: Гослитиздат, 1961.— С. 505.

«Марш 30 года». В частности, он писал: «Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книжкой. Вероятно, А. М. Горького напишу о ней»¹.

Это письмо А. М. Горького и оценку им книги «Марш 30 года» А. С. Макаренко называл самым важным событием в его жизни¹. Отвечая на это письмо, он писал: «А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается перьяшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрываю, писать приходится все в том же «кабинете»².

В марте — апреле 1932 г. А. С. Макаренко писал повесть «ФД-1». Первоначально она мыслилась писателем как третья часть «Педагогической поэмы», но вскоре он отказался от этой идеи и рукопись представил в издательство. Однако книга в то время не была опубликована*. Работая впоследствии над повестью «Флаги на башнях», он частично использовал материал этой рукописи.

Наиболее полно жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского показана в его повести «Флаги на башнях». По поводу начала работы А. С. Макаренко над этой повестью нет единой точки зрения среди макаренковедов. В комментарии к 6-му тому восьмитомного издания педагогических сочинений А. С. Макаренко читаем, что он начал работу над этой повестью весной 1937 г. Причем первоначально он думал написать роман «Ворошиловцы». 25—30 апреля 1937 г. был составлен примерный список действующих лиц, выработан общий план книги, произведена подборка материала по ее отдельным частям, началась разработка сюжета и эпизодов первой части. Затем в работе наступил перерыв. Она была продолжена только в

¹ Цит. по: Макаренко. — Т. 1. — С. 253.

² Там же. — С. 254.

* Впервые она была опубликована в 4-й книге Избранных педагогических сочинений А. С. Макаренко (М., 1949). Отрывки из нее печатались в журнале «Советская педагогика» в 1944 г. в № 5—6.

марте — апреле 1938 г. в Малеевке и в Москве. «Флаги на башнях» представлены также в рукописи А. С. Макаренко под названием «Колонисты: Роман», датированной 8 января — 18 марта 1938 г. Здесь впервые появляется сочетание «Флаги на башнях» в качестве наименования 10-й главы первой части, которое стало затем названием 17-й главы третьей части и всего произведения в целом¹.

Н. П. Нежинский указывал на то, что работу над этой книгой А. С. Макаренко начал еще в 1936 г., но затем временно приостановил ее, так как хотел сначала закончить «Книгу для родителей»².

Однако имеются свидетельства, что работу над повестью «Флаги на башнях» А. С. Макаренко начал еще в 1935 г. З. Д. Васильковская, работавшая с весны 1934 г. библиотекарем в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, вспоминает, что осенью 1935 г. в присутствии всего недколлектива коммуны и своих друзей Антон Семенович читал отдельные главы из повести «Флаги на башнях». Картины жизни коммуны были восприняты с восхищением. Здесь же произошло обсуждение прочитанных глав³.

Повесть «Флаги на башнях» впервые была опубликована по частям в журнале «Красная новь» в 1938 г. (№ 6, 7, 8). Она является своеобразным литературным памятником трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Как и большинство произведений А. С. Макаренко, повесть основана на документальном материале и имеет автобиографический характер. Разумеется, поскольку это художественное произведение, здесь имеются и обобщение, и типизация, и художественный вымысел.

В образе флагов на башнях олицетворяются советский энтузиазм, героическая борьба за социализм, сущность коммунистического воспитания, его жизнеутверждающий социалистический гуманизм и педагогический оптимизм, высокие стремления коллектива к новым завоеваниям в преображении мира на коммунистических началах. Писатель отразил в этом произведении свою убежденность в том, что в нашей стране подвиг сделался необходимым признаком этической нормы советского гражданина, что «только в социалистических условиях общественной жизни у человека вырастают настоящие

¹ См.: Макаренко. — Т. 6 — С. 365.

² См.: Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы. — С. 101.

³ См.: Васильковская З. Д. Таким мне запомнился А. С. Макаренко // Рад. шк. — 1958. — № 3. — С. 52.

крылья, и вырастают они у всего народа, обрадованного возможностью развернуть и расправить плечи»¹.

Общий замысел произведения, его идейно-художественную направленность А. С. Макаренко охарактеризовал в плане сценария «Флаги на башнях», написанном в Ялте весной 1938 г., следующим образом:

«Основная тема. Борьба детского коллектива (советского коллектива) за человека, за культуру, за новую жизнь и одновременно с этим за новую культуру воспитания.

Подтемы: а) рост и социализация отдельной личности разной степени сопротивляемости; б) рост и организация коллективных связей, новой дисциплины, новых стремлений; в) рост общественной ценности коллектива; г) рост и упражнение — изобретение новых педагогических приемов, материализация педагогики*; д) общий мажор, радость советской жизни; е) рост материального богатства и культуры; ж) никаких нервов не нужно.

Сюжет. Сюжет заключается в переплетении нескольких лиц, которые в конце концов находят свою личность в коллективе**. Эти лица составляют основную группу взаимно сталкивающихся людей, тянущихся друг к другу и взаимно отталкивающихся»².

Предельно четко тему повести «Флаги на башнях» изложил А. С. Макаренко в своем открытом письме товарищу Ф. Левину, написанном в последние дни жизни писателя. Свою тему он определял следующим образом: «Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой — социалистической, — детский коллектив, в котором срывы и катастрофы невозможны»³. Темой всей книги являлось «счастье и поэзия детской жизни». Писатель ставил перед собой цель «изобразить счастье в борьбе, в коллектив-

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 190.

* Материализация педагогики — выражение, которым А. С. Макаренко обозначал овладение диалектико-материалистическим подходом к познанию педагогических явлений.

** Одно из проявлений в теоретическом наследии А. С. Макаренко известного тезиса К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность восторженнейшего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 75).

² Макаренко. — Т. 6. — С. 363.

³ Там же. — Т. 7. — С. 206—207.

ных напряжениях, в требовательной и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной»¹.

Повесть «Флаги на башнях» завершала цикл художественных произведений о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. По своему содержанию, манере изложения и даже основным героям она очень близка к таким произведениям А. С. Макаренко, как «Марш 30 года», «ФД-1», «Мажор», которые фактически являлись лишь подготовительными вариантами к этой самой значительной (после «Педагогической поэмы») художественной книге выдающегося педагога. Многие ее образы (Воленко, Зырянский, Филька, заведующий производством Соломон Давидович, инженеры Воргунов, Комаров, Григорьев), эпизоды из истории строительства завода были просто позаимствованы (иногда с некоторыми изменениями, а иногда и без существенных изменений) из указанных произведений, написанных в самом начале 30-х годов. И все же «Флаги на башнях» коренным образом отличаются от этих ранних произведений и замыслом, и сюжетом, и идеей. Принципиально новым здесь являлось то, что писатель ввел четырех новых героев (Ваня Гальченко, Игорь Чернявин, Ванда Стадницкая и Гришка Рыжиков) и, проследив судьбу каждого из них, показал формирование их характеров в условиях социалистического коллектива.

На встрече с читателями в Ленинградском Дворце культуры им. С. М. Кирова А. С. Макаренко говорил о том, что «Флаги на башнях» являются продолжением «Педагогической поэмы», хотя по своей направленности эти книги — принципиально различные произведения. Если в «Педагогической поэме» изображаются человек в коллективе, борьба человека с собой, борьба коллектива за свою ценность, за свое лицо, борьба более или менее напряженная, то во «Флагах на башнях» — внутренние движения того замечательного коллектива, в котором посчастливилось работать автору, его судьба, окружение. Автор хотел показать, что «счастье этого коллектива, нередко выражающееся в глубоко поэтических формах, заключается также в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выражаемых внутренними, еле заметными тонами»².

В рукописях и в первом издании «Флагов на башнях» в 1938 г. А. С. Макаренко называл свое произведение рома-

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 207.

² Там же.— С. 192.

ном. В отдельном издании книги в 1939 г. оно было названо повестью.

В разных газетах и журналах в последние два года жизни было напечатано много рассказов А. С. Макаренко, повествующих о строительстве нового, социалистического общества, молодом поколении 30-х годов. Но больше внимания Антон Семенович уделял написанию литературных сценариев для киностудии «Союздетфильм». Над сценарием полнометражного звукового фильма «Настоящий характер» он работал с декабря 1938 г. по январь 1939 г. В нем изображена школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), являвшаяся до 1940 г. основным типом советской профессиональной школы. Выбор именно этого типа школы объяснялся тем, что в своей теории и практике коммунистического воспитания Антон Семенович стремился последовательно реализовать марксистско-ленинский принцип соединения обучения с производительным трудом. Воспитание в коллективе он строил на прочной трудовой основе. Общеобразовательная же школа того времени не привлекала ребят к производительному труду, да и собственно коллективное воспитание в ней отсутствовало. Она не годилась для того, чтобы показать пути и условия формирования настоящего характера подрастающей личности. Именно поэтому и было избрано ФЗУ. В сценарии использован реальный факт: техническое усовершенствование электрического выключателя коммунаром И. Ткачуком, получившее название «ласточкин хвост» (так же назывался первоначально и сценарий). В нем показано, как в комсомольском коллективе под влиянием общественных отношений формируются и совершенствуются характеры ребят.

10 января 1939 г. сценарий был передан в сценарный отдел киностудии «Союздетфильм», а 11 января А. С. Макаренко в дневнике записал: «Сценарий «Союздетфильму» сдал и прочитал... К моему удивлению, он был встречен довольно холодно. Что-то такое говорили: есть, конечно, достоинства, но это повесть, нет драматизма, облегченный конфликт. Нужно давать убийства и «конфликты» — это в ФЗУ!»¹. Первые же сценарий был опубликован только в 1952 г. (Макаренко А. С. Соч.: В 7 т. Т. 6. — М.: Изд-во АПН РСФСР).

Сценарий «Командировка» написан А. С. Макаренко в начале 1939 г., то есть в последние месяцы жизни. Он посвящен рабочей молодежи, продолжает и расширяет тематику «Настоящего характера». Главный герой его — подросток

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 313.

Борис. В связи с ранней смертью отца нарушились единство и целостность семейного коллектива. Борис откололся от семьи и попал под влияние нездорового окружения. Сильный комсомольский коллектив судоремонтного завода, руководимый настоящими коммунистами, перековывает характер Бориса. Индивидуалистическая позиция подростка побеждается сплоченным, политически целеустремленным коллективом.

В постановлении сценарного отдела киностудии «Союздетфильм» от 29 марта 1939 г. отмечалось: «Обсудив сценарий т. Макаренко под условным названием «Командировка», сценарный отдел считает, что как в отношении темы, так и всего образного строя вещи сценарий представляет бесспорный интерес для киностудии «Союздетфильм» и по своему высокому идейно-художественному качеству дает материал для создания полноценного фильма о советской молодежи сегодняшнего дня»¹.

Преждевременной смертью объясняется то, что кинофильмы по обоим сценариям А. С. Макаренко так и не были поставлены. Сценарий «Командировка» впервые был опубликован в 1952 г. в 6-м томе семитомного собрания произведений выдающегося педагога.

А. С. Макаренко написал также ряд статей литературоведческого характера, критических очерков и рецензий.

Советская литература, по убеждению Антона Семеповича, должна не только отражать то, что происходит. Она является не фронтовым информатором, а разведчиком будущего. В каждом ее слове должна заключаться «проекция завтрашнего дня, призыв к нему, доказательство его рождения»². Советскую литературу он называл органом художественного народного зрения, умеющим видеть дальше и проникать глубже, в самую сущность событий, отношений и поступков³.

А. С. Макаренко высказал очень интересные мысли о создании товарищеской творческой лаборатории для писателей, где бы шлифовались тематика и техника литераторов. Необходимость такой лаборатории, которой, как он настаивал, должен сделаться писательский клуб, он мотивировал тем, что «мы мало знаем и мало говорим о композиции произведения, о первом и втором плане, о различном освещении деталей, о натюрморте, о диалоге, об отношении содержания

¹ Цит. по: Макаренко.— Т. 7.— С. 314.

² Макаренко.— Т. 7.— С. 209.

³ См.: Там же.— С. 210.

и формы, о стиле, о значении пейзажа, портрета и так далее и так далее»¹.

По поручению лекционно-экскурсионного бюро Московского областного совета профсоюзов 21 апреля 1938 г. А. С. Макаренко в Большой аудитории Государственного политехнического музея в Москве прочитал лекцию на тему «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей». На ней присутствовали и некоторые бывшие коммунары-дзержинцы.

Прежде всего Антон Семенович раскрыл принципиальное различие причин и общественного положения малолетних правонарушителей в буржуазном и социалистическом обществах. В нашем обществе правонарушитель — только объект воспитания, человек, который должен быть переделан, а не преступник, требующий изоляции. В практике наблюдается много различных методов воспитания таких подростков. Одним из них является и художественная литература, посвященная правонарушителям.

Затем он развенчивает так называемую халтурную литературу и халтурную кинематографию, где правонарушитель становится объектом любопытства и некоторого любования. Опираясь на личный опыт работы с малолетними преступниками, Антон Семенович делает убедительный вывод о том, что, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с педагогической точки зрения: как из беспризорного, из нарушителя воспитать настоящего нового человека. Убедительно показав теоретическую и практическую несостоятельность в этом отношении педологии, он изложил принципиально новую педагогику, выводящую метод воспитания не из рефлексологии, психологии и обстоятельств данной личности, а из целей и политических нужд общества. Знание же психологии детской души только помогает приложить тот или иной метод наиболее удобно в одном случае и несколько отлично — в другом.

Исходя из этого, А. С. Макаренко весьма обоснованно говорил, что он сторонник «активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека»². Он был уверен в беспредельном могуществе воспитательного воздействия и в решающей роли воспитателя в деле воспитания. Если человек плохо воспитан, то виноваты в этом исключительно воспитатели, социальная

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 52.

² Там же.— С. 30.

структура, в которой он находился. Основная мысль лекции заключалась в том, что «воспитание правонарушителей не является по существу какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных ребят», что «существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще»¹.

Именно с этой позиции А. С. Макаренко оценивал и художественные произведения о правонарушителях.

Он очень высоко ценил книжку Л. Сейфуллиной «Правонарушители» за то, что в ней впервые зазвучала искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества, которую можно назвать «оптимистической перспективой в подходе к человеку»¹.

Как образец неудачного воспитания А. С. Макаренко рассматривал «Республику Шкид» Л. Пантелеева. Высоко оценивая художественные качества этой книги, он в то же время полагал, что «само воспитание, которое было там организовано, находилось еще на низкой ступени развития, настолько низкой, что может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и отрицательным толчком для наших школьников»².

Очень резкой критике была подвергнута книга И. К. Микитенко «Утро», которая расценивалась как «стремление нарисовать общество правонарушителей мрачными красками» и как самая отвратительная и дешевая форма «безответственного романтизма, не имеющего под собой никакого основания»³. Педагог считал, что у И. К. Микитенко нарушители такие блатные, таким идиотским блатным языком разговаривают, какого не встретишь на самом деле.

Тщательно проанализировав основной замысел «Педагогической поэмы» и его реализацию, А. С. Макаренко делает вывод, что мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот, что советская педагогика основывается, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании, что соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь в Советском Союзе, и это дает колоссальные результаты.

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 31.

² Там же. — С. 36.

³ Там же. — С. 37.

Идеи, высказанные в лекции, А. С. Макаренко развивал и в статье «Детство и литература» («Правда». — 1937. — 4 июля). Отметив, что в литературе о правонарушителях больше романтики беспризорности, чем педагогики, что «педагогически эти книги так же нейтральны, как и бесполезны»¹, он акцентирует внимание на литературе о школе и семье как факторах воспитания. Автор справедливо упрекал беллетристику в том, что в ней отсутствуют дети, что здесь они зачастую являются совершенно случайными фигурами, только «эстетическим орнаментом», играющим сугубо служебную роль. Фактически отсутствовали книги о советской школе, советских воспитательных проблемах и тех трудных педагогических положениях, которые на деле так часто занимают и нашу семью, и наше общество. Автор призывал литераторов больше внимания уделить детям, ибо обреченно бездетные художественные произведения являются бескровными и холодными. Изображая наше общество без детей, литература обедняет его, дает картину, лишенную богатства красок и подлинной жизненности.

При определении художественных установок писатель исходил из того ползжения, что воспитание нового гражданина осуществляется у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где бы не происходило становление нового человека. Он рассматривал коллективизацию нашего села как самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, как одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества².

А. С. Макаренко считал, что гуманизм советской литературы является одним из самых поразительных явлений социалистической революции. Он направлен против «мировой шайки сумасшедших», к которым относились и Гитлер, и Муссолини, и японские «генералишки».

А. С. Макаренко удивляла растерянность некоторых писателей, страдающих из-за отсутствия тем для художественных произведений. Самой значительной и требующей срочной разработки ему представлялась та группа тем, которая касается самочувствия гражданина нашего, социалистического Отечества, ощущение новой эпохи, нового общества, новой свободы, нового человечества, новых психологических ходов и представлений, которые в конечном счете являются советским патриотизмом. Все это не так просто и примитивно, чтобы о перечисленных темах можно было говорить поверхностно,

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 59.

² Там же. — С. 57.

в форме простой констатации их существования. Они (темы) требуют глубокой и очень тонкой разработки, проникновения в самые интимные и таинственные глубины человеческой психики. Это принципиально важно и потому, что «в новом человеке мы не встретим ничего стандартного, остановившегося», что изображать его мы должны «на походе», в процессе самого бурного, невиданного в мире развития¹.

А. С. Макаренко решительно выступал против шаблона и стандарта в литературе и в литературной критике, которыми часто пользуются «мертвые души, околотитературные мелкие жители, присвоившие себе право судить о литературе»². Наша жизнь сплошь новая. Она никак не может вписаться в какие-то стандарты и шаблоны. Каждый день приносит нам самые новые и самые неожиданные открытия в самой природе человека, в его красоте, в его радости, любви и даже в его слабости, страдании, ошибке. Художественная литература должна открывать это новое. Она должна показывать наше общество в движении, должна быть способной предчувствовать завтрашний день. Для этого требуется и острый глаз, и выразительное слово, и смелость, и умение с товарищеской прямоотой сказать новое слово.

Антон Семенович считал жизненно необходимым повысить ответственность литературной критики, закрыть дорогу «мелким налетам схематиков, у которых так мало вкуса и ума, но зато так много развязности, самоуверенности и странной, ничем не объяснимой безответственности»³. Он полагал, что и нас и нашу жизнь оскорбляет применение кустарных критических шаблонов, оскорбляет то, что критики упростили до последней степени советского человека, раздели его донага, снабдили его стандартными добродетелями, от которых «за сто километров песет христианством». Его освободили от всех конфликтов и радуются: какое счастливое бесконфликтное существо! У него все решено, все ему известно, неизвестен ему только грех⁴.

Решительно выступая против шаблона не только в литературе и критике, но и в воспитании нового человека, Антон Семенович указывал, что в нашей жизни и единство, и строительство, и борьба, и победы — все по-новому богатое, по-новому радостное и по-новому тяжелое. «И счастье нашего человека вовсе не заключается в свободном и безоблачном суще-

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 74.

² Там же. — С. 161.

³ Там же. — С. 162.

⁴ Там же. — С. 163.

ствовании, наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездеятельности»¹.

Советский человек вовсе не бесконфликтный. Наоборот, отличительной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер. «Наша жизнь именно потому прекрасна,— говорил А. С. Макаренко,— что мы способны бороться, т. е. разрешать конфликты, смело идти им навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки, бороться за улучшение жизни, за совершенствование человека»¹. Секрет и красота нашей жизни не в отсутствии конфликтов, а в нашей готовности и умении их решать.

Значительный интерес представляет положение А. С. Макаренко об «очеловечивании» конфликта при социализме. Он отмечал, что в социалистическом обществе «конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности»².

К 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции А. С. Макаренко опубликовал интересную с точки зрения литературоведения, социологии, психологии и педагогики статью «Счастье» (Известия.— 1937.—7 нояб.). Главная мысль ее состоит в том, что традиционно художественная литература фактически не писала о счастье. Она являлась своеобразной бухгалтерией человеческого горя. Правда, некоторые писатели изредка упоминали о счастье, но это всегда был самый простой и общедоступный его сорт — любовь как произведение матери-природы. И даже любовное счастье писатели изображали одинаково скучно и однообразно. Самую лучезарную любовную радость они предпочитали смять новым набором бедствия, горя и препятствий, в изображении которых они всегда были мастерами.

В классово антагонистическом обществе иначе и быть не могло. Ведь даже передовая дворянская литература не находила в себе дерзости рисовать картины счастья, основанного на эксплуатации и горе других людей. Такое счастье неминуемо несло на себе осуждение, оно всегда противоречило требованиям самого примитивного гуманизма. Настоящее искусство никогда не могло открыто оправдать человеческое неравенство. В эксплуататорском обществе жизнь личности колебалась от циничной жизни насильника до такой же циничной и безобразной жизни подавленного человека, и поэтому счастье всегда содержало в себе некоторый элемент того же цинизма.

¹ См.: Вопросы теории и истории педагогики: Страницы из записных книжек / Под ред. А. С. Ососкова; Труды Орехово-Зуевского педагогического института.— М., 1960.— С. 27.

Только Великий Октябрь впервые в истории человечества дал возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью. Оно является очень сложным, богатейшим комплексом самочувствия советского гражданина. «В этом комплексе,— писал Антон Семенович,— любовная радость именно потому, что она не обособлена, не уединена в своем первобытно-природном значении, дышит полнее, горит настоящим горячим костром, а не теплится где-то в случайной лачуге в качестве одного из паркотиков, умеряющих страдания человека»¹.

Наше счастье очень широко. Оно состоит прежде всего в том, что мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что оно перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей straps, потому что теперь она наша, а не нашего хозяина. Мы знаем теперь, какая красота и радость заключаются в дисциплине, потому что «наша дисциплина — это закон свободного движения, а не закон своеволия поработителей»². Наше счастье является не подарком «провидения», а завоевано в жестокой борьбе и принадлежит только искренним и прямым членам бесклассового общества. Кто же умеет плавать только в мутной воде эксплуатации, тому счастья у нас не положено.

А. С. Макаренко высказывал твердое убеждение в том, что именно тема о нашем советском счастье должна стать самой достойной темой для советского художника, в особенности для писателя.

В тесной связи с понятием счастья рассматривает А. С. Макаренко и понятие судьбы, которая в течение веков являлась истинной хозяйкой счастья как атрибута отдельной личности без всякого намека на какое бы то ни было общественное устройство. Судьба, как страшный символ случайности, необеспеченности жизни человека, зависимости его от стихии, насилия и грабительства сильных, «хорошо погуляла на тысячелетних пространствах истории»³. За длинную свою многовековую жизнь она хорошо специализировалась на всяких пакостях человеку: безработице, нищете, беспросветному труду, старости и болезни.

Уничтожающий удар по судьбе нанесла Великая Октябрьская социалистическая революция. В социалистическом об-

¹ Макаренко.— Т. 7.— С. 95.

² Макаренко.— Т. 7.— С. 96.

³ Там же.— С. 105.

ществе труд как обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина и удовлетворения потребностей стали равноправными логическими и экономическими категориями, и для самодурства судьбы не осталось никакого простора.

А. С. Макаренко один из первых советских литераторов обратил внимание на специфику детской литературы. Он полагал, что детской литературе должна быть присуща прежде всего высокая художественность. Однако только этого требования явно недостаточно. Нужна разработка вопросов теории детской литературы. Высокая художественность детской литературы должна выражаться в своеобразных формах, особенных, свойственных только детской книге. Художественное выполнение детской книги он считал чрезвычайно трудным делом, требующим высокой писательской квалификации¹.

Детская литература должна отличаться простотой рассказа, его строгой логической последовательностью, отсутствием каких бы то ни было словесных изощрений. В ней должны быть особая яркость и полноправность красок, совершенно явный реализм, точное разделение светлого и темного. Здесь неуместен никакой импрессионизм. Та прямая борьба светлого и темного, какая есть в сказке, должна быть в каждой детской книжке. В ней не нужны тонкая психологическая игра, слишком детальный анализ. Еще менее уместны в ней пассивно созерцательная лирика, старческие, грустные размышления над прирской.

Принципиально важно, чтобы детские книги преследовали цель создания и воспитания цельной человеческой личности. Этому больше всего противоречила очень распространенная в то время добродетельная манера некоторых авторов, проповедовавших абстрактную доброту. А. С. Макаренко решительно отвергал скучную, серенькую, бездельную, прибрапную христианскую добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества, находивших себе место и на страницах детских книг, и в работе некоторых педагогов². Одновременно он подчеркивал, что настоящая художественная литература всегда была литературой гуманистической, всегда отстаивала лучшие идеи человечества.

А. С. Макаренко полагал, что произведения детской литературы могут писаться на любые темы и «сколько-нибудь

¹ См.: Макаренко.— Т. 7.— С. 199.

² Там же.— С. 158—159.

серьезных и принципиальных ограничений «детской» тематики указать нельзя»¹. Особенности детской литературы Антоп Семенович видел не в том, о чем рассказывается, а в том, как рассказывается. Причем детская книга не должна строго следовать за возрастным комплексом психики, а должна идти всегда впереди этого комплекса, должна вести ребенка вперед, к тем пунктам, на которых он еще не был. Детство настолько многообразно, что, в сущности, становятся совершенно условными наши возрастные представления.

А. С. Макаренко, раскрывая стилевые особенности детской книги, говорил о том, что ее сюжет, по возможности, должен стремиться к простоте, а фабула — к сложности. Какого бы то ни было «психологического» расцвечивания сюжета, излишнего синтеза и обобщения не должно быть в детской книге. Фабула же, то есть схема событий, внешних столкновений и борьбы, наоборот, может быть как угодно сложна и действенна. Дети любят движения, события, перемены и происшествия. Поэтому в детской книге не следует бояться самой сложной фабулы, самой изощренной сетки событий. Особая роль в детской книге отводится изображению характеров. Ее герои должны быть цельными людьми.

Значительный интерес представляют и многочисленные рецензии А. С. Макаренко на различные художественные произведения. Они отличаются четкостью и предельной ясностью изложения, с некоторой педагогической заостренностью и направленностью, по-настоящему глубоко партийны и бескомпромиссны.

За выдающиеся заслуги в области литературы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. А. С. Макаренко в числе большой группы писателей был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В этом писатель видел не только награду, но прежде всего утверждение, что ему поручен определенный участок, за который он отвечает перед народом, что он не художник-партизан, выражающий свои чувства, а художник-организатор, уполномоченный народом выражать стремления нашей жизни.

«Я отвечаю за то, — писал А. С. Макаренко, — чтобы в моей работе было прямое, политическое, боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование.

Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моем художественном слове не было искажения

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 185.

перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать»¹.

А. С. Макаренко не только призывал писателей глубже проникать в сущность общественных событий, превращая искусство в «орган художественного народного зрения», разведчика будущего и ответственный участок «единого фронта социалистического наступления», но и сам в этом отношении являлся образцом для подражания. Его художественные произведения, литературно-критические статьи, рецензии, научно-педагогические книги, статьи, лекции и выступления всегда отличались высокой гражданской ответственностью, партийно-политической принципиальностью, подлинным социалистическим гуманизмом. Все они направлены на утверждение коммунистической нравственности, устремлены в будущее. В этом и состоит их непреходящая сила и значимость.

Педагогическое и литературно-художественное органически переплеталось в деятельности А. С. Макаренко. Их практически невозможно разделить и в его творчестве. Пафосом всего его педагогического и литературного труда А. С. Макаренко, главным делом всей его жизни стала мысль: вся задача педагогики заключается в том, чтобы суметь применить к воспитанию детей и юношества моральные нормы, нравы, устои, складывающиеся традиции новой действительности, нового общества. Весь пафос, вся сущность педагогических идей А. С. Макаренко являлась не чем иным, как применением к воспитанию детей и молодежи норм и отношений, этики и эстетики советского общества¹.

Для макаренковских учреждений характерным было обостренное чувство силы и красоты коллектива. Оно играло огромную роль в коммунистическом воспитании, являясь своеобразным «эмоциональным цементом» (выражение И. Г. Эренбурга).

Педагогическое для А. С. Макаренко всегда было и эстетическим. Поэзия педагогики у него сливалась с поэзией нашей жизни, а та и другая — с эстетикой социализма, с коренным принципом искусства социалистического реализма: прекрасное — это борьба за коммунизм, это законы жизни

¹ Макаренко. — Т. 7. — С. 209—210.

² См.: Ермилов В. О своеобразии произведений А. С. Макаренко // Знамя. — 1954. — № 8. — С. 133.

социалистического общества. Только глубокая связь с действительной жизнью советского общества, глубокое понимание законов жизни нового общества, только партийность и могла привести его к этим замечательным выводам, одинаково значимым и для советской педагогики, и для советской эстетики.

К. И. Чуковский в своих воспоминаниях писал: «Советские дети, их душевная жизнь, их будущее — об этом Антон Семенович мог говорить до утра, ибо и после того, как он стал профессиональным писателем, в нем не умирал педагог — педагог по природе, по призванию, по страсти»¹. Сам же писатель говорил, что, когда он писал «Педагогическую поэму», то меньше всего ощущал себя писателем, а был все-таки педагогом². В нем действительно органически сочетался великий педагог и талантливый писатель педагогического профиля.

¹ Чуковский К. Современники.— С. 550.

² См.: Макаренко.— Т. 7.— С. 38.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческое наследие А. С. Макаренко никак не ограничивается временными рамками его создания, то есть 20—30-ми годами нашего века. Оно, являясь подлинно научной педагогикой, все устремлено в будущее. В нем фактически ничего не устарело. Все обобщения и выводы Антона Семеновича не только могут, но и должны быть применимы в современных условиях, когда, в соответствии с требованиями реформы общеобразовательной и профессиональной школы, существенно совершенствуется система коммунистического воспитания школьников.

Мы и сегодня воспринимаем А. С. Макаренко как нашего боевого соратника на педагогическом фронте, как борца против всего косного и отжившего в теории воспитания. «Борьба за «макаренковскую линию» в педагогике — это борьба за творческую педагогику коммунизма»¹ — этот призыв журнала «Народное образование» и сегодня является актуальнейшей задачей советской школы и педагогики.

Разумеется, речь идет не о слепом копировании выдающегося педагога в деталях и фактах его удивительного педагогического опыта, но о творческом применении его идей и принципиальных педагогических положений в соответствии с требованиями современности, конкретных педагогических условий и задач, возникающих на современном этапе развития нашего общества.

А. С. Макаренко — классик социалистической педагогики. Его педагогическое наследие хорошо известно во всех странах социалистического содружества. Особенно успешно и результативно оно исследуется и используется в Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республике, Польше, Румынии, Чехословакии, где за последние годы сформирова-

¹ За боевую, макаренковскую линию в педагогике // Нар. образование.— 1963.— № 3.— С. 8.

лись достаточно сильные коллективы макаренковедов, разрабатывающих конкретные пути внедрения идей А. С. Макаренко в современных условиях. Весьма успешно используется макаренковская педагогика в Китае, КНДР, на Кубе, во Вьетнаме и в других странах, ставших на путь социалистического развития.

Наследие А. С. Макаренко стало предметом серьезных научных изысканий и во многих буржуазных странах, в частности, во Франции, Англии, США, Канаде, Японии. Широко известна макаренковская лаборатория Марбургского университета (ФРГ), которая за последние 20 лет провела ряд крупных исследований в области макаренковедения. Фактически трудно назвать страну, где бы имя выдающегося педагога не было известно. Оно заняло достойное место в ряду выдающихся ученых мира XX века. Красноречивым свидетельством тому явился 100-летний юбилей А. С. Макаренко, который, в соответствии с решением ЮНЕСКО, широко отмечался в 1988 г. во всем мире.

Как и всякие крупные открытия, открытия А. С. Макаренко в педагогике намного опередили свое время. Теперь для их реализации представляются самые благоприятные условия. Об этом свидетельствуют установки XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной конференции КПСС, материалы и решения февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, направленные на коренную перестройку воспитания, образования и обучения подрастающего поколения.

Научно-теоретическое наследие выдающегося советского педагога — это не только прекрасное прошлое. Все оно пропитано глубокой партийностью, чувством высокой ответственности советских педагогов за будущее молодого поколения социалистического общества. Это и обеспечивает его практическую значимость и актуальность. Глубокое овладение всей педагогической общественностью научно-теоретическим наследием Антона Семеновича Макаренко — одно из важных условий успешного решения тех сложных задач, которые ставит перед современной школой сама жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Жизнь, педагогическая и общественная деятельность А. С. Мака- ренко	15
Педагогические взгляды А.С. Макаренко	
О сущности советской системы воспитания	88
О коллективе как важнейшем условии и средстве коммуни- стического воспитания	105
О взаимосвязи обучения и производительного труда учащихся	120
Физическое и эстетическое воспитание	132
Теоретические основы семейного воспитания детей и под- ростков	147
Педагогические аспекты литературно-художественного наследия А. С. Макаренко	158
Заключение	189

Научное издание

Педагогическая библиотека

Ярмаченко Николай Дмитриевич

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ А. С. МАКАРЕНКО**

Книга для учителя

Заведующий редакцией *А. И. Цедик*. Художник обложки *М. М. Вольнов*. Художественный редактор *Г. Е. Полищук*. Технический редактор *О. Д. Новикова*. Корректор *Е. С. Коваленко*.

ИБ 6208

Сдано в набор 13.04.89. Подписано в печать 12.12.89. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. вр.-этт. 10,08. Уч.-изд. л. 11,63. Тираж 50 000 экз. Изд. № 32450. Заказ № 9-186. Цена 1 р.

Издательство «Радянська школа», 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 6.

Книжная ф-ка им. М. В. Фрунзе 310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

102

Н. Д. ЯРМАЧЕНКО

Л
Б
*